

Лев Николаевич Гумилев

Черная легенда

историко-психологический этюд

Опубликовано // Хазар, 1989, № 1, 2. (В соавторстве с А.И. Куркчи).

Сборники научных статей — не самый ходовой книжный товар в эпоху становления рыночной экономики. Покупая такую книгу, будущий читатель должен быть, как минимум, уверен в двух вещах. Во-первых, в том, что по названию он правильно понимает, о чем идет речь в содержательной части. Во-вторых, в том, что сама содержательная часть представляет для него хотя бы ограниченный интерес. Ну а если и имя автора знакомо читателю, значит, книга имеет все шансы быть не только купленной, но и прочитанной.

Думается, что у сборника статей Л.Н.Гумилева "Черная легенда" такие шансы есть. Имя нашего знаменитого современника и сегодня, спустя полтора года после его кончины, у всех на слуху. Написанные им книги, посвященные этногенезу и этнической истории народов нашей Родины, получившие известность еще при его жизни, переиздаются обильно, хоть и не всегда умело и добросовестно. Гумилева читают, о Гумилеве спорят. Можно сказать, сбылась заветная мечта Льва Николаевича: он не только навсегда остался в первом ряду театра отечественной истории, но и сам теперь стал его действующим лицом.

Впрочем, о ценности этой книги говорит не только имя ее автора. На первый взгляд, словосочетание "черная легенда" может показаться завлекающей приманкой, таким литературным изыском, скрывающим скучноватые научные сюжеты. (Нельзя не признать, что для опасений такого рода наука дает все основания). Научное изложение почти всегда сухо и подчеркнута сдержанно. Научные идеи принадлежат к сфере рационального и потому, как правило, не имеют художественных имен: у них есть только служебные наименования. И все же у этого жесткого правила бывают и исключения. Иногда научная идея получает имя. Такое событие следует признать экстраординарным. Ведь появление у научной идеи литературного имени является зримым свидетельством того, что сама научная идея стала общественно значимой. Следовательно, ее содержание затрагивает так или иначе умы и чувства множества людей, иной раз весьма и весьма далеких от споров внутри научного сообщества. Именно так обстоит дело с "Черной легендой" Л.Н. Гумилева. История появления этого имени у научной идеи заслуживает более подробного автобиографического и научного экскурса.

Все имеет свое начало — есть оно и у "Черной легенды". Имя идее дал автор, и потому истоки имени "Черная легенда" в буквальном смысле слова совпадают с истоками научного творчества Льва Николаевича Гумилева. Он не раз говорил, что интерес к истории и географии проявился у него еще в детстве. Едва научившись читать, маленький Лев с жадностью прочитывал те книги из домашней библиотеки, в которых описывалась экзотическая природа далеких стран и диковинные нравы их обитателей: североамериканских индейцев, негров экваториального Конго, аборигенов Австралии. Наверное, в этом предпочтении значительную роль сыграла "генетическая память", пример отца — знаменитого путешественника, подлинного поэта романтических странствий. И хотя Лев Николаевич был далек от поэтического романтизма, его детское пристрастие определило практически весь характер его интеллектуальных исканий и трудов.

Переходя к разговору о научных работах Л.Н. Гумилева, мы вынуждены сразу сделать одну оговорку. Масштаб деятельности любого человека может быть верно оценен лишь в контексте той общественной обстановки, в которой человек жил. Эта банальная истина куда как справедлива применительно ко Льву Николаевичу. "Знамения времени" принесли ему тяжелые

личные испытания. В 1921 году по сфабрикованному обвинению за участие в мифическом «таганцевском» заговоре расстрелян отец, Николай Степанович Гумилев. В 1935 году впервые арестовывают Льва Николаевича, но чуть погодя выпускают. Через 4 года — новый арест и приговор к 5 годам заключения. Освободившись, Л.Н. Гумилев в 1944 добровольцем уходит на фронт и возвращается победителем, дойдя до Берлина. Но вскоре после «ждановского» Постановления ЦК ВКП(б) "О журналах «Звезда» и «Ленинград», где было подвергнуто большевистской критике творчество матери Льва Николаевича А.А. Ахматовой, Л.Н.Гумилева опять арестовывают. По приговору Особого совещания НКВД он получает на сей раз 10 лет. Лишь в 1956 году Л.Н. Гумилев окончательно обретает свободу. В момент освобождения ему исполнилось уже 43(!) года.

Для живущих в «постперестроечное» время, когда

"Багровым огнем догорает эпоха,
А мы наблюдаем за тенью и светом",

перечисленные выше факты воспринимаются несколько бледновато. Небольшая выдержка из мартиролога 70-летних репрессий уже никого не потрясает. Однако многим хватило и меньших неприятностей, чтобы отказаться от дорогостоящей роли возмутителей общественного спокойствия. На этом фоне мужество Льва Николаевича, который не только не перестал заниматься любимым делом, но и рискнул высказывать свое мнение, безусловно, находится на уровне личного и научного подвига. Поистине трудно назвать по-иному ту целеустремленность и верность, с которой Л.Н.Гумилев всю жизнь вопреки обстоятельствам работал над избранной в юности темой — этнической историей степных кочевников Евразии.

Автор этих строк, имевший счастье учиться у Льва Николаевича и довольно близко общаться с учителем на протяжении 10 лет, естественно, не раз задавал ему вопрос о том, как именно пришел он к своей основной научной теме. Гумилев отвечал так: "Когда я был ребенком и читал Майн Рида, я неизменно сочувствовал индейцам, защищавшим свою землю от «бледнолицых». Но, поступив в Университет и начав изучать всеобщую историю на первом курсе, я с удивлением обнаружил, что в истории Евразии есть свои «индейцы» — тюрки и монголы. Я увидел, что аборигены евразийской степи также мужественны, верны слову, наивны, как и коренные жители североамериканских прерий и лесов Канады. Но больше всего меня поразило другое. Отношение цивилизованных европейцев к индейцам ничем не отличалось от их отношения к тюркам и монголам. И те и другие считались равно «дикими», отсталыми народами, лишенными права на уважение к их самобытности. "Господи, — подумал я, — да за что ж им такая немилость?" Но моя попытка разобраться в вопросе непредвзято столкнулась с немалыми сложностями. Целостной истории тюрков и монголов просто не было. Тогда-то я и решил заняться этой темой сам".

Приведенная цитата из разговора, несмотря на ее поневоле беллетризованную форму, прекрасно характеризует состояние дел в отечественной номадистике на момент прихода Л.Н. Гумилева в официальную науку. Действительно, не только в 30-е годы, но и еще тридцать лет спустя, в начале 60-х годов, история кочевых тюрко-монгольских народов освещалась недостаточно и осмыслялась крайне примитивно. Взгляд на кочевников степной Евразии как на периферию Китая считался аксиомой.^[1]

Вместе с тем существовали и реальные предпосылки для переосмысления, проблемы. Добросовестные труды русских (Н.Я. Бичурин — о. Иакинф) и французских (R.Grousset) ориенталистов XIX века свидетельствовали, что"...исторические закономерности развития

середины континента, его западной и восточной окраин, лесной и степной зон, имеют общие черты, точнее свою специфику культуры, которая резко отличает этот регион и от «Запада» и от "Востока"». [2]

Еще до поступления в Университет, в 1930 году, начал Л.Н.Гумилев собирать первые материалы по истории степных народов Евразии. [3] Но его желание продолжить эту работу в процессе учебы на историческом факультете натолкнулось на неожиданное препятствие. К моменту окончания Гумилевым средней школы, в начале 30-х годов, исторического факультета в Ленинградском университете просто не существовало: его закрыли за ненужностью в связи с полной заменой истории обществоведением. И потому молодой Лев Гумилев в 20 лет начал свою научную работу не на студенческой скамье, а в экспедициях. Вот как он сам позже напишет об этом периоде своей жизни: "В молодости, еще в 1932 г., мне довелось работать в Таджикистане малярийным разведчиком. Работа заключалась в том, что я находил болотца, где выводились комары, наносил их на план и затем отравлял воду "парижской зеленью". Количество комаров при этом несколько уменьшалось, но уцелевших вполне хватало, чтобы заразить малярией не только меня, но и все население района. Однако я извлек из этой работы максимальную пользу, потому что освоил глазомерную съемку и разговорный таджикский язык". [4]

Разумеется, экспедиции в молодые годы лишь укрепили Л.Н. Гумилева в его научных интересах. Он уже не по книгам, а наяву открыл для себя красочный экзотический мир природы и культуры Азии. Не случайно сразу же после поступления в 1934 году на вновь открытый исторический факультет Ленинградского университета Лев Гумилев начинает писать свою первую научную статью "Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII веках". После войны, в краткий миг свободы 1945–1949 годов, он сумеет, сдав за несколько месяцев экстерном все университетские экзамены, защитить кандидатскую диссертацию — "Подробная политическая история первого тюркского каганата". Основу ее составит та самая первая довоенная работа.

Но первую книгу своей "Степной трилогии" Л.Н.Гумилеву пришлось писать уже в неволе. На маленьких «осьмушках» бумаги, которые он ухитрялся доставать и которые ему дарили друзья, рождалась история первого из прославивших себя народов Великой степи — «Хунну». Рукопись уцелела, дождалась до освобождения; в 1956 году Лев Николаевич привез ее в Ленинград, а в 1960 году «Хунну» вышла в свет отдельной книгой. [5] Чуть раньше была опубликована и упомянутая выше первая научная статья Л.Н. Гумилева по истории тюрков.

В начале 60-х годов закончил Л.Н. Гумилев и работу над второй книгой "Степной трилогии" — "Древние тюрки", хотя опубликована она была лишь шесть лет спустя. [6] К началу 70-х "Степная трилогия" завершилась: в 1970 году к читателям пришла последняя, третья книга — "Поиски вымышленного царства: Легенда о государстве пресвитера Иоанна". Именно к этому моменту и относится само появление имени "черная легенда".

Создав широкую и обоснованную картину истории Великой степи, в последней книге "Степной трилогии" Л.Н. Гумилев убедительно показал ту конкретно-историческую обстановку, в которой родилось у западноевропейцев предвзятое отношение к степнякам Евразии как к патологически жестоким дикарям, ориентированным на уничтожение чужой культуры.

По Гумилеву, рождение "черной легенды" восходит к концу XIII века. Предпосылки ее возникновения были таковы. Западноевропейские крестоносцы XII века объединялись в специфические военно-религиозные организации — ордена, специально предназначенные папой для освобождения "Гроба Господня". Как таковые, тамплиеры и иоанниты были весьма заинтересованы в увеличении масштабов католической экспансии в Святую землю. Поскольку историко-географические представления западноевропейцев XII–XIII веков находились на

уровне вполне мифологическом, любая легенда легко воспринималась ими как действительность.

Этим и воспользовались тамплиеры. Именно они принесли в Европу миф о якобы существующем где-то в Азии "государстве пресвитера Иоанна" — христианского государя и потенциального союзника в борьбе с мусульманами. Обольщенные перспективой близкой победы тысячи немцев и французов направились во второй крестовый поход, который закончился полным разгромом, ибо никакого союзника не было и в помине. Однако сама легенда не умерла, а осталась жить в общественном сознании средневековой Европы. К середине XIII века ситуация изменилась. Монгольское войско, преследуя своих "природных врагов" — половцев, вторглось в Западную Европу, так как венгерский король Бела IV дал убежище половецкому хану Котяну. В двух битвах 1241 года — при Лигнице и Шайо — монголы наголову разгромили польско-немецкую армию Генриха Благочестивого и венгеро-хорватское войско Белы IV. Затем подверглись разгрому Венгрия, Словакия, Восточная Чехия и Хорватия.

Однако перед лицом монгольской угрозы единства в Западной Европе не было. Странники папы — гвельфы — всеми силами старались создать антимонгольскую коалицию. Их политические противники — гибеллины — напротив, искали союза с монголами. Глава гибеллинов, император Священной Римской империи германской нации Фридрих II, непримиримый враг папы Иннокентия IV, вступил в переговоры с Батыем. Достигнув тайной договоренности с ханом, император отдал на растерзание гвельфскую Венгрию. В итоге папа Иннокентий IV вынужден был бежать из Рима в Лион, под покровительство французского короля, где и предал проклятию обоих своих врагов — и хана, и императора.

Но изменения в XIII веке произошли не только в Западной Европе. В не меньшей мере они коснулись Монгольского улуса. В 1259 году умер великий хан Мункэ. Законным наследником престола стал Ариг-буга, христианин несторианского толка. Уже в 1260 году монголы под руководством нойона Кит-буги двинулись в "желтый крестовый поход" против мусульман — египетских мамлюков. (Последние, кстати говоря, в значительной части состояли из извечных врагов монголов — половцев, проданных в Египет в рабство, принявших формально ислам и фактически обладавших властью в Египте.).

Двинувшись в крестовый поход через Сирию, Кит-буга нойон, разумеется, рассчитывал на помощь естественных союзников — христианских рыцарей-крестоносцев. По всей видимости, заверения в союзе были получены, и Кит-буга нойон им поверил.

Но тамплиеры и не собирались выполнять взятых на себя обязательств. Поскольку ордена создавались и поддерживались папой для войны с неверными, рыцари были заинтересованы не в конечной победе над мусульманами, а в продолжении войны любыми средствами. Ведь "освобождение Гроба Господня" означало бы, что цель существования крестоносного движения достигнута, а ордена должны быть распущены. Тем самым приходил конец и бесконтрольной власти, и деньгам, поступающим из Европы на "святое дело". Подобная перспектива крестоносцев не вдохновляла. Кроме того, по самому своему положению крестоносцы являлись политическими сторонниками папского престола. А в римской курии за прошедшие двадцать лет отнюдь не забыли союза между монголами и "скорбью католической церкви" — императором Фридрихом II.

В итоге монголы не получили от рыцарей обещанной помощи и, лишенные поддержки союзника, были разбиты мамлюками при Айн-Джалуде (1260 год).

Вместе с тем и папа и крестоносцы прекрасно понимали последствия своего демарша. Перед общественным мнением Европы и совершенное предательство, и очередная мусульманская победа нуждались в достойном оправдании. С этой точки зрения сами монголы представляли идеальный объект для дезинформации: за двадцать лет страх перед монгольскими

победами при Лигнице и Шайо ни у кого не успел выветриться из памяти. Сознательная ложь папистов упала на подготовленную почву. "Черная легенда" о злых человекоподобных варварах, которые не только помощи, но и отношения человеческого не заслуживают, начала свою многолетнюю жизнь в мироощущении западноевропейцев.

Итак, Л.Н. Гумилев вскрыл социально-политический генезис "черной легенды", но эта констатация коллизии XIII века не удовлетворила его самого. В самом деле, без ответа оставался главный интересовавший Л.Н. Гумилева вопрос — почему ложь, родившаяся в XIII веке, оказалась столь живучей и надолго пережила породившую ее политическую ситуацию? Ведь и для просвещенного европейца "...азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие — от Карпат, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики".^[7] Более того. "К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды" (там же).

Для объяснения живучести "черной легенды" методов традиционной историографии оказалось недостаточно. И все же справедливости ради стоит сказать и о другом. Вне рамок официальной советской исторической науки существенные предпосылки для понимания природы "черной легенды" существовали еще до Второй мировой войны. Создание таких предпосылок было делом «евразийцев» — новой историко-географической школы, возникшей в эмиграции среди молодого поколения русских ученых. В число «евразийцев» в разное время входили историк Г.В. Вернадский, географ П.Н. Савицкий, философ Л.П. Карсавин, искусствовед П.П. Сувчинский, филолог кн. Н.С. Трубецкой, публицист Г.В. Флоровский и другие деятели изгнанной русской науки и культуры.

Первый сборник трудов «евразийцев», имевший название "Исход к Востоку", увидел свет еще в 1921 году, но, по понятным причинам, он не был знаком читателям в СССР.

Изложение более или менее подробно концепции «евразийства» было бы слишком объемным, да и не входит в задачу автора предисловия. Поэтому мы отметим здесь лишь те основные элементы «евразийского» мировоззрения, каковые являются существенными для нашей темы.

Сердцевиной «евразийской» доктрины стало представление о тождестве исторических судеб России и Евразии. Один из основоположников «евразийства», Г.В.Вернадский, с предельной ясностью сформулировал постулат следующим образом: "...Нет естественных границ между «европейской» и «азиатской» Россией. Следовательно, нет двух России, «европейской» и «азиатской». Есть только одна Россия евразийская или Россия-Евразия".^[8] Поэтому Россия воспринималась «евразийцами» как "особый культурно-исторический мир", "не просто государство, а одна шестая часть света, не Европа и не Азия, а срединный особый континент — Евразия со своей самостоятельной культурой и исторической судьбой (Утверждение евразийцев. — "Проблемы теории и практики управления", 1991, N 3, стр.125). Соответствовало основной идее и полное переосмысление роли Великой степи в истории России. «Евразийцы» первыми отказались от русской составляющей "черной легенды" — идеи о татаро-монгольском иге, господствовавшей в русской историографии с XVIII века в качестве западноевропейского заимствования российских петиметров. Для «евразийцев» Россия являлась просто православной вариацией единой евразийской Империи, возникшей на базе последнего из прошлых евразийских монолитов — Монгольского улуса. Таким образом, свойственный «евразийцам» взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока привел их к закономерному, хотя и парадоксальному, выводу о безусловно плодотворной, органичной роли кочевников

Евразии в становлении России.

Л.Н.Гумилев получил возможность ознакомиться с трудами «евразийцев» лишь в середине 60-х годов, когда его "Степная трилогия" уже была завершена, а пассионарная теория этногенеза еще только создавалась. Но после знакомства с «евразийством» он полностью разделил «евразийские» взгляды и оценки. Примечательно, что такие столпы «евразийства», как П.Н.Савицкий и Г.В.Вернадский (с первым Л.Н.Гумилев познакомился лично в 1966 году в Праге, со вторым долгие годы находился в переписке), считали Льва Николаевича полноправным членом своей научной школы. В позднейших публикациях эпохи гласности Л.Н.Гумилев сам называл себя "последним евразийцем", бесспорно, имея к тому все научно-методологические и моральные основания.^[9]

Действительно, в тесных рамках советской исторической науки Л.Н.Гумилев первым выступил с изложением «евразийской» точки зрения на проблему татаро-монгольского ига, доказывая с фактами в руках, что в истории России никакого ига не было и быть не могло.

И все же, на наш взгляд, абсолютно несправедливо и неправомечно сводить роль Л.Н. Гумилева в борьбе с "черной легендой" исключительно к проповеди «евразийских» взглядов на историю взаимоотношений Руси и Великой степи. Меньше всего Л.Н. Гумилев был эпигоном. "Последний евразиец" творчески синтезировал «евразийские» "предчувствия и свершения" с результатами своих собственных полувековых трудов по изучению этнической истории Великой степи и таким образом превратил собственно «евразийство» из социально-культурологической утопии начала XX века в достаточно обоснованную научную доктрину конца нашего столетия.

Творческий синтез «евразийства» в его наиболее истинных и оправданных положениях, системного подхода в версии Афон Берталанти, учения В.И. Вернадского о биогеохимической энергии живого вещества биосферы и, наконец, материалы собственных историографических работ по Великой степи позволили Л.Н. Гумилеву совершить качественный прорыв в отечественной науке о человеке. В середине 70-х годов он создает целостную, непротиворечивую пассионарную теорию этногенеза, в основе которой лежит представление об этносе как о биосферном, несоциальном феномене человеческого поведения.^[10]

Тогда-то и получила объяснение природа возникновения "черной легенды". Оказалось, что "...неявное отождествление в глазах не только средневековых европейцев, но и китайцев, — народов России и Монголии, сливавшихся для них в нечто целое, хотя и раздробленное и неосязаемое" (стр. 29) есть вполне закономерное с точки зрения теории этногенеза явление. Оно лишь частный случай проявления поведенческой реальности суперэтноса Евразии-России. "Ведь даже в Париже, в школе восточных языков, фигурировал русский, и выражение "поскреби русского и найдешь татарина" было как бы не требующим доказательств". Следовательно, то "...отношение к России, которое в странах Западной Европы считалось вполне естественным и даже единственно возможным: недоброжелательное и несколько пренебрежительное" (стр. 28), представляет собой естественное следствие отрицательной комплиментарности между двумя суперэтносами — Западной Европой и Россией-Евразией.

"Комплиментарность — явление природное, возникающее не по приказу хана или султана и не ради купеческой выгоды. То и другое может, конечно, корректировать поведение контактирующих персон, руководящихся соображениями выгоды, но не может изменить искреннего чувства, которое, хотя на персональном уровне и бывает столь разнообразным, как индивидуальные вкусы, но на популяционном — приобретает строго определенное значение, ибо частые отклонения от нормы взаимно компенсируются" (стр. 30). И потому в рамках пассионарной теории этногенеза сам вопрос о том, кто культурнее: европейцы или степняки, русские или американцы, не ставится вообще. Гумилевская этнология"...беспристрастна, так как единственным ее мерилom является уровень пассионарного напряжения, проявляющийся в

частоте событий, последовательность которых образует плавную мелодию чередования эпох и, наконец, заметную смену фаз этногенеза" (стр. 36).

Таким образом, любая идея «отсталости» или «дикости», по Гумилеву, закономерно возникает при использовании традиционного историографического подхода с использованием синхронистической шкалы времени, "...когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники" (стр. 35). Л.Н.Гумилев на конкретных примерах, сравнивая по этническому возрасту Хунну, Германию и античную Элладу (стр. 36 и далее), убеждает читателей в бессмысленности сравнений методами традиционной историографии.

Но, конечно, Л.Н. Гумилев не был бы сам собой, если бы, придя к выводам подобного рода, он оставил свою "Степную трилогию" на уровне обыкновенных востоковедческих штудий. Он приступил к реализации нового, еще более масштабного замысла: написать, опираясь на пассионарную теорию этногенеза, сводную этническую историю Евразии от хуннов до русских. 1989 год ознаменовался появлением основной части этого масштабного труда. Увидел свет новый фундаментальный трактат А.Н. Гумилева — "Древняя Русь и Великая степь", целиком построенный на основе пассионарной теории этногенеза и посвященный анализу взаимоотношений Руси и Степи в VIII–XIV веках. Ее сюжеты, трактующие об источниках и природе "черной легенды", помещены в этом сборнике и, бесспорно, составляют сердцевину нового тематического издания.

Но, увы, для самого Л.Н. Гумилева итоги его многолетних трудов по "черной легенде" оказались неутешительны. Все написанное им и о татаро-монгольском иге и вообще о природе этноса было слишком непривычно для советского научного и творческого истеблишмента 60-80-х годов. Уже появление первых научных работ Л.Н. Гумилева по этногенезу вызвало резкую печатную полемику, кондичии которой были куда как далеки от научных. Тогдашнее руководство Института этнографии АН СССР во главе с академиком Ю.В.Бромлеем обрушило на Л.Н.Гумилева поток обвинений в "географическом детерминизме", «бихевиоризме», «биологизме». В работах ученого адепты официальной национальной политики обоснованно видели отказ от изжившего себя "классового подхода" и прочей обществоведческой атрибутики.^[11]

С другой стороны, академическая общественность не осталась одинока в своем благородном марксистском негодовании; С прямым печатным доносом на Л.Н. Гумилева выступил в журнале "Наш современник" автор романа-эссе «Память» В. Чивилихин. Изложив свой взгляд на историю Великой степи как на историю насилий и убийств, творимых на базе неразвитых производительных сил, автор эссе призывал к запрещению "человеконенавистнической" теории пассионарности, к наказанию ученого, посмеявшегося отвергнуть идею об извечной вражде Руси и Степи.

Вся эта кампания тяжело сказалась на судьбе трудов и на личной судьбе Л.Н.Гумилева. Поскольку научные оппоненты не решились на открытую и развернутую дискуссию с автором ни по "черной легенде", ни по пассионарной теории этногенеза, началась неофициальная, но жесткая кампания замалчивания гумилевских работ. В течение 15 лет коммунистические идеологи из ЦК и Академии блокировали публикации работ Л.Н.Гумилева, лишали гумилевские идеи права на свободное обсуждение. Сколь плотной была эта блокада, легко увидеть даже из библиографии гумилевских работ.^[12] В советской научной печати 1975–1986 годов с великими трудами пробил себе дорогу 2–3 крошечных статьи по одной-две странички. Уделом Л.Н. Гумилева стали небольшие журнальные и газетные публикации да тезисы докладов на научных конференциях, которые седовласый мэтр поневоле писал подобно молодому аспиранту.

Может быть, читателю покажется лишним упоминание в предисловии к книге обо всех этих

печальных "делах давно минувших дней". На первый взгляд, сегодня история идеологической травли Л.Н. Гумилева 10-летней давности и правда кажется анахронизмом. С конца 80-х годов книги и статьи Л.Н. Гумилева пошли и до сих пор идут к читателю широким потоком. Так стоит ли ворошить прошлое? По моему глубокому убеждению, об этом прошлом не то что говорить и писать — кричать стоит во весь голос. Ведь за названными выше фактами, за формулировками типа «блокировали», «арестовали», "не обсуждали", "не печатали" скрывается подлинная научная и личная трагедия гения.

Для самого Льва Николаевича Гумилева имя его научной идеи — "Черная легенда" — усилиями приверженцев коммунистической утопии поистине превратилось в символ судьбы. О нем самом сотворили другую "черную легенду", точно так же замешанную на идеологической лжи.

Взгляды Л.Н.Гумилева на взаимоотношения Руси и Степи именовались в ней «самообманом»,^[13] он сам — поборником агрессоров и завоевателей.^[14] В академических кругах стало правилом хорошего тона при упоминании о Гумилеве реагировать снисходительной улыбкой. Не имея возможности отказать Л.Н. Гумилеву в квалификации и эрудиции, оппоненты старательно формировали образ престарелого сына двух поэтов, который из-за любви к аплодисментам и давления литературного таланта решил ни с того ни с сего оспаривать очевидные истины о татаро-монгольском иге и социальной природе этноса, известные даже школьнику.

Но когда коммунистические запреты рухнули, общественный интерес к идеям Л.Н. Гумилева поставил мощную точку в споре о ценности и значимости его работ, творцам "черной легенды" о самом Льве Николаевиче пришлось трансформировать ее содержание. Зато теперь вы можете услышать, что Л.Н. Гумилев являлся чуть ли не убежденным марксистом, который в своих работах не уставал цитировать основоположников "великого учения", хотя каждому непредубежденному человеку понятно, насколько принужденный характер имело упоминание «классиков» в советской историографии. Зато теперь последняя, посмертная статья Л.Н. Гумилева (Alma Mater, "Вестник высшей школы", 1992, N 7–9, стр.6 — 14) появляется на свет Божий с предисловием доктора исторических наук А.Я.Дегтярева. И кто помнит, что этот-то А.Я. Дегтярев, будучи главой парткома ЛГУ, а в последствии секретарем ЦК КПСС по идеологии, отнюдь не скрывал негативного своего отношения к Л.Н. Гумилеву и его идеям, многое сделал для усложнения жизни Льва Николаевича? И потому помнить истину необходимо не только применительно к татаро-монгольскому игу, но и к самому Л.Н. Гумилеву. И не в том дело, что вчерашние гонители Льва Николаевича сегодня зачастую стремятся выглядеть его ценителями. Обсуждать моральные императивы былых работников партийной «номенклатуры» бессмысленно, ибо совести в обычном человеческом понимании у них не доищешься. Но всем нам нелишне четко представлять себе очевидное: Л.Н. Гумилев заплатил за свое право писать и говорить то, что он думает, непомерную цену. Все совершенное против него оппонентами из компартии и Академии наук — преступление, оправдывать которое. ссылками на условия времени или искреннее заблуждение, безнравственно.

Ничуть не меньшей безнравственностью, на мой взгляд, выглядят многочисленные и разнообразные попытки политизировать идеи и имя Л.Н. Гумилева, изобразить его чьим-то сторонником в сегодняшней общественной суете.

Далее прямо сталкиваясь с политическими высказываниями самого Л.Н. Гумилева, не стоит торопиться с выводами. Всякий, знавший Л.Н. Гумилева лично, я думаю, согласится со мной, если я рискну утверждать, что Лев Николаевич почти всю жизнь был человеком крайне далеким от политики. Его отстраненность от событий дня сегодняшнего имела под собой по крайней мере два веских основания: фанатичную преданность науке и личный печальный опыт

контактов с коммунистическим режимом.

Кроме того, будучи настоящим, а не «посткоммунистическим» патриотом России, Л.Н. Гумилев переживал распад СССР как личную трагедию крушения родной страны, в которой прошла вся его нелегкая жизнь. И потому правильнее воспринимать политические высказывания Льва Николаевича не в сугубо политическом, а скорее, в морально-психологическом контексте. Эти высказывания зиждились отнюдь не на политическом профессионализме, а на чувствах доверия и симпатии к конкретным людям, отнюдь не всегда достойным такого доверия. Увы, не был Лев Николаевич Гумилев искушен в современных политических интригах, да и вообще "современным человеком" в принятом значении этого термина его считать трудно. Недаром он сам с усмешкой говорил о себе, цитируя стихи своего отца:

"Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
В сумасшедших сводах Валгаллы
Битв и пиров я жду!"

Человек глубоко искренний и порядочный, Л.Н. Гумилев в отношении со всеми окружающими руководствовался нормами поведения русского дворянина. Привычная "советскому человеку" бытовая мимикрия оставалась ему всю жизнь глубоко чуждой, и потому в каждом собеседнике он видел равно искреннего и порядочного человека до тех пор, пока тот на печальном опыте не доказывал Л.Н. Гумилеву обратного. Но множество горьких разочарований в конкретных персонах вело лишь к личным переоценкам, никогда не затрагивая принципов «реакционной» гумилевской этики. И все же самым существенным для понимания темы "Л.Н. Гумилев и политика", на мой взгляд, является верное представление о масштабах. Какими бы ни были личные политические оценки Льва Николаевича — приемлемыми или парадоксальными, — он имел на них безусловное право. Чем бы ни были порождены его высказывания о современном ему обществе — наивностью или внутренней убежденностью, — их нужно и должно рассматривать именно в качестве личных политических оценок отдельного, без сомнения великого, человека. Но величайшим грехом по отношению к самому Л.Н. Гумилеву и всему сделанному им является попытка представить дело таким образом, будто немногие частные политические оценки Л.Н. Гумилева есть просто-напросто сжатое до тезисов изложение гумилевских идей и трудов. Цель такого рода подмены вполне прозрачна — превратить научное наследие Л.Н. Гумилева в идеологическую опору, потребную в борьбе за власть.

Однако попытки идеологизации гумилевского наследия недаром встречаются с трудностями. Масштаб личности Льва Николаевича, уровень его научных идей слишком велики для того, чтобы вписаться в узкие идеологические потребности и сегодняшнего, и завтрашнего дня. Мы, которым выпала удача стать его современниками, не умеем еще оценить глубину гумилевских прозрений, понять подлинное значение гумилевского научного синтеза. И потому любая попытка скороспелого политического использования трудов Л.Н. Гумилева закономерно оказывается смешной возней дилетантов.

Для адекватного перевода научной идеи в область политических решений потребуются годы освоения всего созданного Л.Н. Гумилевым. Следовательно, наиболее верное и оправданное общественное восприятие творческого наследия Л.Н. Гумилева должно лежать в сфере именно научного знания. Ведь сам Л.Н. Гумилев не вкладывал ни в пассионарную теорию

этногенеза, ни в свои усилия по разоблачению антиевразийского мифа никакого политико-идеологического содержания, поскольку он ставил своей задачей прежде всего установление истины. Все сказанное справедливо и применительно к работам Л.Н. Гумилева, вошедшим в сборник "Черная легенда".

Другое дело — форма изложения Л.Н. Гумилевым своих научных взглядов. Лев Николаевич, человек недюжинных литературных способностей и тонкого вкуса, сознательно избегал использования сухого академического стиля даже при изложении самых сложных научных сюжетов, предпочитая писать "забавным русским слогом". (Последнее обстоятельство часто ставилось ему в вину, и совершенно напрасно, ибо именно благодаря выработанной Л.Н. Гумилевым увлекательной форме изложения, его сложные, во многом парадоксальные идеи стали достоянием широкого круга читателей.) В еще большей мере беллетризованность стиля характерна для гумилевского изложения "черной легенды", и вот почему.

Для Льва Николаевича Великая степь стала не просто объектом исследований. Люди и природа Великой степи были для него любовью в подлинном смысле этого слова. Борьбу с предвзятым отношением к народам Евразии он считал своим безусловным нравственным императивом. Недаром, выпуская в свет книгу "Древние тюрки", Л.Н. Гумилев поместил на ее титульном листе слова: "Посвящаю эту книгу нашим братьям — тюркским народам Советского Союза". В этом поступке — весь "Л.Н.": никакого расчета, никакой позы и единственное стремление. — смочь и успеть искренне высказаться, пока есть возможность.

В этой связи не могу не сказать и еще об одном существенном обстоятельстве. На мой взгляд, отношение Л.Н. Гумилева к евразийским народам всегда было и до сих пор остается неадекватным ответной реакцией их представителей на его многолетние усилия по борьбе с "черной легендой". Да, ему присылали массу писем и поздравлений из Монголии, Татарии, Казахстана, Средней Азии. Его приглашали в гости, к нему приезжали делегации, ему говорили теплые искренние слова, дарили халаты, пиалы и тюбетейки, и тем все и ограничивалось. Никакой более-менее значимой поддержки ни со стороны местной творческой интеллигенции, ни тем более от властных структур соответствующих национальных республик Л.Н. Гумилев никогда не получал. Переживать академическую травлю, годы вынужденного молчания ему пришлось в одиночку. Но отсутствие помощи в трудные минуты со стороны тех, от кого Л.Н. Гумилев вправе был ожидать этой помощи, по правде сказать, мало его волновало. Просить кого-либо об "организационном содействии" он вовсе считал недостойным, а извлекать выгоды из контактов с людьми попросту не умел. Но вот отсутствие интеллектуального резонанса на свою "черную легенду" в самой Евразии Лев Николаевич всегда переживал крайне остро. Между тем о каком-то резонансе говорить не приходилось. До самой смерти Л.Н. Гумилева ни одна из его книг по истории Великой степи не была переведена на монгольский или хотя бы на один из тюркских языков. За все годы жизни Л.Н. Гумилева в национальных республиках вышла в свет единственная его книга на русском языке — "Тысячелетие вокруг Каспия". Она была опубликована в Азербайджане. Да и эта единственная публикация стала реальностью только благодаря молодому азербайджанскому ученому Акифу Фарзалиеву, самоотверженно преодолевшему все трудности, связанные с подготовкой и печатью книги.

Такого рода не то чтобы равнодушие, а скорее безразличие представителей власти и интеллигенции евразийских народов к возводимой на них клевете не могло не вынуждать Льва Николаевича к некоторым эмоциональным перехлестам: в одном из своих интервью он с горечью восклицал: "Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы..."

Да и вообще, как мне кажется, в отношении Л.Н. Гумилева к степнякам было что-то от вполне понятной идеализации, ибо восприятие Л.Н. Гумилевым истории Великой степи, будучи строго научным, оставалось вместе с тем и весьма личностным. И у кого повернется язык

поставить подобное восприятие в вину Льву Николаевичу? Оставаясь корректным в своих работах как ученый, он как человек сохранял свою систему эмоциональных предпочтений, на что имел бесспорное право.

Однако читателю, открывшему книгу "Черная легенда" впервые, гумилевское изложение темы вполне может первоначально показаться излишне эмоционально драматизированным. Но давайте не будем забывать, что "Черная легенда" Л.Н. Гумилева — это естественная реакция на крайний европоцентризм, господствующий во взглядах более 500 лет. И потому, подобно всякой реакции на крайность, "Черная легенда" Л.Н. Гумилева сама неизбежно обладает, не может не обладать, некими элементами крайности, несет на себе этот своеобразный след времени и условий рождения. К счастью, сегодняшний читатель вполне может внести необходимые эмоциональные коррективы и располагает возможностью для наиболее уместного — спокойного и взвешенного прочтения "Черной легенды".

Разумеется, необходимость в небольших эмоциональных корректировках никак не соотносится с научной ценностью гумилевской "Черной легенды". "Черная легенда", еще при жизни автора ставшая событием в нашей научной жизни, должна и восприниматься в качестве такового. Она, безусловно, является выдающимся вкладом в постижение истины, знаменуя собой крушение целого пласта мифов отечественной истории.

Тем более ценной для читающей публики выглядит инициатива издательства, взявшего на себя труд и коммерческий риск, связанный с публикацией сборника работ столь острой общественной тематики. К числу несомненных достоинств вновь публикуемой книги относится и то обстоятельство, что издательство и составитель не ограничились только работами Л.Н. Гумилева. Читатель обнаружит в сборнике "Черная легенда" широкую и неоднозначную панораму мнений многих авторов — от пассажей А. де Кюстина до малоизвестных и красноречивых оценок К. Маркса, посвященных основной теме книги. Примечательно, что высказывания антиевразийской направленности в равной мере характерны для западноевропейских мыслителей с полярными политическими взглядами, для деятелей культуры, принадлежащих к разным историческим эпохам (не в меньшей мере сказанное относится и к российским западникам — от "ультрапатриота"-марксиста А. Кузьмина до космополита А. Янова).

Познакомившись с книгой, читатель без труда убедится в главном: глубокая антипатия западноевропейцев к обитателям Евразии есть атрибутивный компонент западноевропейского мироощущения. Как и всякий другой устойчивый эмоциональный настрой, такая антипатия лежит за пределами сферы сознания и порождается естественной разностью двух суперэтносов.

Разумеется, сборник работ Л.Н. Гумилева "Черная легенда" не ставит своей целью корректировать личные пристрастия читателей, но она безусловно поможет им получить новые знания об окружающем мире и месте человека в нем.

В.Ю.Ермолаев, кандидат географических наук

О чем пойдет речь?

Неисчислимы беды, происходящие от предвзятых мнений и ошибок. Главная заслуга науки в том, что она, часто с мучительными усилиями, вскрывает застарелые предубеждения, никогда не доказанные и как будто не требующие доказательств. Каждая удача в этом направлении — подвиг, и очень трудный, потому что опровергнуть ложное суждение можно, лишь вскрыв его корни. А они, зачастую болезненные и застарелые, уходят в глубь веков.

О каком предубеждении идет речь? Начнем с того, что наши предки, жившие в Московском царстве XVI–XVII вв. и в Петербургской империи начала XVIII в., нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи — татары, мордва, черемисы, остяки, тунгусы, казахи, якуты — такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане. Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов — Шереметьев, или татар — Кутузов.

В странах же Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую некоторые начинали от Венгрии, другие — от России, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Это их не смущало, и их взгляды не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Передней Азии, Индии или Китае.

К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна.

Вспомним русский XVIII в. Тогда юные петиметры, пажоны, выражаясь современным языком, возвращаясь из Франции, где они обучались не столько наукам, сколько точкам зрения, восприняли и принесли домой концепцию идентичности русских и татар как одинаково восточных варваров. В России они сумели преподнести это мнение современникам как само собой разумеющуюся точку зрения на историю.

Эта точка зрения заразила даже А.С. Пушкина. Он увидел историческое предназначение России в том, что «ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока». Великий поэт говорил, что Россия своим героическим сопротивлением монголам спасла Европу от монгольского захвата в XIII в.

А так ли это? Действительно ли существовала угроза монгольского овладения Европой? В XIX в. всеми учеными и публицистами предполагалось, что из Азии пришли неисчислимые полчища, давившие все на своем пути численностью. Теперь-то мы знаем, что монголов было около 600 тысяч человек, а армия их составляла всего 130–140 тысяч всадников, воевавших на трех фронтах: в Китае и Корее, в Средней Азии и Иране и в половецких степях.

В это время на Руси было около 6 миллионов жителей. В Польше и Литве — 1,6 миллиона, а финнов — 0,5 миллиона. В Поволжье было тогда же не более 700 тысяч жителей. А в степи между Доном и Карпатами — 500 тысяч человек. В это же время население Франции приближалось к 20 миллионам. Столько же было в Италии и Германии, не говоря об Англии (3 миллиона жителей) и Скандинавии.

В XIII в. опасность для Европы была скорее психологической, чем реальной. Публицисты и мыслители XVIII–XIX вв. научными данными не владели и потому фантазировали о предмете, который занимал их, но которого они не знали.

Главное же в другом. Зачем и ради каких общих интересов русским людям необходимо было защищать немецких феодалов, ганзейских бюргеров, итальянских прелатов и французских рыцарей, которые со своей стороны наступали на Русь, либо истребляя, либо закабалая «схизматиков греческого обряда», которых они не считали за подлинных христиан? Поистине, теория спасения Европы Русью была непонятным ослеплением, к несчастью не изжитым до сих пор.

Корни болезни, которую мы называем монголофобией, следует искать в том же XIII в., когда и происходили войны монголов. Могут возразить, что европейцы, а до них римляне и греки недолюбливали степных варваров — скифов, гуннов — и раньше. Но раз речь идет о монголах, а не о гуннах, туркменах-сельджуках и даже туарегах Сахары, которые на время завоевали большую часть Испании, то корни болезни монголофобии надо искать именно в XIII в. Ибо до этого времени о монголах не было слышно и их не было на исторической арене.

Видимо, тогда же родилась «черная легенда», породившая много бед, связавшая в одну цепь нелюбовь и презрение европейцев к кочевникам, ненависть к людям Восточной Европы, исповедовавшим не католичество, а православие и несторианство, и воинственную враждебность к монголам и тюркам, которых отныне открыто можно было третировать вплоть до XX в. как неполноценную расу.

Если все это так, то «черная легенда» своим рождением обязана концу крестовых походов, когда монголы столкнулись с европейскими рыцарями и монахами сначала в Венгрии, а затем в Палестине. Что произошло от встречи крестоносцев-католиков с монголами-несторианами? Зададим этот вопрос, а чтобы ответить на него, обратим внимание на эту эпоху (XIII в.), чтобы найти тех, кто был заинтересован в заведомо ложной «информации о монголах». Кто?

Подход к материалу

Самым легким путем для ответа на интересующий нас вопрос было бы традиционное обращение к письменным источникам. Но вот беда, источники — нет, не молчат, они либо лгут, либо уходят от ответа на вопрос. Обобщенное видение было недоступно хронистам XIII–XIV вв., а научное, эмпирическое обобщение как метод исследования и доказательств принято только в XX в. благодаря работам В.И. Вернадского.

Можно было бы обратиться к описанию социальных закономерностей той эпохи, изучение которых осветило бы многие проблемы. Но в данном случае при ответе на вопрос «кто?» это обращение неприменимо. Известно, что во всех странах от Атлантического до Тихого и Индийского океанов господствовал феодальный строй. И потому нет оснований рассматривать феодальные войны, с кем бы они ни происходили как прогрессивные или регрессивные. И винить участников войн так же бессмысленно, как винить цунами или циклон. Войны были характерны для феодальной формации.

История культуры тоже, к сожалению, не содержит ответа на поставленный вопрос. Большая часть монгольских воинов в XIII в. были христианами несторианского вероисповедания. Грамотность в Монголии была, конечно, не полная, но не меньше, чем во Франции или Норвегии. А Монгольский улус был не столько кочевым государством, сколько сложной системой мирного взаимодействия оседлых земледельцев Уйгурии и Тангута, скотоводов Центральной Монголии и лесных охотников Южной Сибири.

Дело, скорее всего, в чем-то другом. Мы попробуем прибегнуть к новорожденному методу изучения прошлого. Чтобы ответить на поставленный вопрос, приступим к изучению этнических процессов, проходивших в разных странах неравномерно, изучению, дающему связную картину взаимодействия народов на территории ойкумены. Путь этот будет не прямым, а окольным, но в нем мы найдем ответы на поставленные вопросы.

Представим себе Евразийский континент XIII в. как огромную театральную арену или, точнее, сцену, на которой происходит трагедия с неожиданным финалом.

В ней участвуют как действующие лица не персоны, как у М. Дрюона, а огромные этнические и даже суперэтнические коллективы. Суперэтнотами мы называем не этносы, особо выделяющиеся, а, наоборот, группы этносов, составляющих системные целостности большого масштаба. Они ощущались и ощущаются людьми как нечто реальное, воспринимаются в истории как культуры и противопоставляются друг другу. Для начала мы представим читателю ведущие суперэтносы. Это Византия — мир византийской христианской культуры. Мир ислама — суперэтнос мусульман. Суперэтнос Западной Европы — мир католической европейской культуры. И мир Великой степи — суперэтнос кочевников Монголии.

Что при этом важно: суперэтносы возникли в разное время и, следовательно, каждый из них имеет разный возраст. И все они более или менее стары по отношению друг к другу. И ведут они себя в разных возрастах по-разному, как если бы опытный старик столкнулся с юношей или человеком зрелым, но переживающим болезненную смену фаз этногенеза.

Этот окольный путь приведет нас к желаемой цели и позволит избежать ошибок, которые были наделаны в пре-дыдущие два века: культ европейского превосходства и европоцентризма, расизма, географического детерминизма, т. е. того, что помешало нашим предшественникам исчерпывающе поставить вопросы и затем ответить на них.

Спешим оговориться. Наше отрицательное мнение не касается работ серьезных французских, английских и немецких историков, мнение которых близко к излагаемому здесь.

Поворотные даты

При поверхностном взгляде на историю кажется, что вехами ее являются грандиозные события, воспетые поэтами, оплаканные культурологами и отмеченные публицистами как начала и концы эпох.

При этом упускается из виду, что большая часть таких ярких событий произошла в результате накопившихся изменений в предыдущем историческом процессе. Так, падение Константинополя 29 мая 1453 г. было не переломным в истории Византийской империи и Османского владения — бейлика, а одной из дат в их двухсотлетнем соперничестве.

Не было поворотной датой и открытие Америки Колумбом, потому что почти одновременно с ним Дж. Кабот высадился на Ньюфаундленде в Северной Америке. Также не была поворотной датой и мировая война 1914–1918 гг., возникшая в результате зашедших в тупик отношений великих держав XIX в.

Но если мы отказываемся считать переломными даты такого масштаба и столь очевидной наглядности, то что же можно иметь в виду? Ответ прост: существуют события, часто мелкие и незапомнившиеся, происходившие в периоды равновесия сил и создавшие коллизии, при которых тот или иной процесс становился необратимым. Вот эти события и становятся переломными, когда возникает неустойчивое равновесие борющихся между собой сил. Эти роковые мгновения истории большей частью ускользают от историков.

История — наука о событиях в их связи и последовательности. Когда предметом изучения являются грандиозные процессы, такие, как развитие производительных сил, то отдельные события или даже цепочки их, обрывающиеся в течение одного-двух-трех веков, — мелочи, не искажающие ход процесса. Но когда речь идет о коллизиях, соразмерных сроку человеческой жизни, то значение единичного события возрастает, а возможности взаимной компенсации сокращаются и значение случая в истории повышается. И тут на помощь приходит системный подход, разработанный учеными XX в. Объектом изучения при таком подходе являются не предметы или фрагменты, составляющие часть общего, не события или биографии героев, всегда несущие печать случая, одним словом, не элементы, слагающие системную целостность, а связи между этими элементами.

Разумеется, события крупные, продолжительные подвержены закономерностям спонтанного развития. Но колебательные движения истории, зигзаги, соразмеряемые с продолжительностью человеческой жизни, переломные мгновения находятся в положении «случится-не случится». И тут многое, даже очень многое зависит от поведения отдельных людей.

Подобное отношение к коротким отрезкам истории, к своеобразным историческим квантам, скрытым зачастую от взгляда историка-профессионала в данной области, позволяет многое в истории рассматривать в сослагательном наклонении: что было бы, если бы... Эти отрезки «наполнены» возможностями с различными вариантами исхода.

Что было бы, если бы Триполи и Акра, крепости крестоносцев Иерусалимского королевства, не пали под ударами египтян-мамлюков в 1289 и 1291 гг., а, наоборот, Франция, Англия, Германия овладели бы Ближним Востоком в XIV–XV вв. и вместо Турции создали бы огромное государство — продолжение Европы? Или если бы христианское государство создали... монголы, в XIII в. пришедшие на Ближний Восток?

Многочисленны эти вопросы «если». Каждый из них имеет свой смысл. А историку нужно понять, почему произошло то или иное событие, какие последствия оно имело. И вследствие чего события пошли тем или иным ходом? И обязательно ли должны были случиться эти

события? В исторической науке пока сослагательное наклонение считается чем-то недопустимым, что и ограничивает ее возможности констатацией фактов. Любая постановка вопроса «а что было бы, если...» становится опровержением той мысли, что все случившееся в человеческой истории так и должно было случиться. Было, дескать, предуказано судьбой — неважно, в каких терминах эту предуказанность рассматривать: теологической космологии Августина или философской космогонии Лапласа.

Следовательно, область условного предположения «что было бы...» занимает со все возрастающим интересом ученых и писателей, социологов и журналистов.

С точки зрения глобальных событий XX в. то, что случилось 3 сентября 1260 г. в одной из долин Галилеи, могло бы считаться, а оно и считается так, крайне незначительным и невыразительным событием XIII в. Что о нем могут сказать хроники того века? Было сражение, каких было много.

И мало кому сегодня что-нибудь говорит поворотная по своим последствиям битва в жаркой долине Бекаа на полпути между Баальбеком в Ливане и Назаретом. Битва ознаменовала собой крушение одной могущественной идеи, охватившей Центральную Азию, и оказала воздействие на продвижение европейцев в Леванте и на все дальнейшие успехи и неудачи их экспансии — попытки утверждения на арабском Востоке. Битва, выигранная силами и оружием степняков-половцев, оказавшихся хозяевами Египта, остановила надолго развитие прогрессивного общества в арабском мире, заставила законсервировать некоторые процессы в мусульманском суперэтнотипе, имела следствием то, что через два столетия после этого европейцы-наблюдатели начали ставить диагноз: страны ислама отстали и им суждено отставание, пока они не перенимут с Запада культурные достижения.

Битва, о которой идет речь, — сражение при Айн-Джалуде. Она в полном смысле является поворотной датой всемирного масштаба. А почему? Ответить на этот вопрос можно, лишь согласовав взгляд на историю с концепцией этногенеза, причем для этого мы должны начать с тех действующих лиц нашей условной театральной арены — с суперэтнических персонажей, — среди которых первой представляется слово Византии.

Действующие лица (на суперэтническом уровне)

1. Византия. Родилась на вероисповедной основе в Передней Азии во II в. н. э. Пережила подъем и надлом своей этнической системы соответственно в V и VI вв. н. э. и находилась к описываемым событиям в инерционной фазе, существуя за счет накопленных богатств и культурных традиций. Возраст суперэтноса — старость.

2. Мир ислама.

Возник в VII в. в Аравии и охватил южные страны от Памира до Испании включительно. В XII в. переживал надлом — переход от фазы расцвета (акматической) к фазе инерционной. Былая целостность мира ислама раскололась на отдельные государства. Решающей силой их стали на востоке турки, а на западе — берберы. Возраст — болезнь при переломе от зрелости к старости.

3. Романо-германский христианский мир.

Возник в результате распада франкской империи Карла Великого в IX в. и составлял многонациональную мозаическую целостность, для которой была характерна борьба пап с императорами Священной Римской империи германской нации. Возраст — молодость.

4. Реликты древнего степного этногенеза,

начавшегося в III в. до н. э.: потомки сарматов — аланы, потомки динлинов — куманы, они же — кыпчаки, они же — половцы, потомки кангаров — печенеги на западе и канглы на востоке, и гузы, они же торки. Вне возраста.

5. Монголы.

Возникли одновременно с маньчжурами (чжурчжэнями) в XII в. и потому находились в фазе этнического подъема. Возраст суперэтноса — юность.

6. Древняя Русь

— ровесница Византии. Данные о ней в этой работе не приводятся.

Место действия — Палестина

Время действия — тринадцатый век

Не только каждый организм, но и каждый этнос, а тем более суперэтнос проходит инкубационный период развития, когда он незаметен не только для окружающих, но и для самого себя. Таковы были отдельные разбросанные христианские общины, осуществлявшие связь друг с другом путем переписки. Долгое время римские авторы их не замечали или игнорировали. И только огромное количество доносов, поступавших от обывателей из Антиохии, Тарса, Александрии, Эфеса заставило римское правительство сначала заметить, а затем и запретить христианские общины.

Правда, это запрещение выглядело несколько странно. Император Траян определил принадлежность к христианской общине как преступление, заслуживающее смертной казни. Но вместе с тем он запретил принимать доносы на христиан, а казнить их велел исключительно по личному заявлению. И хотя такие добровольные мученики находились, физически христианство, за исключением отдельных кратковременных периодов жестоких гонений, развивалось беспрепятственно. Уже в середине II в. христианский философ Юстин вел открытый диспут с представителями эллинской философии, возражая против по-литеизма.

Через сто лет число христиан увеличилось настолько, что они заняли все места в школах, судах, рынках, легионах, оставив язычникам только храмы. Так сложилась новая целостность, именовавшая себя «этнос по Христу».

В 312 г. цезарь Галлии, Константин, в борьбе со своими соперниками оперся на христиан, гарантировав им веротерпимость: Миланский эдикт 313 г. Затем в Никее в 325 г. состоялся собор, который окончательно превратил Римскую империю в христианское царство.

Далеко не все римляне приняли новое вероисповедание и, что важно, новый стереотип поведения. Жители западных провинций и даже Италии сохраняли веру в старых богов.

Эти области без труда были захвачены, а жители покорены. А активная часть у себя на родине, на Востоке, обрела новую энергию, утраченную задолго до римского завоевания, и сумела отстоять не только свои границы, но и распространиться за их пределы.

Однако это распространение было несколько необычно. Это было не завоевание, не промышленное овладение, не навязывание чужой культуры народам — а трансплантация, распространение своего мировоззрения далеко за пределы государственных границ. Византийцы обратили в православие кельтов Ирландии и воинственных горцев Аксума (ныне Абиссиния). Сирийские монахи проникали до Китая и хотя не удержались в самой Срединной империи, но превратили в христиан часть кочевников Монголии и Туркестана.

Македонские и греческие монахи приобщили к своей культуре и религии свирепых славян Балканского полуострова и побережий Днепра и Дона, русов и алан. Крошечная Византия превратилась в суперэтнос мирового значения.

Но как пар, вырвавшийся из котла, где он находился под огромным давлением, так и пассионарная энергия, распространившись вокруг, потеряла силу своего натиска. Если в IV–VIII вв. внутри самой Византии горели страсти и люди спорили о природе воплощения, об ипостасности, о том, следует ли уважать искусство, почитать иконы или оставить живопись как второсортное занятие, то уже в IX в. 20-миллионное население империи охладело к интеллектуальным проблемам и предпочитало роскошную жизнь в самом богатом городе тогдашнего мира — Константинополе.

Но культура имеет свою инерцию. Пассионарность, имевшая накопления — храмы, библиотеки, армию, судопроизводство — обеспечивала этнической системе Византии видимое процветание. Но ему мешало прогрессивное загнивание Константинопольского синклита —

совета высших чиновников.

Уже в XI в. на престол Византии возводились беспринципные фавориты. Среди них были пьяницы, развратники, бесталаные чиновники. И наконец, в 1071 г. красавец армянин Роман Диоген был предан собственными командующими отдельными армейскими частями и попал в плен к туркам-сельджукам. Непопулярность Константинопольского синклита была такова, что большая часть Малой Азии предалась Алп-Арслану.

Тем самым Византия утратила территорию, откуда она произошла, — Малую Азию. В незахваченной части страны возникла открытая война между интеллигенцией, высшими чиновниками и воинственными пограничными латифундистами. Последние и победили.

Алексей Комнин занял столицу, причем, по словам его дочери Анны, блестящего историка, воины расправлялись с населением Константинополя как с жителями взятого чужого города. Кто были эти люди? Оказалось, что Комнины: Алексей, Иоанн, Мануил использовали наемников — франко-нормандцев из Сицилии, печенегов и половцев с берегов Дуная, армян, грузин, сербов — кого попало. С помощью этой армии, оплатив ей богатством, накопленным за прошлые века, Комнины сохраняли независимость Византии до тех пор, пока последний Комнин не занялся убийством своих сограждан. У тех еще хватило энергии убить тирана. Но оставшиеся довели страну до падения, возвели на престол трусливых и аморальных Ангелов.

В 1204 г. крестоносцы, отчаявшиеся победить мусульман, захватили Константинополь, подвергли его полному разграблению и создали на обломках его Латинскую империю. Но тут сказали свое слово жители Трапезунда, Nikeи, Эпира.

К 1260 г. итало-французский гарнизон Константинополя понял свое бессилие перед мужеством никейских, эпирских и болгарских воинов. В 1261 г. Константинополь снова стал греческим.

Что из этого вытекает? **Народы, связанные со своей землей, куда более способны к сопротивлению вражеским вторжениям, к регенерации, восстановлению своей культурной жизни.**

А ведь кроме Византии православными странами были Киликия, Грузия, вернувшая себе самостоятельность, а также Сирия, Месопотамия, Египет, находившийся под владычеством мусульманского этнического меньшинства, и — что самое удивительное — Центральная Азия, где три четверти кочевников были христианами несторианского направления.

Именно последние составили основную силу Монгольского улуса, где царствовала династия Чингисидов, весьма сочувствовавшая своим христианским подданным. Христианские симпатии были у трех царевичей — Хубилая, Ариг-буги и, по-видимому, у Батыея. Сын Батыея Сартак был откровенным несторианином. И только царевич Хулагу предпочел буддизм, хотя его жена Докуз-хатун и ближайшие нойоны были несториане.

Так восточнохристианская целостность сталкивалась с двумя равными ей по значению — мусульманской и римско-католической. Кочевники в этой сложной композиции играли особую роль.

Названия обманчивы. Слово «ислам» обозначает одно из исповеданий монотеизма. Оно же выступает как наименование огромной суперэтнической целостности, особой культуры и системы государственных образований и мировоззрений. Но, что очень важно, в этой системной целостности (суперэтнической) далеко не все были мусульманами, хотя и числились таковыми. Речь идет не об иноверцах, а о членах мусульманской общины, претендовавших на правоверие. Этому обстоятельству стоит уделить внимание. По библейской легенде, арабы произошли от наложницы Авраама — Агари, и их сына Исмаила. Авраам, родив от жены своей Сарры Исаака, выгнал Агарь и Исмаила в пустыню. Исмаил нашел источник воды, чем спас свою мать и себя, но неприязнь между его потомками и потомками Исаака сохранилась. И ведь не исключено, что сама легенда сохранена для объяснения той вражды, которая разделяет эти этносы с XVIII в. до н. э., хотя, казалось бы, ссориться им было не из-за чего.

До VI в. арабы вели себя тихо. Одни пасли верблюдов — бедуины, другие в оазисах разводили финиковые пальмы и работали проводниками купеческих караванов через Каменистую Аравию — Хиджас, третьи умиротворенно жили в Йемене, подвергаясь время от времени вторжениям абиссинцев или персов. Но все они находились в гомеостазе (равновесии с ландшафтом) и были далеки от участия в исторических событиях, хотя постоянная война Рима с Ираном протекала на границах их страны.

Этногенетический взрыв, подобный взрыву, создавшему Византию и вызвавшему Великое переселение народов в Европе, в Аравии наступил в VI в. и протекал одновременно в Синде, Тибете, Северном Китае, Корее и Японии.

Итак, Аравия в V–VI вв. была раздроблена и бессильна. Именно это открыло в нее двери для самых разнообразных культурных влияний. В город Ятриб — будущую Медину — убежали от римлян уцелевшие евреи, туда же устремились христианские еретики, там уже учили арабов зороастризму персидские маги, а вокруг бродили по пустыне бедуины, поклонявшиеся звездам и особенно Зухре — планете Венера. В торговой Мекке святыней был камень, упавший с неба, — метеорит. Но мекканцы были люди практичные. Они принимали в свой город паломников, позволяли им поклоняться черному камню, а финики и воду продавали по повышенным ценам. Так, в благодатной тишине, жила Аравия, пока не начала раскаляться внезапно возникшим внутренним жаром.

Поэзия была для арабов так же насущно необходима, как для греков музыка, для негров банту — танец, для славян — песня и т. д. А раз так, то первыми пассионариями в Аравии стали поэты.

В VII в. поэтов вытеснили и убили религиозные фанатики, сплотившиеся около пророка Мухаммеда. Они победили мекканских купцов и бедуинов пустыни и евреев Ятриба, переименованного в «Город пророка» (Медина-тун Наби), потому что не жалели жизни ни своей, ни чужой. Порыв их был столь силен, что они сокрушили великий Иран и отторгли от Византии Сирию и Египет.

Но, приняв ислам на словах, мекканские купцы и бедуины в душе оставались равнодушны к теологии. Победившие их сектанты, руководимые халифами (наместниками пророка) Абу-Бекром и Омаром, были большинству арабов несимпатичны, хотя завоевания этих халифов приносили громадные доходы от грабежа покоренных стран и работоторговли. Так в халифате создались две этнопсихологические доминанты. К одной из них принадлежали фанатики — истинные мусульмане, а к другой — лицемеры, потомки врагов Мухаммеда, принявших ислам под угрозой гибели еще при жизни пророка.

Эти силы не могли не столкнуться в смертельной схватке. Она произошла в 660 г., и победили лицемеры. Вождь их, Моавия ибн Абу-Суфьян, основал династию Омейядов и перенес столицу из Медины в Дамаск, а его противники образовали партию погибшего халифа Алишият Али и стали называться шиитами, буквально — «партийными». Фанатиков сменили политики.

Победа Омейядов легко объяснима. Пассионарные люди были на обеих сторонах. Разделяли их только психологические доминанты, а сделать выбор мог каждый по своей воле. Большинство предпочло успех и богатство мученической смерти за религию, навязанную им силой. Вот почему Омейяды сидели на троне халифов и обращали избыточную энергию своих соплеменников на завоевания Средней Азии, Закавказья, Северной Африки, Испании и Аквитании. 90 лет они шли от победы к победе, что их и погубило.

Халифы Дамаска покорили столько народов, что в халифате сами арабы превратились в господствующее меньшинство. Но так как всем покоренным рекомендовалось принимать ислам, чтобы не платить тяжелый налог харадж, то количество лицемерных мусульман выросло, а этнос, объединенный Мухаммедом, превратился в суперэтнос. И в VIII в. выявилась крайняя несправедливость: господствующие лицемеры в ряде внутренних войн истребили большую часть искренних мусульман и дали возможность размножиться другим лжемусульманам неарабского происхождения, не дав однако, им никаких прав. Те нашли вождя, Абу-Муслима, перса, который поднял народ на борьбу за потомков дяди пророка — Аббаса, против узурпаторов. Его поддержали буквально все, и в 750 г. последний омейядский халиф Мерван II погиб в Африке, а его родственники были убиты. Обыватели победили потомков воинов, задавив их массой.

Новый халифат — Багдадский — стал уже не арабским, а арабо-персидским, почти копией царства Сасанидов, если бы те сменили религию. Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Уцелевший Омейяд Абдурахман отделил Испанию и стал там самостоятельным халифом в 756 г. Затем отпали Алжир — в 777 г., Марокко — в 789 г., Ифрикия (Тунис) — в 800-м, Систан — в 867 г. и Средняя Азия — в 900 г. Аналогичный развал шел и в Сирии, Месопотамии, Аравии, Иране. Мятежники доходили до ворот Багдада.

К 900 г. обыватели проявили полную неспособность защищать свою страну, свои дома и семьи и уж тем более свою веру от внешних и внутренних врагов. Но денег в Багдаде было много и можно было нанять защитников — храбрых тюрок и берберов.

Те сначала помогли, но вскоре взяли власть в свои руки и стали менять халифов по своей воле, а багдадское население разгонять и грабить. Некоторое время с тюрками соперничали горцы Дейлема, языческой страны на южном берегу Каспия. Дейлемиты никогда никому не покорялись, но в X в. приняли шиизм. Эти были грубее тюрок. Поэтому, когда в 1055 г. из Средней Азии пришли туркмены-сельджуки, уцелевшие арабы вздохнули свободно.

Первые сельджукские султаны оставили духовную власть в руках Аббасидов, а светскую взяли себе и захватили христианские страны: Армению, Малую Азию и Антиохию в Сирии. Но их султанат распался на много мелких эмиратов, и натиск их на запад ослабел. Однако сельджуки без труда, как бы между делом, остановили крестоносцев, отняли у них Эдессу и Иерусалим и прижали их к приморским крепостям. В XII в. рыцарство всей Западной Европы оказалось слабее, даже несмотря на то, что восточные силы сельджуков были связаны у себя на родине войнами с дальневосточным народом кара-киданей и племенами гузов (предки части казахов). Обе войны были сельджуками проиграны, а их султанат пал.

И тогда, на фоне всеобщего развала, инициативу перехватил маленький оазис Хорезм, где правили грубые тюрки, ставшие из рабов-гулямов сначала командирами отдельных отрядов, а потом государями, с титулом «хорезмшах». Один из них, Мухаммед, подчинил себе весь Иран и Среднюю Азию, опираясь на свирепых воинов из племени канглов (печенегов), карлуков и гузов. Режим его был тяжел, но восстания он подавлял жестоко, благодаря чему поддерживал

видимый порядок.

Но в 1216–1219 гг. случилось нечто неожиданное: султан западных кочевников, кондотьеров, мусульман, столкнулся с ханом восточных кочевников, образовавших в 1206 г. племенной союз — Монгольский улус. Силы султана были вдвое, а резервы в десять раз больше, чем у хана. Но хан победил, можно думать, неожиданно даже для себя.

Сначала монголы хотели закрепиться на рубеже Амударьи, но сын погибшего Мухаммеда Джелял ад-Дин, человек исключительно храбрый, сильный и жестокий, объявил монголам джихад (священную войну) и... немедленно опустошил Грузию. Затем он велел всем сельджукским эмирам подчиниться ему, а когда те отказались, пошел на них войной и был разбит. В 1231 г. монголы возобновили наступление, Джелял ад-Дин был снова разбит и убит, а монголы оккупировали Иран и Малую Азию. Здесь они нашли союзников в лице армян и сирийцев — христиан, изнывавших под гнетом мусульман.

Подведем итог. Арабы на подъеме этногенеза создали грандиозную теократическую империю, персы пропитали ее древней, высокой культурой, тюрки отстояли ее границы от контрнаступления византийцев и вторжения крестоносцев. Регион, условно именуемый «мир ислама», был обширен, богат, образован, терпим к иноверцам, но жизнь в нем была кошмаром! Почему? Об этом скажем особо. А пока отметим, что ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке, не была делом случая. Тот же самый процесс происходил на Дальнем Западе мусульманского мира, т. е. в Испании и Африке. Только там в Кордове реяло зеленое знамя Омейядов, а не черное — Аббасидов.

Очевидно, кратко описанный нами процесс был закономерностью исторического развития всех стран и народов мусульманского мира, а может быть, не только мусульманского. Византия тоже на седьмом веке от рождения утратила Сирию и Армению, Египет и Карфагенскую область, Италию и Северную Иллирию. А на христианском Западе аналогичный процесс начала этногенеза возник только на рубеже VIII–IX вв., и сложившиеся там этносы еще не достигли критического возраста, пройденного Византией и переживаемого исламским миром.

Христианский мир (Chretienite)

Положение Западной Европы долгое время было предельно жалким. Потомки римских граждан изнывали под властью жестоких завоевателей: готов, вандалов, бургундов, лангобардов, аланов, свевов. Все эти этносы зародились и сложились в природных условиях, совсем не похожих на те, в которые их забросила историческая судьба. Из дубрав Прибалтики, с берегов сурового моря, окаймленного песчаными дюнами, эти люди попали в выжженные солнцем горы Атласа и Сьерра-Морены, в лавровые рощи Италии, на склоны Альп и берега Роны и Гаронны. Установить непосредственный контакт с непривычной окружающей средой варвары не успели, ибо предпочитали жить за счет местного населения, ограбляемого систематически и беспощадно. Победители даже не пытались слиться с покоренными, которых они презрительно называли «волохи».

Но за все надо платить! За чванство — особенно. Все перечисленные народы и созданные ими королевства исчезли, ибо оказались нестойкими. Исключение было одно — франки, которые не переселялись, а расселялись. Точнее, франки не меняли вмещающий ландшафт, а только расширяли его. И они не принесли в покоренные страны своего мировоззрения — арианства, а, будучи язычниками, приняли местное — православие, причем бездумно и, по сути дела, формально. Поэтому они разлагались медленнее прочих германских племен, благодаря чему были в состоянии подчинить себе ту часть Западной Европы, которая не была захвачена арабами, греками, славянами и аварами. Так создалась в VIII в. Каролингская империя.

В эти же века дружины саксов и англов как наемные войска были приглашены бриттами в покинутую римлянами Британию. Они быстро взяли власть в свои руки, хозяев частью перебили, частью оттеснили на западный берег острова, но, подобно прочим племенам эпохи Великого переселения, раздробились на семь королевств, диких и враждебных друг другу.

Англо-саксонская анархия и франкская тирания стоили друг друга. Фазу этногенеза народов Западной Европы начала IX в. правильнее всего назвать «обскурацией».

И тут вдруг произошел новый взрыв этнической деятельности, новое «начало», подобное уже описанным выше. Одновременно возникли три феномена. Из фиордов Норвегии и с берегов Дании стали отплывать эскадры викингов, оставлявших на родине своих родных и близких — трудолюбивых хевдингов. Викинги большей частью гибли в походах, но скандинавские юноши продолжали идти на смерть с 793 по 1066 г.

В империи франков возникли мощные сепаратистские движения на национальном принципе. Внуки Карла Великого, разорвавшие железный обруч империи, были просто вывесками, ибо сам процесс осуществляли народные ополчения.

В 843 г. в Страсбурге впервые были зачитаны для воинов «клятвы» на французском и немецком языках, а не по-латыни. Этим было установлено существование французов и немцев вместо волохов и тевтонов. Королевские домены продолжали дробиться до XI в., опять-таки по национальному признаку. Во Франции появились Бретань, Нормандия, Гиень, Гасконь, Прованс, Лангедок, Бургундия — как этносы, лишь юридически и формально связанные с маленьким Парижским графством, сюзерен коего носил титул «король». Также разделились Германия и Италия, но всех их объединяло одно — они были членами единого «христианского мира», в который не принимали схизматиков-греков и не признававших папский престол ирландцев, не говоря о славянских язычниках и мусульманах. Так создался романо-германский суперэтнос, полный энергии и честолюбивых планов.

Появление чего-либо нового неизбежно влечет за собой деформацию старого. Если до VIII в. культурный мир Средиземноморья был единым, то с появлением романо-германской целостности он раскололся надвое. Политическая раздробленность существовала и раньше, но христианская религия потомков римлян была одна, что и сближало их в борьбе с исламом и северными язычниками.

Лишь с середины IX в. возникли разногласия между Западом, претендовавшим на католичность, вселенскость, и ортодоксией Востока, Византии. Относится ли это явление целиком к культуре и культурогенезу? Нет! Догматические принципы изменились минимально, и тонкости их были непонятны большинству верующих. Следовательно, они не могли их волновать. Спор папы Николая I с патриархом Фотием представлялся современникам как очередная склока среди прелатов и был быстро забыт. Войны между византийскими императорами и Каролингами, королями Франции и Германии, не возникали, ибо и те и другие боролись с агрессией ислама. И тем не менее глубина раскола росла, хотя бессмысленность его была очевидна всем.

Понятен этот феномен вражды лишь на этническом, точнее, на уровне выше этнического — суперэтническом, при котором и Византия и Западная Европа рассматриваются в целом, без внутренних региональных особенностей. Византия прожила свое тысячелетие крайне активно, и теперь ее развитие было инерционным. На Западе же наступила фаза этнического энергетического подъема, мучительная фаза, как всякое творчество. После 1054 г. — года официального разделения церкви на западную и восточную, французы и немцы уже не были официально единоверцами греков и болгар. Но поверить в это не могли как «западники», так и «восточники». Однако когда в конце XI в. они столкнулись, то греки показались французам еще более непохожими на них, чем мусульмане, к которым рыцари привыкли в Сицилии и Испании.

Третьей точкой, где прослеживается этногенетический взрыв, была Астурия, горная страна на берегу Бискайского залива. Туда отступили теснимые арабами христиане и так там смешались, что не стало ни готов, ни свевов, ни иберов, ни римлян, а стали испанцы, в середине IX в. предпринявшие попытку освободить свою страну от мусульман. Они дошли до реки Дуэро, были разбиты, отброшены в горы, но с этого времени началась реконкиста — отвоевание родины у захватчиков.

И ведь вот что характерно: несмотря на все выгоды централизации, христианская Испания распалась на полдюжины крошечных государств, подобно другим странам Западной Европы. Такое разделение страны затянуло реконкисту до 1492 г., но децентрализация была способом существования в христианском — западноевропейском — суперэтнотипе.

Если в мире ислама избыточная энергия этносов проявилась в шиитских восстаниях, в Византии — в религиозных спорах и дворцовых переворотах, то в христианском мире она выливалась в феодальные войны. Они были хроническим бедствием, хуже чумы, наводнений и голода населения. Беда была в том, что воевали не только сами феодалы, но и горожане, альпийские пастухи, прелаты и ересиархи, папы и императоры, короли и узурпаторы, короче — все, кто мог держать в руках оружие. Это и называется по этногенетическому счету времени пассионарным подъемом.

Так, этническая система Западной Европы в фазе подъема XI–XII вв. выходила за границы своего ареала. Немцы и датчане нападали на западных славян, правда, с минимальным результатом. Испанцы давили на арабов. Французские нормандцы захватили Англию и Сицилию. И наконец, стихийное движение людей в разных концах Европы охватило весь

христианский мир: начался крестовый поход.

Крестоносцы собирались в Святую землю к Гробу Господню. Послушаем аббата Гвиберта Ножанского: «По закрытии Клермонского собора — а он был созван в ноябре месяце (1095 г.), в восьмой день после праздника святого Мартина, — по всем провинциям Франции разнеслась о нем большая слава, и каждый, кому быстрая молва доставляла папское предписание, шел к своим соседям и сородичам, увещевая (их) вступить на стезю Господню, как называли тогда ожидаемый поход.

Уже возгорелось усердие графов, и рыцарство стало подумывать о походе, когда отвага бедняков воспламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудность доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей, всякий пускал в распродажу лучшую часть имущества за ничтожную цену, как будто он находился в жестоком рабстве или был заключен в темницу и речь шла о скорейшем выкупе.

...В прежние времена ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что теперь сполна отдавалось за безделицу... Многие, не имевшие еще сегодня никакого желания пускаться в путь... на другой день, по внезапному побуждению... отправлялись вместе с теми... Что сказать о детях, о старцах, собиравшихся на войну? Кто может сосчитать девиц и стариков, подавленных бременем лет? Все воспевают войну... все ждут мученичества...» [Описание взято из хроники аббата Гвиберта Ножанского «История, называемая Деяния Бога через франков. Книга II., гл. VI].

«Весь Запад, все племена варваров, сколь их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столпов, — пишет в «Алексиаде» Анна Комнина, дочь императора, — все вместе стали переселяться в Азию. Они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу».

Понимали ли крестоносцы, на что они идут? Может быть, кто-то из них и понимал опасность, да и тщетность этого похода, но, увлеченный стихийным потоком, шел на верную гибель вместе с остальными. Из неорганизованной массы, ведомой Петром Амьенским и рыцарем Вальтером Голяком, уцелели единицы — те, кто успел бежать от сельджукских сабель. Организованное рыцарское ополчение Готфрида Бульонского, Раймунда Тулузского и Боэмунда Тарентского — все французы — одержало несколько побед над мусульманами и заняло Иерусалим, но из 110 тысяч воинов, переправившихся через Босфор, до Иерусалима дошло 10 тысяч. Часть их погибла при штурме города, хотя гарнизон Иерусалима состоял из одной тысячи египетских мамлюков.

И на этом успехи крестоносцев, отборного воинства католической Европы, прекратились. Сельджуки, уже потерявшие импульс своего этнического натиска, а с ним общую организацию, качество руководства и даже поддержку своих восточных соплеменников, а равно арабов и персов, отмахивались от крестоносцев, спокойно разбивая их в небольших стычках. Крестоносцы оказались в этой войне небоеспособными. Они привлекали на помощь армян и ливанских христиан-маронитов. Шли из Франции, Германии, Италии в Палестину и Египет подкрепления.

Однако всех сил рыцарской Европы хватило лишь на то, чтобы удержать несколько прибрежных крепостей, получавших постоянную поддержку со стороны моря. Иерусалим был утрачен крестоносцами в октябре 1187 г. 2 октября войска султана Салах ад-Дина вошли в него. Но в феврале 1229 г., по мирному договору султана Египта и Фридриха II, Иерусалим, а также Вифлеем и Назарет были переданы крестоносцам. В 1244 г. Иерусалим и округа снова были утрачены крестоносцами.

Было ясно, что агрессия Европы на Ближнем Востоке захлебнулась. И тогда вступили в игру монголы и куманы (половцы).

Как ни странно, но в надвигающейся трагедии приняли участие люди, которым она должна была быть совершенно безразличной. На северных окраинах Византии и Сельджукского султаната жили кочевники, долгое время изображавшиеся европейскими авторами как бесчисленные скопища, подобные саранче. На самом же деле в степях жили три немногочисленных этноса, очень древние и потому не агрессивные: гузы, по-русски — торки; канглы, по-русски — печенеги и кыпчаки, или куманы, по-русски — половцы.

Взрыв этногенеза, породивший их, имел место в III в. до н. э. Тогда же возникли, вернее, оформились как этнокультурные системы хунны — в степях современной Монголии, и сарматы — в современном Казахстане. История восточных кочевников описана Л.Н. Гумилевым в «Степной трилогии» — «Хунны в Китае» (М., 1974), «Древние тюрки» (М., 1967) и «Поиски вымышленного царства» (М., 1970). Но вот о западных кочевниках надо сказать особо, поскольку к нашей теме они имеют непосредственное отношение.

Гузы жили в бассейне Урала, по границе тайги и степи. В то время в степи, ныне распаханной, было много сосновых боров, подобных островам в открытом море. Один из таких «островов» остался — это сосновый бор с озерами в Кокчетавской области Казахстана — курорт Боровое. Лес в степи — великое благо. В нем устраивают скот во время буранов, берут материал для изготовления телег. Там ловят орлов — орлиное перо шло на оснастку стрел, ловят соколов для охоты на волков. Хозяйство гузов было органичным, а идея прогресса техники отсутствовала, поскольку жизнь их базировалась на природе, с которой гузы не воевали, а жили в прекрасном равновесии.

Южнее, между Балхашем и Аралом, располагалась держава Кангюй — по-китайски, или Кангл — на языке тюркском. Это была тоже редко населенная страна, но, видимо, культурная и самостоятельная. Жители ее назывались по-тюркски «кангл-эр» (кангюйские мужи), но уже в VIII в. их стали называть «пацзынак» — по-гречески, или печенеги — по-русски.

Они не ладили ни с гузами, ни с третьим кочевым этносом — кыпчаками, обитавшими на склонах Алтая и в Барабинской степи, где растительность напоминает богатые пастбища по обоим берегам реки Дон, да и сам Иртыш своим положением в степи напоминает Дон.

Все три этноса были европеоиды по своему антропологическому типу, тюркоязычны, воинственны, но не агрессивны, ибо уже вступили в фазу гомеостаза, когда инерция создавшего их этнического толчка иссякла, а жизнь идет по традиции, пока ее не нарушит какое-либо постороннее воздействие. Чаще всего таким воздействием бывает вторжение иноплеменников, но арабы в такую далекую степь не приходили, Хазарский каганат на Волге был заинтересован в мире со степняками, а Тюркский каганат был занят постоянной войной с Китаем.

Беда пришла с неба, и весьма неожиданно. В IX–X вв. степную зону Евразии постигла вековая засуха, ибо орошающие степь циклоны сместились к северу. Как уже было сказано, в степи шла трехсторонняя война, малая, но постоянная. Для степной войны необходимо иметь откормленных коней и много баранов, чтобы не голодали воины. Поэтому состояние пастбищ определяет возможность победы. Значит, засуха, влияя на произрастание трав, либо способствует, либо мешает военным успехам кочевых народов, причем в большей степени, нежели оседлых, ибо те могут создать запасы зерна, хотя бы на несколько лет, а кочевники этих возможностей лишены.

В X в. больше всех пострадали от засухи экстрааридные степи современного Центрального Казахстана. Большая часть их превратилась в пустыню. Канглы вынуждены были покинуть родину. Часть их поселилась во владениях хорезмшахов, приняла ислам и стала называться

просто канглы, а другая часть переправилась в 889 г. в Причерноморье и долгое время сохраняла самостоятельность, даже будучи зажата двумя великими державами: Византией и Русью. Руси эта часть канглов боялась меньше, чем соседей — кыпчаков.

Гузы тоже пострадали от засухи и ушли частью в верховья Амударьи, в окрестности Балха и Мазари-Шерифа, а частью на Волынь (нынешняя Украина), где подчинились киевским князьям. Они образовали военно-поселенческий «торческий пояс» (торками звали гузов) — границу, обороняемую кочевниками-гузами от половцев — этноса, достигшего наибольших успехов и пропавшего с лица земли без остатка.

Засуха ударила по кыпчакам меньше, чем по их соседям. Воды в Иртыше много, с Алтая сбегала влага горных ключей, на джайляу — горных пастбищах — трава растет в изобилии, а лесам на склонах гор жара не страшна. Поэтому кыпчаки сберегли свой экономический и военный потенциал, преследуя торков и печенегов, они пришли в донские степи не как беглецы, а как победители. Там они нашли то же разнотравье, что и в родной Барабе, и остались жить, так как ландшафт был привычным. Но, конечно, им при этом пришлось столкнуться с Византией и Русью.

С греками половцы поладили быстро. В 1091 г. они помогли Алексею Комнину разгромить печенегов при Лебурне. Печенеги полвека грабили Балканский полуостров и вызвали такое раздражение, что греки, победив их, не брали пленных. Спаслись только те печенеги, которые сдались половцам. Взяв добычу и награду за помощь, половцы ушли за Дунай.

Война половцев с Киевским государством затянулась до 1115 г., вследствие того что Олег Святославич Черниговский оказался союзником половцев, тогда как киевские князья Святополк II и Владимир Мономах опирались на торков, давних врагов половцев. В 1117 г. русские и их союзники покинули Белую Вежу, крепость на Дону, а западные кочевья половцев были разгромлены Мономахом. С этого времени западный половецкий союз вошел в состав Руси, сохранив автономию, а восточные «дикие» половцы стали союзниками князей владимирских. За 120 лет — время от 1116 до 1236 г. — половецких набегов на Русь было 5, русских походов на степь — 5, частей половцев в усобицах — 16. Жестокая война Руси и Степи — миф XIX в.

Если печенеги и гузы приняли ислам и превратились в периферию мусульманского мира, то половцы усердно крестились и вступали в брачные союзы с русскими. Не только внук героя «Слова о полку Игореве», но и сам Александр Невский были полуполовцами. Когда в 1221 г. сельджуки высадили десант в Крыму, то на помощь половцам пришли рязанские князья и разделили с ними горечь поражения.

Везде, где православные бились с врагами веры: в Грузии при Давиде Строителе с мусульманами-сельджуками (битва на Дидгорской равнине в 1121 г.), в Болгарии — с латинянами (при Калоиоанне в 1205 г.), половцы обеспечивали успех своей воинской доблестью. В Грузии издавна знали о высоких воинских достоинствах и сравнительно небольшой требовательности половцев. Об этом рассказывается в истории царя царей Давида в грузинской летописи «Картлис цховреба».

Но не названные особенности, а совсем другие детали быта и этнопсихологии половцев определили то, что история человечества пошла совсем иначе, сделав зигзаг в 1260 г.

Любой этнос, прошедший все фазы исторического развития и не потерявший первоначальной целостности, «не рассыпавшийся розно», оказывается в состоянии гомеостаза, неустойчивого равновесия со вмещающим ландшафтом, нарушающегося за счет столкновений с соседями, воздействий колебаний климата или стихийных бедствий. Но если такие воздействия не влекут гибели этноса, то он восстанавливает присущий ему характер жизни и борется со всеми попытками его изменить.

Кыпчаки прожили долгую жизнь рядом со своими ровесниками: хуннами, сарматами,

аланами, телеутами, тюркютами (тюрки Великого каганата VI–VIII вв.) — и уцелели как этнос. Но поддержание себя в состоянии гармонии внутри общественных образований вынуждало их избавляться от всех соплеменников, нарушавших традицию консерватизма, а точнее, воинствующей посредственности, что являлось идеалом половецкой этики. А это означало, что из общества, из социальной жизни изгонялись трусы, воры, предатели, дураки, а также гении, инициативные храбрецы, мечтатели, честолюбцы. То есть изгонялись все те, кто мог или хотел нарушить гармонию половца с его любимой степью.

Существует трогательная легенда. При наступлении на степь русских войск Владимира Мономаха в 1115 г. хан Атрак с отрядом воинов поступил на службу грузинскому царю и был там хорошо принят. Царь Давид женился на дочери хана Атрака. Хан не хотел возвращаться на родину. Один из посланных за ханом стариков, исчерпав в уговорах все аргументы, дал Атраку понюхать пучок степного ковыля. Хан немедленно поднял свой отряд и вернулся на Дон.

Половцы были гуманным народом и не убивали своих несимпатичных соплеменников, а продавали в рабство мусульманам, которые превращали их в гулямов — рабов-воинов. Мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение приспосабливаться к новой, непривычной обстановке. Фахр ад-Дин Мубаракшах по этому поводу пишет: «Кто может спросить, что за причина этой славы и удачи, выпавшей на долю тюрков? Ответ: общеизвестно, что люди любого племени, пока они остаются среди своего народа, среди своих родственников и в своем городе пользуются уважением и почетом, но, когда они, странствуя, попадают на чужбину, их презирают и не одаривают вниманием. Но тюрки наоборот: среди свои сородичей и в своей стране — они только племя среди других тюркских племен... Чем дальше они находятся от своих жилищ, родных и страны, тем больше растет их сила, и... они становятся эмирами и сипах-саларами».

Фахр ад-Дин описал феномен неполно. Субпассионарные тюрки, слабовольные и неорганизованные, выброшенные консервативными соплеменниками за ненадобностью, кончали жизнь, как правило, рядовыми всадниками, и очень быстро, потому что их не жалели, когда гнали в бой. Если же они оставались живы, то и тогда их не любили, а использовали. Но у пассионарных, неудержимых в поведении тюрков шанса на успех дома не было, ибо для воинствующей посредственности талант — главный враг. Степной обыватель по психологии не отличается от деревенского или городского. Поэтому неудивительно, что в числе кочевников находились люди, предпочитавшие быть проданными в рабство скучной и бесперспективной жизни на своей родине. Вот пример, случай из многих.

В XII в. половцы продавали рабов партиями по 200 голов и купившему партию давали еще одного бесплатно в качестве приза. Где-то около 1137 г. купцу, покупавшему товар, предложили как премию мальчика, худосочного и невзрачного, по имени Ильдегиз. Купец отказался и отпустил ребенка на волю, но тот попросил купца взять его как раба. Купец исполнил просьбу мальчика и посадил его на телегу. Из донских степей в Иран ехали подолгу, от источника до источника. Ильдегиз устал, заснул на одном из переходов и сонный свалился с телеги. Его подобрала, но, когда он второй раз упал с телеги, купец велел не останавливаться и ехать до места привала.

Доехали до источника, устроили привал, развели огонь и стали варить пищу для себя и для рабов. И вот из темноты появился Ильдегиз. Купец не удивился, рассмеялся и приказал накормить мальчика. Так мальчик попал в Азербайджан. Купец выгодно для себя продал мускулистых плечистых половцев везиру этой страны Сиджируми, но тот отказался покупать Ильдегиза. Ильдегиз взмолился и сказал: «О добрый господин, купи меня, я пригожусь». «Ты сам просишься? — спросил везир. — Ну, тогда я покупаю». И за гроши купил ненужного ему раба.

Ильдегиз попал поначалу на кухню и стал так хорошо готовить плов, что, когда султан Масуд ибн-Мухаммад пришел к своему везиру в гости и попробовал половецкий плов, он попросил продать ему повара, купил и зачислил его воином к себе на общих основаниях.

Оказавшись при дворе султана, Ильдегиз нашел способ снискать благосклонность матери султана и благодаря ей получил назначение в войско уже как сипах-салар. Ему и удалось разбить в войне войско грузин, после чего он стал правителем Аррана, значительной части Азербайджана, и важным вельможей — атабеком, то есть опекуном и воспитателем сына султана. С 1116 г. Ильдегиз и его потомки правили Северо-Западным Ираном, с переменным успехом ведя дворцовую политику, интриги и внешние войны. Низложены они были лишь в 1225 г. хорезмшахом Джелял ад-Дином.

Однако Иран был менее удобным поприщем для половцев-мамлюков, нежели Египет. Там половцы развернулись, а именно египетские мамлюки имеют основное и непосредственное отношение к нашей теме. Но поскольку судьба Египта связана непосредственно с изнанкой религиозной и социальной жизни Передней Азии — с карматами и исмаилитами, то расскажем сначала об этой «теневой» стороне процесса этногенеза. Она столь же существенна для истории и для нашей темы, как сторона другая, освещенная светом знаний, почерпнутых из учебников.

Египет и четыре знамени

До 1099 г., то есть до взятия Иерусалима крестоносцами, Палестина и прилегающие к ней степи Аравии принадлежали египетским халифам — Фатимидам. Но ни члены правящей династии, ни их придворные, ни их воины, купцы, муллы, эмиры, шейхи, ни даже жены и одалиски их не были египтянами и египтянками, хотя именно потомки строителей пирамид и храмов, создателей древней письменности и учителей Пифагора, Птолемея (астронома) и отшельников Фиваиды составляли большинство населения прекрасной долины Нила.

Энергия египтян Древнего царства иссякла уже в XVIII в. до н. э. Этнический толчок, изменивший лицо Египта, создал Новое царство, отличавшееся от Древнего так, как, например, Италия отличается от античного Рима или Франция — от кельтского племенного союза на этой же территории, руководимого друидами.

Но и этот толчок этногенеза, сообщивший энергию Новому царству, со временем потерял инерцию. Страна прошла свой цикл развития, хотя египтяне сохраняли навыки земледелия, знание астрономии, медицины и способности к философии.

Угасающий этнос, переходящий в своей этнической истории «к старости» — научно выражаясь, в стадию гомеостаза, неустойчивого равновесия с окружающим ландшафтом, — теряет одно важное качество, не восполнимое никакой культурной традицией. Это способность к самообороне. Египтом, страной культурной и трудолюбивой, по очереди овладевали нубийцы, ассирийцы, ливийцы, персы, македоняне Александра Македонского, римляне и, наконец, арабы. Сами египтяне не сопротивлялись ни одному из завоевателей, тем самым предоставляя им возможность драться друг с другом.

Последние судороги ускользящей активности стали заметны в первые века нашей эры, когда египтяне, сменив свои прежние культуры, приняли христианство — не совсем равнодушно. Но после V–VI вв. египетские земледельцы возделывали поля и платили налоги Византии, полагая, что большего от них не нужно и все остальное их не касается. Этническая система египтян упростилась до того, что их стали называть не по этносу, а по роду занятий — феллахи, что значит «землепашцы».

Но пока Нил тек, откладывая на поля плодородный ил, Египет был самой богатой страной Средиземноморья. Правители его не мешали аборигенам жить привычным бытом, ограничиваясь сбором налогов. Политическая и интеллектуальная жизнь кипела в городах Дельты: в Александрии, Мансуре, Дамiette и других. Бедуины пасли своих верблюдов в пустынях по обе стороны долины реки Нил. Купцы всех стран везли для эмиров, военачальников, горожан товары со всех концов известного тогда мира. И немаловажным товаром были рабы и рабыни.

Казалось бы, зачем они были нужны, если никто не собирался посылать их на тяжелые работы? Рабы стоили дорого, а для строительства, ирригации и сельского хозяйства было сколько угодно покорных феллахов. Нет, девушки-рабыни пополняли гаремы, а мужчины — личные войска наместника, ибо, например, в IX в. в халифате было очень неспокойно. Восстания поднимались всюду. Шииты, группировка мусульман, боровшаяся за власть в халифате, «отложились» в Марокко, создав там в 800 г. независимую страну. Хариджиты, группировка, отрицавшая власть халифа над правоверными, создали собственное государство в Алжире. Правоверные Аглабиды «отложились» в свою очередь в Тунисе и завоевали Сицилию — для себя, а не для халифа — в 878 г.

Для подавления восстаний халиф Мутасим учредил гвардию гулямов, то есть рабов, и один из них, тюрк Ахмад ибн-Тулун, получил назначение помощником наместника Египта. В 868 г.

он взял власть в свои руки и присоединил к Египту Сирию и Палестину. Опорой Ахмада были гулямы, которых он покупал не только в Европе, но и в Судане, в Африке. Так в Египте создались две гвардии гулямов-рабов: белая и черная. Одно время этой богатой и беззащитной страной управлял черный гулям, нубиец Кафур, прославившийся как щедрый покровитель литературы и искусства. Но эти наместники еще считались с халифом. Беда пришла в 969 г.

Окинем взглядом ход раздробления «мира ислама» и образование своеобразных этнических химер. В 750 г. зеленое знамя династии Омейядов упало в Сирии, но через шесть лет вознеслось над Испанией и реяло над ней до 1032 г. Черное знамя Аббасидов более ста лет казалось устойчивым и вечным, но уже в конце VIII в. — в 778 г. — в Гургане, области на берегу Каспийского моря, было поднято красное знамя восставших крестьян, а затем перенеслось в Азербайджан, Западный Иран вплоть до границ с Месопотамией: это было в 816–837 гг.

Еще большую опасность для халифов, живших в Багдаде, представляло белое знамя исмаилитов или карматов — шиитской секты, захватившей Иран в 890–906 гг. и Бахрейн (там, где теперь нефтяное княжество) в 894–899 гг. В Ираке и Сирии карматы были разбиты тюркскими гулямами, но в Бахрейне они удержались и даже на время захватили священный город арабов Мекку, увезли оттуда черный камень Кааба, который был возвращен позже за большой выкуп.

Другая группировка исмаилитов, возглавленная Убейдуллой, который выдавал себя за потомка халифа Али и дочери пророка Фатимы, опираясь на оседлые берберские племена Атласа, сокрушила аббасидского наместника западной части халифата — Магриба. По сути дела, предприимчивые вожди исмаилитов использовали вражду покоренных берберов к завоевателям арабам. Но и берберы в свою очередь использовали исмаилитов. Они поддержали пламя гражданской войны в халифате, помогли потомкам Убейдуллы — Фатимидам — захватить власть в Египте, овладеть всей Палестиной и частью Сирии. Но сами берберы откололись от Фатимидов и в 1041 г. вернулись к суннизму, что означало для них политическую независимость, ибо багдадский халиф находился сам под контролем сельджуков.

Так на фоне общего развала, вызванного не оскудением, а переизбытком страстей, Египет оказался самой сильной страной с самым вялым населением. Фатимидам оставалось одно: покупать гулямов с еще большим размахом, что они и делали. В результате власть перешла в руки военищины. Курд Салах ад-Дин Юсуф ибн-Аюб, основатель в будущем знаменитой династии Аюбидов, долгое время находившийся на службе у сельджуков, захватил власть в деморализованном Египте в 1169 г. и восстановил суннизм. В 1192 г. он отразил крестоносца Ричарда Львиное Сердце. А потомок Салах ад-Дина взял в плен французского короля Людовика Святого.

Салах ад-Дин и его потомки сумели остановить натиск крестоносцев, вернуть мусульманам святой и для них город Иерусалим и заблокировать рыцарей в прибрежных крепостях на узкой полосе Восточного Средиземноморья. Они смогли также прекратить раскол в мире ислама, упразднив исмаилитскую династию Фатимидов, восстановить арабскую культуру. И наконец, они осуществили принцип политической раздробленности, при котором населению жилось легче под властью своих, местных султанов, нежели под гнетом назначенных халифом эмиров.

Ведь слабый султан небольшого города или территории зависел от настроения своих подданных не меньше, чем они от его капризов. Конечно, раздробленность снижала политическую мощь, но этот недостаток компенсировался терпимостью и уступчивостью правителя. Так, султан Камил уступил Иерусалим Фридриху II и тем самым избежал изнурительной войны.

Мир ислама и мусульманская культура в целом в начале XIII в. были спасены, но кем? Туркменами-сельджуками, курдами Аюбидами и, главное, купленными на базарах

невольниками, превращенными в гулямов или мамлюков — государственных рабов. А сами арабы и персы, чьи чаяния были символически воплощены в цвете их знамен, потеряли всякое значение. Знамена попадали в пыль и превратились в лоскутья.

Закономерный процесс этногенеза был сломлен, но очарование культуры гальванизировало Ближний Восток, на котором представители двух суперэтносов были вдвинуты друг в друга и образовали некое соединение, которое в этнической терминологии можно уподобить химере. Но это еще не все. Большая часть населения Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Палестины, Египта и Нубии оставалась христианской, а католический мир создал свои первые колонии в Заморской земле: на побережье Ливана, в Константинополе — Латинская империя, на Кипре, а также среди перешедших в католичество армян. Силы систем уравнивали друг друга, но равновесие это было неустойчивым и крайне обманчивым.

Иностраннный легион — изобретение древнее. Уже римляне времен Империи и китайцы при династии Младшая Хань пополняли свои войска варварскими отрядами, так как сами римляне и китайцы предпочитали сидеть дома и наслаждаться культурой и отдыхом. В ранней Византии боевой силой были акриты — воинственные пограничники, не уступавшие арабам и сицилийским норманнам, а в поздней Византии, в X–XII вв., акритов сменили варанги — наемные иностранцы. Сначала варангами были преимущественно скандинавы, потом русичи и, наконец, англосаксы, покидавшие свою завоеванную и угнетенную чужеземцами родину.

В Египте ту же роль играли мамлюки, «принадлежащие», то есть рабы, но с той разницей, что варанги, заработав в Константинополе деньги, могли уволиться и вернуться домой, а мамлюкам пути назад не было: они были невольниками.

Казалось бы, мамлюкам легче всего было принять ислам, что давало свободу, и раствориться в конгломерате народов мусульманского мира. Но они избегали свободы как огня, и не зря. Одинокий человек на чужбине, без денег и друзей был обречен на самую жалкую жизнь. А находясь в войске, он был сыт, одет, вооружен и имел прекрасную перспективу повышения, потому что султан или эмир нуждался в его преданности и доблести.

Выше мы рассказали о судьбе Ильдегиза в Арране. И ведь таких счастливцев было много, причем самая благоприятная обстановка для них была именно в Египте, потому что сельджуки и курды сами были воины, египтяне же — нет. Но чтобы иметь успех и сделать карьеру, надо было иметь верных друзей. А где их найдешь в Каире или Фустате? Но и здесь выход был отыскан.

Египетское войско при Фатимидах, по словам поэта и путешественника Насир-и-Хосрова, состояло из 60 тысяч гулямов: суданских негров, тюрков, славян — и 135-тысячного ополчения, в состав которого входили берберы Магриба и арабы Хиджаса. Когда же берберы и арабы отпали от Фатимидов, значение гвардии возросло. Быть рабом-воином стало не позорно, а почетно и выгодно.

Согласно традиционным представлениям эволюционной этнографии, мамлюки должны были смешаться в единую социальную группу. На самом же деле социальная общность, которую они действительно представляли, была разорвана этническими феноменами. Все началось в 1062 г., когда тюрки схватились с суданскими неграми и изрубили их.

Во время беспорядков были разграблены дворец халифа, государственная казна и даже библиотека. Только энергия халифа Мустансира, призвавшего из Сирии Бадра (тоже бывшего раба, ставшего военачальником), спасла положение. Его войско заняло Каир в 1073 г. Бадр заманил тюркских повстанцев в западню и перебил всех до единого в одну ночь. Порядок был восстановлен, но за время смуты отпали Алжир и Тунис, а Сицилию в 1071 г. завоевали норманны, точнее, французы из Нормандии. Надо было заново комплектовать армию и научиться обходиться без выходцев из Судана, негров.

И вот представьте такую картину. На невольничий базар, где стоят нагие юноши, выходит сотник в чалме, в роскошных шароварах, с саблей на боку и кричит: «А ну, крещеные, кто из Чернигова, кто из Муррома, отзовись!» Кое-кто отзывается, и сотник уводит их к себе в казарму, чтобы включить в свой отряд.

Затем выходит другой сотник и кричит: «Эй, уланлар, кель менде». Его сменяет третий, говорящий по-черкесски, четвертый — по-алански, пятый — по-грузински, и так, пока все не разберут своих земляков. Принцип этнической близости выдерживается более строго, чем в любых иных коллизиях.

И это закономерно! Верность своему начальнику обеспечена, ибо воину податься некуда.

Чужие его не примут и даже если не выгонят, то продвинуться не дадут. Разумеется, местных мусульман, уроженцев страны, в эту гвардию не допускали. Ведь они были связаны с населением, они могли найти защиту у мулл и улемов, имели возможность принадлежать к разным скрытым шиитским толкам... Нет, не надо, разве только рядовыми, без права на выслугу!

Однако вряд ли сытые, одетые, вооруженные и никем не обижаемые мамлюки были счастливы. Приобретя некоторый комфорт, они потеряли родину и родных. Пусть даже военный лагерь на острове, где были расквартированы степняки, или замок, где жили черкесы и грузины, были роскошнее их кочевий и деревень, горных аулов и землянок в долине Риони, но ведь там оставались друзья и подруги, мудрые старики и ласковые бабушки.

А память подсовывала им совсем не нужные картины: врагов, которые вяжут руки и гонят их, привязанных к хвостам коней, плетьюми; купцов, покупающих их на базарах в Шафе, в Крыму или Трапезунде; надсмотрщиков с ременными бичами... Тяжелая штука, эта память. И ведь не выкинешь ее, как обгрызенную кость.

Вот поэтому работорговцам лучше было не попадаться на глаза мамлюкам. Работорговцами в XIII в. были монголы, греки с армянами и венецианцы с генуэзцами, а также их друзья — рыцари ордена тамплиеров, сидевшие в замках у берега лазурного Средиземного моря.

Ненавидя своих продавцов, мамлюки отнюдь не обожали и своих покупателей. Поэтому они спокойно позволили заменить исмаилитского халифа суннитским султаном в 1171 г. Когда же им показалось, что султан Тураншах руководит ими плохо, они взяли дворец и убили султана. Это случилось 2 мая 1250 г. Инициатором переворота был половец Бейбарс, которого поддерживали его земляки.

Бейбарс посадил на престол ребенка Камиля, за которого правили его мать, султанша Шедрет ад-Дурр и мамлюк-туркмен Айбек, ставший ее мужем. В 1257 г. ревнивая султанша отравила своего супруга за измену. Тогда мамлюки посадили ее в тюрьму и в 1259 г. выбрали султаном другого половца, Кутуза, друга Бейбарса. Так совершилась в Египте «революция рабов» или, что то же, завоевание страны мамлюками. Это произошло в те самые годы, когда у себя на родине половцы были разбиты и разметаны так, что больше не составляли единого этноса. Жуткая ирония судьбы!

Между Дальним и Ближним Востоком

До сих пор мы умышленно оставляли без внимания страны и народы Срединной Азии — нынешних Монголии, Джунгарии и Срединной равнины, называемой по-русски Китай, а у всех других народов — Хин, Шин, Чин и подобными вариантами слова «Цзинь». Так называлась династия, объединившая Срединную равнину в III в. н. э. Слово «Китай» — это название монголоязычного полукочевого племени, захватившего в 936 г. Пекин и воспринявшего от местных жителей много элементов культуры. Древние русичи от купцов-караванщиков узнали об этом царстве и распространили название «Китай» не только на область города Пекин, но и на непокоренную часть Срединной равнины, жители которой называли себя либо по имени правящей династии: Суй, Тан, Сун, — либо просто «люди Срединной равнины».

Когда же филологическое недоразумение развеялось, то менять привычное название было поздно. Поэтому истинных китаев ныне принято называть по-китайски «кидани», чтобы избежать досадной путаницы, а жители Срединной равнины — «чжунго-жень» — китайцами.

Долгое время соприкосновения восточной и западной окраин континента были эпизодическими. Так, в 36 г. до н. э. отряд китайцев (ханьцев), преследуя хуннского князя, натолкнулся около города Талас в современном Казахстане на странных воинов, которые сдвинули большие четырехугольные щиты, выставили короткие копья и пошли в атаку на китайцев. Те удивились, посмеялись и расстреляли сомкнутый строй из тугих арбалетов. По выяснению оказалось, что побежденные были римскими легионерами из легиона, сдавшегося парфянам при Харране, где погиб триумвир Красс. Парфяне перевели пленных на свою восточную границу и при первой же надобности отправили их выручать своего хуннского друга и союзника. Какое счастье, если подумать, что китайцы не добрались до Европы на рубеже нашей эры! А ведь могли, если бы их не задержали хунны.

Второе столкновение Востока и Запада произошло в 751 г. в той же Таласской долине. Танское китайское войско явилось туда по просьбе согдийцев, жителей страны Согд в современном Узбекистане, нещадно ограбляемых арабами. Бой на равнине шел три дня и был решен тюрками-карлуками, стоявшими неподалеку и державшими нейтралитет. Наконец карлуки решили, что китайцы все же хуже арабов, и ударили на их фланг. Китайцы побежали.

По иронии судьбы, китайский полководец Гао Сянь-Чжи не понес наказания за проигранное сражение и потерю Согдианы. Он остался при дворе и служил империи Тан в последующих войнах, а араб, победитель и герой, Зияд ибн-Салах был вскоре казнен как политически неблагонадежный. Но так или иначе, Средняя Азия стала мусульманской провинцией. А Срединная Азия, оккупированная Китаем при династии Тан, истребившей тюрков, вернула независимость. Там возник Уйгурский каганат, разрушенный енисейскими кыргызами в 841–847 гг.

После этого Китай ослабел и к X в. утратил все владения севернее Великой стены. На северо-западной границе Китая возникла тангутская империя Си-Ся, а на северо-восточной — киданьская, принявшая китайское имя Ляо. Ляо просуществовало с 905 по 1125 г. Вот это-то для нас и существенно.

В отличие от западной окраины Евразийского континента, где четыре суперэтноса были тесно связаны друг с другом и своими культурными традициями, и способом ведения хозяйства, и социальными отношениями, и даже религиями (ибо христиане считали Аллаха арабским названием Первого лица Троицы, а мусульмане почитали Ису и Мариам — Иисуса и Марию — как пророков, предшественников Мухаммеда), на восточной окраине положение было принципиально иным. Китайцы Срединной равнины и кочевники Великой степи столь

разнились между собой, что не перенимали культуры друг друга. Кидани были исключением. Это-то и привело их к гибели как этноса.

Секрет хода событий заключался, пожалуй, не в экономике или политике, а в феномене этнографии, воздействовавшем на поведение людей. Китайцы и кочевники настолько различались по стереотипу поведения, что не хотели, не могли наладить между собой контакт. Они и не пытались искать поводов для контакта, считая их лишёнными смысла. Тут были важны некоторые подробности быта.

Прежде всего, китайцы вообще не употребляли молочных продуктов — основной пищи кочевников, и взаимопонимание между ними отсутствовало из-за презрения к такой пище одних и раздражения по поводу такого неприятия у других. Для китайца все жены отца — его матери. Для хунна, например, или тюрка — мать только одна, а наложницы отца — подружки, а вдова старшего брата становится законной его женой, которую он обязан содержать, причем чувства здесь роли не играют.

Женщина в Китае в те века не работала, она рожала и нянчила детей и никаких прав не имела. В Великой степи женщина выполняла все домашние работы и была владелицей дома: мужу принадлежало только оружие, ибо ему полагалось умереть на войне.

В армиях Китая обязательно полагался штат доносчиков, а тюрки, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали. Представители двух великих суперэтносов никак не могли ужиться рядом. Оптимальное решение было: жить мирно, но порознь. А это не всегда удавалось.

Поэтому кочевники заимствовали культуру и мировоззрения с Запада, а вовсе не из Китая. Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Тибета — теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования оставался прежним. Из Китая же они заимствовали только шелк, а помимо этого — печенье и, в некоторых случаях, фарфоровую посуду.

Только часть киданей восприняла китайскую культуру искренне и увлеченно. Другая часть упорно соблюдала свою, степную. И вот что из этого вышло.

В начале XII в. на Дальнем Востоке произошел взрыв этногенеза, или, говоря научным языком, пассионарный толчок, вследствие которого возникли два новых этноса: чжурчжэни и монголы.

На Дальнем Востоке среди тихих народов, живущих в состоянии гомеостаза — а это состояние не редкость для разных народов, прошедших определенный цикл развития, — то есть среди народов, поддерживающих свое равновесие с ландшафтом, появились люди с необузданной энергией. Вот это и есть качество, которое называется пассионарностью.

Вернемся в VI–VII вв. и взглянем на молодые, новорожденные этносы этого времени. Всекитайская империя Сун была ровесницей Арабского халифата. Пассионарный толчок VI–VII вв. четко прослеживается по географической оси от Хиджаса и Бахрейна на Аравийском полуострове, через Южную Персию, Синд (область на западе Индии), через Южный Тибет, Северный Китай, Южную Корею и Японию.

В Индии так называемая «раджпутская революция» опрокинула империю Гупта, покровительствовавшую буддизму, и Индия раскололась на множество мелких княжеств, связанных реформированной религией и обновленной системой каст. Маленький Тибет попытался стать великой державой, но захлебнулся в крови внутренней войны в IX в.

В Японии произошел переворот Тайка с последовавшими реформами, а в Китае в это же время династии Суй и Тан вели себя подобно Омейядам и Аббасидам. В X в. здесь произошел надлом этнической системы, который, например, в китайской историографии назван «периодом пяти династий и десяти царств». В отличие от халифата Китай не распался на отдельные

владения, но силу свою потерял и был вынужден примириться с потерей северных областей. Зато китайцы передали свою культуру части киданей... и все, как будто стабилизировалось.

И вот в XII в. произошел новый взрыв в процессе этногенеза. Чжурчжэни, обитавшие в долине Уссури и Сунгари, в 1115 г. восстали против киданей и к 1125 г. сокрушили империю Ляо. Часть киданей, овладевшая китайской культурой, подчинилась победителям. А «отсталая» их часть, не утратившая степной доблести, отступила с боями в Семиречье и там столкнулась с сельджуками, с самим великим султаном Санджаром.

Мы подошли к тому моменту, когда уже можно провести сравнение ряда суперэтнических целостностей, расположенных по длинной линии от Тихого до Атлантического океана, на протяжении одного периода, например XII в. Используя отработанную методику исследований (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, вып. I–III. М., ВИНТИ, 1980), мы будем учитывать не только состояние и культуру этносов, но и фазу этногенеза, или, переводя на точный язык науки, не только массу, но и импульс, то есть заряд.

Кидани были народом древним, появившимся одновременно с хуннами, сарматами и куманами, или половцами. Они достигли мудрой и крепкой старости, фазы гомеостаза, но, увлекшись чужой для них китайской культурой, в самом деле очаровательной, превратили свое ханство в химерную империю Ляо. И вот теперь, между 1131 и 1137 гг., шли упорные столкновения между киданьским гурханом Елюем Даши и сельджукским султаном Санджаром. Гурхана поддерживали «отсталые» степняки. Султана — лучшие воины из Хорасана, Седжестана, Гура, Газни и Мазандарана, еще не растроченные силы мира ислама, а всего 100 тысяч воинов. Гурхан победил!

Султан бежал, покинув семью и 30 тысяч храбрых соратников, убитых в честном бою. Сельджукский султанат после этой битвы распался, но кидани проявили удивительную умеренность: обложили города Средней Азии небольшой данью и стали пасти скот в Семиречье и Джунгарии.

Зато на западе сами мусульмане, воюя с крестоносцами, одерживали победы, одну за другой. В 1144 г. пала Эдесса и, восстав, снова была взята в 1146 г. Вторжения крестоносцев в Египет в 1163 и 1167 гг. были отбиты, а в 1187 г. мусульмане вернули Иерусалим. Второй и третий крестовые походы, в 1147–1149 и 1189–1192 гг., захлебнулись. Лучшие рыцари Европы спасовали перед туркменами-сельджуками. Города Палестины и Ливана перешли к обороне. Гарнизоны крестоносцев держались в них лишь благодаря тому, что венецианцы и генуэзцы морем поставляли им оружие и провиант.

В Магрибе, на западе арабского мира, было то же самое. При Аларкосе в 1195 г. берберы-альмохады сокрушили рыцарское воинство Кастилии, куда стеклись рыцари со всех стран Европы. Эта коллизия описана Л. Фейхтвангером в романе «Испанская баллада». В нем устами арабского историка Мусы (персона вымышленная, но мысли Ибн-Халдуна) дан прогноз: «Христианский мир молод и может позволить себе роскошь потерпеть отдельные поражения, а мусульманский мир стар и только продляет свое существование. Арабы уже потеряли к концу XII в. пыл молодости. За ними пойдут к упадку сегодняшние победители — берберы и сельджуки». Так оно и было!

Крестоносцы попытались компенсировать неудачи, взяв и разграбив Константинополь в 1204 г. Но и этот успех был эфемерным. Через год болгаро-половецкое войско разгромило крестоносцев при Адрианополе. Латинский император крестоносцев был взят в плен и в плену умер. Против латинян восстали албанцы Эпира и греки Nikei. Они считали, что «рыцарей бить легко». Только благодаря соперничеству Nikei, Эпира и Болгарии между собой изгнание западных захватчиков из города Константинополя, затянулось до 1261 г. И было оно бескровным.

Теперь можно составить цепь сопоставлений, употребив алгебраическую символику: больше (>>) и меньше (<<). Итак: чжурчжэни >> кидани >> китайцы, и мусульмане >> европейские рыцари << балканские славяне и половцы.

Эта формула позволит разобраться в перипетиях XII–XIII вв., но для XIV в. она должна быть перестроена, хотя принцип останется прежним. Нужна эта формула для того, чтобы читатели могли думать вместе с авторами и взвешивать убедительность их выводов. Это уважение к мыслящему читателю в отличие от «читателя любознательного», которому отведена роль невежды, внимающего вещаниям писателя, копирующего не парнасскую музу, а недоучившуюся дельфийскую пифию.

Маньчжуры и монголы до и после пассионарного толчка

До XII в. восточносибирские племена, обитавшие на окраине района тех исторических событий, о которых говорилось, находились в гомеостазе и были либо данниками киданей, либо объектами нападений их регулярных войск с целью грабежа. Но когда пассионарный взрыв прошел по широте Южной Сибири и задел племена, жившие в долинах Уссури, Сунгари, Онона и Керулэна, то есть по линии Байкал-Тихий океан, поведение маньчжурских племен — чжурчжэней на востоке и монголо-язычных племен в Забайкалье — изменилось на 180 градусов.

От покорности соседям они перешли к активной обороне, а затем — в контрнаступление на всех фронтах. Оседлые чжурчжэни сумели организовать раньше монголов. Для начала они в 1115–1125 гг. разгромили киданьскую империю, вступив для этого в союз с китайской империей Сун. А затем, захватив южную часть страны, которая сейчас носит их название, Маньчжурию, они начали войну против Китая.

Маньчжуров было всего около двух миллионов, включая все подчиненные народы. Но действовали только южные чжурчжэни. Против них выступили: Корея, в которой жило около 20 миллионов жителей, могучий Китай, в котором было около 80 миллионов человек, и монголы, которых было около четверти миллиона.

Что же произошло за сорок лет войны? Точнее, за 20, если брать время от создания чжурчжэньской империи до заключения Лунсинского мира в 1141 г. Корейцы были отброшены в свою страну. Китай потерял лучшую часть территории, всю северную половину, наиболее населенную и плодородную, которая тянется от границы со Степью до маленькой речки Хуайхэ, не дотягивающей в течении до океана. Река впадает в озеро, она — граница между Северным и Южным Китаем.

Нельзя сказать, что китайцы в это время были трусливы и безразличны ко всему. Нет, они были энергичными и деловыми людьми. Те, кто читал «Речные заводи», знают, как китайцы расправлялись со своими помещиками, чиновниками и буддистами. Но дело в том, что у китайцев в описываемое время было одно стремление — бороться за мир, а, в их понимании, бороться за мир можно было только одним способом: уступить врагу все и не сопротивляться.

И вот у китайцев появился человек, который не желал уступать, — этакий «поджигатель войны» — генерал Ио Фэй. Он начал одерживать победы над северными противниками, над чжурчжэнями. Но его довольно быстро изолировали, арестовали, затем казнили, а другие военные быстро заключили мир с противником.

Сказанное доказывает одно: происходило не ухудшение качества китайского солдата, а снижение пассионарности той системы, которая возникла еще в VII в., создала блистательную империю Тан, вторично отбилась от варваров в X в., при начале империи Сун. Но сейчас-то был конец XII в. Маньчжуры легко оказались победителями на восточных фронтах и потерпели поражение лишь в борьбе с монголами, которых было в четыре раза меньше и которые к тому же, в отличие от маньчжуров, представляющих собой монолитное целое, были раздроблены.

Поражение маньчжурам было нанесено монголами в 1135 г. где-то в Восточной Монголии: топоним, известный по источникам, не идентифицируется. Маньчжурам или чжурчжэням пришлось подчиниться условиям монголов и заключить с ними мир на основе уплаты дани. Ну а что должны были сделать маньчжуры после того, как они отделались от войны с Китаем и заключили с ним мир в 1141 г.? Естественно, избавиться от уплаты дани и стараться потеснить своих противников, которые помешали им сделать главное: одержать окончательную победу, когда ударили в тыл.

Был для этого простой способ — ввести рознь и междоусобие в неорганизованные

монгольские племена и перебить их, как поступили североамериканские колонисты с индейскими племенами Флориды, Луизианы и Прерий. Так же, впрочем, поступали буры с зулусами и бечуанами в Трансваале, на юге Африки, а в глубокой древности так поступил Каин с Авелем, причем Каин отделался чрезвычайно легким наказанием — высылкой в страну Нод, где он спокойно женился и оставил многочисленное потомство, которое весьма энергично развивало технические знания, доведя прогресс до того, что произошел потоп. Чжурчжэням подобные успехи даже не снились, но это не их вина: они делали все, что могли...

Китайский историк XIII в. по этому поводу сообщает следующее: «Цзиньский (чжурчжэньский) глава с испугом воскликнул: «Татары (общее название кочевых племен в XII в.) непременно будут причиной беспокойства для нашего царства». Поэтому он отдал приказание немедленно выступить в поход против их отдаленной и пустынной страны. Через каждые три года отправлялись войска на север для истребления и грабежа: это называлось «уменьшением рабов и истреблением людей». Поньше еще в Китае помнят, что за двадцать лет перед этим в Шаньдуне и Хэбэе в чьем доме не было куплено татарских мальчиков и девочек. Это были все захваченные в плен войсками. Те, которые в настоящее время (XIII в.) у татар вельможи, тогда (XII в.) по большей части были уведены в плен... Татары убежали в Шамо (пустыню), и мщение проникло в их мозг и кровь...»

Вот причина ожесточения монголо-чжурчжэньской войны, закончившейся в 1235 г., причем северные чжурчжэни или маньчжуры, сдавшиеся монголам еще до падения Пекина в 1215 г., сохранили не только жизнь, свободу и имущество, но даже получили право служить в монгольской армии и составили в ней отдельный корпус — тумэн. Именно их называли авторы «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» ныне забытым словом «хины», от названия их империи Кин-Золотая, а в современном произношении — Цзинь. Именно чжурчжэни составили осадный корпус в войсках Батыя во время западного похода, и тысяча их осталась в Золотой Орде. Вспомним, что в конце XIV в. Мамай называли «хиновином».

Чжурчжэньские войска всюду оставили по себе злую память. Особенно в Китае. Автор цитированного выше текста называет их «цзиньские разбойники» и с сочувствием пишет о победах монголов над чжурчжэнями. Большинство китайских хронистов описывают войну монголов с чжурчжэнями лаконично и сухо, как и все прочие войны между варварами. Они не защищают и не осуждают ни тех, ни других. Они объясняют. «Тэмуджин (Чингисхан) ненавидел (цзиньцев) за их обиды и притеснения и потому вторгся в пределы (Цзинь). Все пограничные округа разгромлены и вырезаны... Разбойники говорили татарам: «Наше государство, как море, а ваше государство, как горсть песка. Как же (вам) поколебать (наше государство)!» У татар и доньше все — и стар и млад — помнят эти слова». Так говорится в книге «Мэн-да Бейулу», или «Полное описание монголо-татар», изданной в Москве в 1975 г.

"Люди длинной воли"

Этническая история монголов была весьма непохожа на этническую историю чжурчжэней, хотя оба народа породил один и тот же этнический толчок. Различие это понятно: различались, и очень сильно, географические условия, в которых они жили, а следовательно, типы хозяйства. Чжурчжэни были народом оседлым, жившим скученно, и потому социальное объединение их ради «великих дел» было относительно несложно.

Предки монголов жили рассеянно, и традиции их были основаны на родовом быте. Социальной единицей у них был курень — кольцо из телег, которыми стан огораживался на ночь, чтобы не стать жертвой внезапного нападения соседнего племени. Правила в куренях старейшие. Власть старейших, они назывались «бика», была основана на авторитете, что и характерно для родового строя. При этом старейшие были вовсе не старшие, то есть более опытные и заслуженные, а те, кто по счету родства имел право быть «старшим», право «занимать ведущий пост».

Так, например, если сын вождя погибал в юном возрасте, оставив младенца, то этот ребенок был, по счету родства, выше своих дядей. И тем, старшим по возрасту, для того, чтобы дожидаться своей доли в управлении племенем, нужно было ждать, когда умрет младенец и освободит место для какого-нибудь батыр-богатыря. А ведь тот к тому времени состарится, и правитель из него будет неважный. По большей части, энергичные и умные люди проводили свою жизнь на самых низших ступенях иерархической лестницы, а родовитые бездарности пользовались поддержкой рядовых членов рода, степных обывателей, по психологическому контуру не отличавшихся от обывателей деревень и городов.

Для обывателя главный враг — не противник, приходящий его убить и ограбить. Для того чтобы это понять, необходимо было иметь воображение, способность понимать происходящее — те свойства, которые у обывателя всегда понижены. Врага обыватель видит в соплеменнике, который сам активен и предприимчив и требует от обывателя поддержки, то есть усилий. И обыватель считает соседа-богатыря не своим защитником, а причиной своих бед.

Эта позиция степных обывателей долгое время была социальной доминантой кочевников Забайкалья, население которого было известно под именем татар — самого сильного и энергичного племени, обитавшего на берегах Керулэна. В числе разных племен, суммарно считавшихся татарами, были и предки монголов. Эти последние жили на границе Великой степи и горной тайги и подчинялись поочередно всем: тюркютам — древним тюркам — в VI–VIII вв., уйгурам в VIII–IX вв. и киданям в X–XI вв. Но тут начало происходить что-то странное.

В конце XI и начале XII в. в родовых общинах стали все чаще появляться юноши, которых режим воинствующей посредственности тяготил настолько, что они бросали юрты своих родителей и уходили в горы и пустыни. Их называли «людьми длинной воли» или «свободного состояния» и относились к ним так, как норвежские обыватели — хевдинги — в IX в. относились к откалывающимся от своих семей юношам-викингам. То есть очень плохо.

Но викинги имели возможность убраться из дома — уехать за море. А монгольским юношам податься было некуда. Судьба этих людей часто была трагична: лишённые общественной поддержки, они были вынуждены добывать себе пропитание трудоемкой лесной охотой, а не степной, облавной, которая гораздо легче и прибыльней. Но ведь степи и пасшиеся в них звери принадлежали тем самым племенам, от которых «люди длинной воли» откололись.

К тому же монголы не едят перелетных птиц: уток, гусей, считая их мясо несъедобным — и лишь в крайнем случае употребляют в пищу рыбу. Для того чтобы добыть себе конину и баранину, изгнанникам приходилось систематически заниматься разбоем и кражей. Но их

ловили и убивали. С течением времени они стали составлять отряды для сопротивления организованным бывшим соплеменникам, искать и находить талантливых вождей. Спасало их то, что Монголия не была объединена сильной властью. Разные ханства и племенные союзы враждовали друг с другом, и благодаря этому «люди длинной воли», балансируя между соперниками, нашли себе место под солнцем.

Собственно монголы жили между Ононом и Керулэном. Южнее них жили татары — большой племенной союз, давший, как уже сказано, название огромному количеству народов, совершенно не похожих на них. Происходил камуфляж, перемена народами своих наименований, запутавший исследователей в XIX в. Еще Рашид ад-Дин в XIV в. отметил, что многие племена просто отказываются от своих родовых имен и поименовывают себя монголами, ибо это стало выгодно.

В бассейне Селенги жили кераиты — народ очень древний, многочисленный (их было не меньше, чем самих монголов, а может, и больше), культурный и, что важно для нашей темы, обращенный в христианскую религию несторианскими миссионерами. Около нашей Тувы и в Минусинской котловине жили ойроты — то есть лесные племена. Кто они были — монголы или тюрки, сказать сегодня трудно. Скорее всего — монголы.

Около Байкала, по нижней Селенге, жили меркиты — очень храбрый народ. И наконец, на склонах Алтая, полукружьем от восточных до западных предгорий, жили найманы, буквально означает «восьмерочки». Они были потомками тех киданей, которые когда-то не подчинились чжурчжэням, ушли на запад, а затем и там, в Семиречье, отделились от всей массы соплеменников-беглецов и основали собственное ханство.

Такова была картина расселения монголоязычных племен, и внести раздор в племенные отношения было чрезвычайно легко, что чжурчжэни и проделали. В результате монголы стали терять одного храброго вождя за другим. Одного привозили в Пекин и там прибывали к деревянному ослу гвоздями — такова была казнь. Другого травили зверями, третьего, поймав в плен, отдавали на выдачу татарам. Наконец, погиб и последний из оставшихся в живых богатырей, стремившихся защитить свою страну и народ от чжурчжэньского насилия. Это был Есугей-багадур — отец Тэмуджина, которого все знают как Чингисхана.

Куда же смотрели люди, куда смотрел народ, в то время как победители расправлялись с его вождями? Но какой народ и кто именно? «Люди длинной воли»? Они защищали свою жизнь, им было не до того, чтобы мыслить категориями целого этноса, целого племенного союза. Они сами были поставлены фактически вне закона. Просто некогда им было!

А что же думали те, за кого гибли эти храбрые богатыри? Степные обыватели — они вообще не думали, не потому, что им было некогда, нет, обыватели вообще не думают, их горизонт затмевают примитивные чувства: «Погиб кто-то там, так это не я погиб. Это другой погиб, вот он воевал, и ничего хорошего из этого не вышло. А я сейчас пойду подою корову, сделаю себе водки из молока, выпью. Зарежу барана, еда будет сытная. Солнце светит, трава растет, скот пасется. Чего думать-то!»

Ему говорят: «Придут враги, тебя же убьют». — «Ну, рассказывай». Приходят, убивают — защищаться поздно. Так гибли люди. Так монгольский народ оказался на краю гибели...

И вот все изменилось. Никто из народов не живет изолированно. Связи этносов между собой настолько тесны, изменения в системных отношениях внутри одного этноса настолько взаимосвязаны с изменениями внутри другого, что когда что-либо меняется в одном этническом ареале, то это отзывается по всей ойкумене. Так бывает при всех этнических потрясениях в истории, так было и в XII в.

Что было делать монголам при сложившихся отношениях с чжурчжэнями? Помогли и подсказали, как нужно поступать, чувство и интуиция. «Люди длинной воли» начали пытаться

жить не поодиночке, а поддерживая друг друга. Они начали группироваться в отряды, в «банды», чтобы защищаться от своих эгоистических родственников и других врагов.

На два порядка ниже

Все приведенные случаи пассионарных взрывов хотя и объясняют смену этносов, но оставляют, при изложении материала, тень сомнения: «А может быть, это — взрыв этногенеза, толчок — можно объяснить как-нибудь иначе? Конечно, проповедь Мухаммеда в Медине и образование группы верных новому учению фанатиков — пример яркий, но не единичный ли он?»

«Не продемонстрируете ли вы, — скажет читатель, — еще один наглядный случай, когда гомеостатический этнос, раздробленный, бедный, живущий в неустойчивом равновесии с кормящим его ландшафтом, становится динамическим, преобразованным в новую целостность, и при этом обязательно за время жизни одного поколения? Тогда можно будет поверить в вашу систему доказательств».

Ответ следует начать с уяснения разницы между уровнями этнической организации. Суперэтносы грандиозны, как горные хребты, и так же необозримы. Они видны полностью только из «космоса», при наличии хорошего «телескопа». Этносы — уровень, меньший на один порядок, — видны простым глазом, как гора на горизонте, но детали ее смазаны. Субэтносы — еще ниже на порядок — видны в хорошую «лупу», но этот уровень организации этнической жизни состоит из отдельных биографий жизней, которые можно рассматривать в «микроскоп».

Однако в иных ярких биографиях, даже в отрезках жизни проявляются те же закономерности, что и в глобальных процессах. Тогда эти закономерности наглядны, изложить их можно кратко, а о степени убедительности пусть судит рецензент — коллега-ученый. И если он не согласен, его долг — истолковать событие по-другому, ибо оценка никогда не бывает аргументом. Он должен сказать не «хорошо» или «плохо», а «верно» или «неверно», и если «неверно» — то почему и как будет верно.

А теперь, сменив «телескоп» на «микроскоп», рассмотрим, как прошла борьба между родовичами и «людьми длинной воли» в степях Монголии.

Одним из «людей длинной воли» был Тэмуджин — сын безвременно погибшего Есугей-багадур. Есугей-багадур умер, когда его сыну Тэмуджину было всего девять лет. Подробности биографии Чингисхана содержатся в хорошо написанной истории его жизни, и по этой биографии мы можем проследить, как все происходило в Монголии конца XII в.

Есугей-багадур — последний борец против захватчиков — решил женить своего сына и с этой целью поехал к своим знакомым, чтобы просватать за него девочку Борте, которая была старше сына багадур на один год. Борте была очень милая девица десяти лет, но по монгольским обычаям полагалось, чтобы жених и невеста были лет пять-шесть обручены, а уж после этого играть свадьбу.

Поехал Есугей-багадур назад, а ехать было далеко. В степи он увидел огонь, там сидели люди, пировали, ели и пили вкусно. Его пригласили к огню. Смотрит Есугей-багадур и видит, что люди — татары. А с татарами он воевал. Но он не мог отказаться от приглашения, не мог не принять угощения: гостя в степи никто никогда не убивает.

Принял угощение Есугей-багадур, посидел с татарами, выпил, все было хорошо, но, когда он поехал дальше, а ехать ему оставалось еще три дня, он почувствовал, что ему плохо. Есугей-багадур решил, что его отравили. Он приехал домой, прожил всего четыре дня и скончался. Нет уверенности, что его отравили, может, что-то случилось с ним, может, что-нибудь было с желудком. Вряд ли есть такой яд, который действует через четыре дня после принятия. Скорее всего, он чем-то заболел, что может случиться в дороге с каждым. А мысль об отраве при внезапной болезни постоянно приходит в голову человеку с примитивным сознанием.

Главное все же не в этом. После смерти багадура все те, кто ходил с ним против чжурчжэней, их союзников и татар, сделали то, что могли сделать неблагодарные люди, — они расхватали имущество своего вождя, бросили его вдову и сирот в степи без всякой помощи, даже без лошадей. Обворовали и ушли, унося награбленное имущество с собой.

Когда мать Тэмуджина, Оэлун-Еке, подняла знамя рода и бросилась за удаляющимися бывшими соратниками мужа и стала призывать их одуматься, то некоторые, усомнившись, вернулись, но все же потом ушли. В общем, было расхищено все, семья вождя была оставлена нищей, то есть в положении «людей длинной воли», а мужчине — человеку длинной воли было тогда девять лет.

У Есугея было две жены: одна Оэлун, от которой у Есугея было два сына — Тэмуджин и Хасар, другая — Сочихэл, от которой тоже было два сына — Бектер и Бельгутей. И вот они стали жить вместе — две вдовы с детьми. Со всей семьей в степи обращались очень плохо. Когда они ездили на семейные празднества, то их не ждали, поминки справляли без них, вообще их, как это называется по-французски, мальтретировали. И дети все это вынуждены были сносить. Питались они тем, что ловили сурков, сусликов, мелких птиц, рыбок, собирали саранку — корни, вроде чеснока, питательные и вкусные. Короче говоря, семья, в которой не было хозяйина-воина, бедствовала, и все время находилась под наблюдением бежавших от нее бывших соратников, слуг и сторонников — всего народа племени тайджиутов.

И вот однажды Хасар и Тэмуджин, а прошло уже лет шесть-семь после смерти Есугея, застрелили своего брата Бектера, причем крайне своеобразно — под предлогом того, что он с ними очень грубо обращался: тогда-то отнял у них лук, тогда-то отнял пойманную рыбу. Словом, убили Бектера за пустяки. Как это происходило? Тэмуджин и Хасар с луками подошли к Бектеру, когда он пас коней. Зашли один спереди, другой сзади. Бектер сел на землю, посмотрел на них. «Зря, — говорит, — вы меня убиваете». И дал себя убить.

Этот случай все авторы-комментаторы, плохо знакомые с монгольской историей, приводят как образчик невероятностей, немотивированной безжалостности, говорящей якобы о потенциальной жестокости будущего завоевателя полумира Тэмуджина — Чингисхана. Но давайте внимательно прочитаем весь материал биографии, относящийся к данному эпизоду. Немедленно после убийства Бектера тайджиуты сделали набег на семью Есугея, захватили Тэмуджина, хотели убить его, но не убили. Заступился бывший друг его отца Торгутай-Кирилтух. И Тэмуджина посадили в колодки. Причем, спрашивается, за что? Совершенно ясно — за убийство Бектера.

Но, собственно говоря, какое дело тайджиутам до ссоры в семье? Чего они лезли? Бектер-то был не их рода и не их семьи. Но если вмешались, то, значит, он был для них свой. А почему он был свой? Он был лазутчиком, доносчиком, сообщал тайджиутам все, что делается в семье Борджигинов, в семье Есугей-багадура. Значит, тайджиуты хотели знать, как подрастает сын, лишенный прав после смерти отца. За это и был наказан Тэмуджин, но ему, правда, удалось бежать.

Побег был героическим, однако и эта история искажена до неузнаваемости комментаторами текста биографии. Тэмуджин сумел вернуться домой — туда, где было кочевье. Но оказалось, что семья его откочевала. Тэмуджин нашел своих по следам, петляя, чтобы самому не оставить следов. Казалось бы, все хорошо: все вместе, шпиона и лазутчика нет, жить можно. Но тут произошла еще одна беда, и эта беда повлекла за собой события, не предусмотренные никем.

Дело в том, что мать Чингисхана Оэлун-Еке, мудрая, волевая женщина ханского рода, в детстве была просватана за одного богатыря из племени меркитов, а Есугей-багадур ее отбил. Отбил в полном смысле этого слова: втроем с соплеменниками он подъехал к жениху Оэлун и

тот сбежал, покинув невесту. Невеста горько плакала, но вынуждена была выйти замуж за похитителя. С того времени меркиты затаили обиду, и через некоторое время сделали несколько попыток нападения на монголов.

Меркитам с монголами делить было нечего. Меркиты — лесное племя, жившее к северу от хребта Хамар-Дабан возле Байкала, — не имели никаких претензий к монголам, которые жили в степях к востоку от Хэнтэя. Борьбы за пастбища не было, причин экономического или торгового характера для столкновения — тоже. Меркиты были не скупердяи, не бюргеры и не хапуги. Это были лесные вольные люди, которые без сожаления могли подарить гостю соболью шапку. Но они никогда не стерпели бы обиды. А тут украли невесту у члена их племени. Украсть невесту — это обида.

Меркиты выждали, улучили момент и бросились на семью Тэмуджина. Жену Чингиса, Борте, ради обручения с которой ездил так далеко Есугей-багадур, а после этого скончался, они увезли с собой. Невольно вспоминаются слова поэта про ахейцев, которые плывут в Троя:

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
И море, и Гомер — все движется любовью,
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит...

А мы возвращаемся обратно в Монголию, где «тroyанская война» возникла из-за прекрасной Борте-Учжин.

Похищение Борте-Учжин произошло в 1182 г. Мы очень быстро перескочили с событий 1115 г., когда монголы впервые обнаружили свое активное существование, до событий 1180-х годов. Это более чем полвека, в течение которых сменилось четыре поколения. И — если раньше поднять монголов на самозащиту от внешнего врага было занятием почти невозможным, то тут из-за обиды, нанесенной чужими одному из земляков, поднялось целое войско. Ван-хан кераитский, друг монголов, привел с собой 20 тысяч воинов. Джамуха-Сэцэн, то есть мудрый Джамуха, названный брат Тэмуджина, привел тоже 20 тысяч воинов.

Четыре тьмы форсированным маршем прошли вдоль Селенги на восточный берег Байкала и застали меркитов врасплох. Такой марш-бросок был бы классическим в учебниках военной истории, если бы историки знали о нем и хоть раз поинтересовались бы, что там за местность: там действительно очень крутые горы и тяжелые переходы. В этих местах геологи даже пешком ходят с трудом, а верхом по тропинкам проводить коней над пропастями, через быстротекущие реки невероятно сложно.

Однако:

"Насколько сильнее природы короткое слово «иди»!
Легки переходы и броды, и страшен лишь хан позади!
Но в белом тумане без края тропинки распутывать нить,
Да волчьи распугивать стаи, да мертвому месяцу выть —
Не лучше ли сна и покоя?" — думали монголы...

Внезапным нападением они разгромили кочевье меркитов. Была ранняя зима. Меркиты

бежали. Монголы отнеслись к ним довольно гуманно, потому что можно было перебить и разогнать по лесу всех, а тот, кто убегает в Сибири в лес зимой без огня и теплой одежды, — обречен. Монголы же прекратили преследование. Они только вернули Борте-Учжин, которая при лунном свете, во время ночного нападения, узнала коня своего мужа, бросилась к нему и схватилась за стремя.

Но почему меркиты, совершая нападение на монголов, были так хорошо осведомлены о делах монголов? Очень странно. Украдена была, кроме Борте, жены Чингисхана, также и его мачеха Сочихэл. Она не вернулась к монголам, ушла вместе с бегущими меркитами, а ее сын Бельгутей остался при своем сводном брате Тэмуджине. Так будущий Чингисхан освободился от доносчицы в своем доме — мачехи, как до этого от Бектера. Долгая это была история.

Как только монголы избавились от мамыши Бектера, дело у Тэмуджина пошло на лад. Оказалось, что этот «человек длинной воли» обладает железной волей, справедливостью, умением обходиться с людьми. К Тэмуджину стали стекаться другие «люди длинной воли». К нему присоединились не племена, а богатыри.

Зато от него отделился его побратим — анда, по-монгольски, — Джамуха. Он оказался в лагере родовичей, среди которых тоже было немало пассионарно заряженных людей. Вообще, начали скрепляться социальные узы, основанные на разных стереотипах поведения. Сторонники Тэмуджина или, может быть, он сам предложили взять за основу договор войска с ханом. Так родилась монгольская Яса. Согласно этой Ясе, войско было обязано соблюдать дисциплину, а хан, то есть выбранный предводитель, — справедливо распределять добычу среди своих сторонников и повышать их за заслуги, а не по праву рождения, как это было раньше. Короче говоря, Тэмуджин противопоставил принцип военной демократии традиции рода и племенного союза.

Мы видим, как постепенно набухала пассионарность в той системе, которую через несколько десятилетий будут называть «монголы». Собрались богатыри, отделились от них тихие, куренные системы, которые не хотели идти к этим «людям длинной воли», к мятежникам, беспокойным сорвиголовам. Порядочные, спокойные обыватели — с одной стороны, отчаянные — с другой. Столкновение между ними было неизбежно, и произошло так же из-за пустяка, как и многое в истории.

Дело в том, что у разных народов воровство рассматривается с разных точек зрения. У кого-то нельзя брать деньги, у других — можно. Так вот, у монголов считалось, что вещи и деньги брать нельзя, а лошадей можно. И поэтому удалец Тайгар, брат Джамухи-Сэцена, решил отогнать табун лошадей у Тэмуджина. Табунщик погнался за ним и прострелил его из лука насмерть.

Джамуха, точнее, его сторонники воспользовались этим случаем и напали на Тэмуджина. Так произошла первая междуусобная война в 1184 г. В результате этой войны Тэмуджин потерпел поражение, ибо врагов было втрое больше. Но почему-то Джамуха отвел войска и не воспользовался победой.

Дальше — темный период в биографии Тэмуджина, когда источник пропускает вдруг целых пятнадцать лет — период наиболее напряженных и важных событий. Это купюра, которая в дальнейшем не была заполнена, потому что официальная история монголов содержит ту же самую купюру. Но, к счастью, был один китайский военачальник, по имени Чжао Хун, который ненавидел чжурчжэней и без предвзятости относился к монголам. Он написал, что чжурчжэни поймали Тэмуджина и продержали его 14 лет в яме, в тюрьме. Затем Тэмуджин каким-то образом спасся. Подробности этого побега неизвестны.

Видимо, китайский военачальник написал правду. И про то, что происходило за эти 14 лет, нам никогда не узнать.

Когда Тэмуджин появился среди соплеменников в Монголии, то вся страна кипела пассионарностью. С одной стороны, появились претенденты на власть, их было шесть человек, имена их в данный момент не нужны. С другой стороны, обыватели говорили: «Надо подчиняться своим законным ханам, а не авантюристам», «Пора кончать с этими безобразиями». Но задержать процесс этногенеза так же невозможно, как невозможно остановить лавину в горах. Война развернулась по всем направлениям и превратилась в межэтническую. А коль скоро так, то и нам надлежит сменить уровень нашего наблюдения над фактами — вернуться если не к «телескопу», то к «подзорной трубе».

Нет, мы не увлекаемся описанием политических коллизий Центральной Азии в конце XII — начале XIII в. Нам необходимо уяснить фон, на котором они возникали и проявлялись. А что такое фон? Это общественная настроенность, которая может быть либо позитивной, то есть жизнеутверждающей; либо негативной — требующей изменения, более или менее радикального, всего окружения; либо нулевой, формулирующейся фразой: «Оставьте нас в покое». Причем под «покоем» понимается предоставление возможности расправы над соседом или братом без досадных помех.

Мы говорили о том, что каждая большая суперэтническая система XII в. имела не только позитивную, но и негативную сторону, которую в Европе представляли, например, катары, в странах Леванта — карматы, в Китае — некоторые течения тантрического буддизма.

В степях Монголии эта позиция не прослеживается. Бедой монголов, чуть было не приведшей весь народ к гибели, была самоутверждающаяся обывательщина, пошлость, под которой в старину русские понимали отсутствие творческих порывов. Было у монголов и творчество, был героизм. Но не было негативного начала. Отрицания жизни во имя грядущего, уничтожения ради умственных постулатов монголы не знали. И незнание зла спасло народ.

Как понять столь парадоксальный тезис? Монголы убивали, грабили, отгоняли скот, умыкали невест и делали много таких поступков, которые осуждены в любой христоматии для детей младшего возраста. Вместе с тем монголы не оставили руин, архитектурных кладбищ, что дало повод недалёковидным исследователям считать их дикарями. Монголы жили жизнью, которая выглядит верхним замыкающим звеном биоценоза. При расширении ареала монголы наталкивались на соперников. Война с ними была также естественным соперничеством. Отгон скота — это спорт, связанный для конокрада с риском для жизни. Умыкание невест — борьба за потомство, ибо с украденными женами обходились столь же деликатно, как и со сватанными по согласию обеих семей.

Да, пусть это приносило много крови и горя, но, в отличие от прочих цивилизованных регионов, в Великой степи не было лжи и обмана доверившегося. Хотя позволялась хитрость против соперников и врагов. Когда же предательство возникало, то всегда за счет влияний извне.

Не было городов и замков, люди жили в войлочных юртах — герах. Но ведь это экономия даров природы, от которой брали только необходимое. Зверей убивали столько, сколько нужно было для удовлетворения голода... и поэтому не оставалось мусорных куч. Одежда, дома, седла и конские сбруи делались из нестойких материалов, возвращающихся обратно в породившую их ландшафтную оболочку Земли, или, если угодно, в Природу, вместе с телами монголов. Культура кристаллизовалась не в вещах, а в слове, в информации о предках, похищенных смертью, но спасенных от всепожирающего Хроноса памятью потомков, чтивших души умерших прародителей — онгоны, и передававших память об их подвигах из поколения в поколение, из уст в уста.

При таком способе передачи информации сомнению места нет, ибо проверить предание невозможно. Следовательно, как передающие, так и принимающие информацию обязаны были

говорить правду или то, что они считали правдой, ибо, «раз солгав — кто вам поверит?»».

Эта система культурных навыков была равно чужда западноевропейцу, мусульманину и китайцу, но именно это показывает, насколько самобытна и оригинальна была культура Великой степи. Подумать только... монголы жили в сфере земного греха, но вне сферы потустороннего зла! А прочие народы тонули и в том, и в другом.

Однако, как мы уже видели, нулевая система поведения этноса не способна охранить его от соседей. Для организации обороны необходима незаурядная доля пассионарности. И как только она возросла до оптимума, монгольские женщины перестали пополнять гаремы чжурчжэньских вельмож и китайских богатеев, а монгольские мальчишки — гнуть спины на рисовых плантациях Шаньдуна и Хэнани. Появилась позитивная сила, спасшая этнос монголов от гибели. Но возможная гибель была не следствие внутренней болезни, а угрозы извне. Сам же этнос был здоровым, хотя и не был способен на великие дела.

И вдруг все изменилось. Уже в 1130-х годах у монголов появились и богатыри, и руководители куреней. Сначала активных людей было мало, но число их росло. К концу века, когда будущий Чингисхан возвратился из долгого чжурчжэньского плена, вся Монголия уже превратилась в котел, кипящий страстями. Это начинался новый зигзаг истории.

"Как все это произошло?"

Это слова покойного академика В.Я. Владимирцова, произнесенные в частной беседе и с тех пор передаваемые востоковедами из уст в уста. И действительно, за счет чего Монголия победила на всех военных фронтах? Ведь поражает даже не соотношение ресурсов, а просто людских сил. В начале XIII в. на территории всей Монголии жили люди, не только разделенные на разные племена и державы, но, более того, находящиеся на разных уровнях культуры. Даже религии у них были разные: тибетский бон, шаманизм, несторианство, манихейство, буддизм.

Языков у них было несколько: монгольский, тюркский, тунгусский, самодийский — на севере от Гоби, а на южной окраине каменистой пустыни были в употреблении еще китайский и тангутский языки. Так откуда же и за счет чего «вдруг» возникло единство в 1206 г., когда скопища кочевников были названы официально «монголами»?

Объединение страны произошло быстро, хотя и кроваво. За то время, которое Тэмуджин просидел в чжурчжэньской темнице, его сторонники рассеялись и нашли других вождей. Это были Сэчэ-бики из племени кият-юркин, предок Мамаю; Джамуха-Сэцэн, побратим Тэмуджина; Хасар, родной брат Тэмуджина, что, кстати, говорит об отсутствии среди монголов единомыслия; Улак-Удур, вождь меркитов, и Алха-сенгун, сын кераитского хана Тогрула, покровителя Тэмуджина.

Силы Тэмуджина за время вынужденного отсутствия сократились очень значительно — с 13 тысяч всадников до 2600 человек, ибо «люди длинной воли» обладали храбростью, но не верностью одному человеку. Покровительство кераитского хана было столь же полезным, сколь и обременительным, ибо Тогрул — кераиты и монголы звали его Ван-хан, — искренний друг Тэмуджина, обязанный ему спасением жизни и власти, был крайне непопулярен в собственной ставке.

Какие идиотские имена удерживаются иногда в истории. Слово «хан» всем понятно, слово «ван» по-китайски означает то же самое. Китайцы дали ему титул «ван», то есть царь, царек, эквивалентно «хану». Монголы не понимали слова «ван» и стали его называть привычнее Ван-хан. А европейцы стали называть его Иван, отсюда получила свое хождение легенда о «царстве пресвитера Иоанна» где-то далеко в Центральной Азии. Все было основано на ошибке, которую мы назовем филологической.

Кроме перечисленных врагов и соперников Тэмуджина, в войне принимали участие иноплеменники — найманы, то есть кара-кидани, отделившиеся от главного ханства в Семиречье и обосновавшиеся на склонах Южного Алтая. Найманы были соперниками кераитов и, следовательно, поддерживали всех врагов Тэмуджина, что укрепляло его союз с кераитским Ван-ханом.

Ван-хан был человек недалекий, но добрый и искренне любил Тэмуджина. С его помощью он отбивался от недругов и хотел, по слухам, передать Тэмуджину свой престол. Но сын хана, естественно, невзлюбил Тэмуджина и решил его убить. Тут снова у кераитов нашлись двое конюхов, которые предупредили Тэмуджина, что его собираются убить, и он сумел откочевать.

Время, тяжелое и беспокойное, темное, продолжалось. К Тэмуджину примкнули не только «люди длинной воли», но и два племени, то есть начала создаваться полноценная этническая система. «Людей длинной воли» можно уподобить кислороду, но ведь одним кислородом дышать невозможно, нужен и азот. Два племени — урут и мангут — примкнувшие к Тэмуджину, были очень крепкие старые аристократические монгольские племена. С их помощью и с помощью богатырей Тэмуджин отбил от кераитов, целым рядом удачных маневров утомил их войско и в 1203 г. разгромил кераитов, а захваченных в плен взял в свое войско рядовыми.

В следующем году то же самое произошло с найманами. А вот с племенем меркитов было сложнее. Меркиты отступили далеко на запад. Дело в том, что меркиты были кровниками Тэмуджина, потому что, во-первых, отец Тэмуджина украл у меркитов жену, во-вторых, они украли у самого Тэмуджина Борте, а она вернулась из плена беременная и родила сына. Правда, Тэмуджин сказал, что ее и взяли у него беременной, но люди как-то плохо верили в это и считали первенца Тэмуджина, Джучи-хана — отца Батыея, — неполноценным ханом. Возможно, что так и обстояло дело. У Джучи-хана характер был какой-то особенный, он любил щадить побежденных.

Меркиты в дальнейшем принимали участие во всех коалициях против Тэмуджина, их было много, и потому меркиты не сдавались. Они отступили далеко на запад — за Алтайские проходы, пока не наткнулись на народ, который называл себя куманами. Восточные тюрки называли этот народ кыпчаками, мы же, русские, называем его половцами.

Меркиты с куманами договорились, и те их приняли как своих гостей. В кочевом мире гостеприимство — это святой залог безопасности. Раз это гость — его надо принять, а если уж приняли — его нужно защищать. И когда монголы, ушедшие преследовать меркитов, перешли через Черный Иртыш и мимо озера Зайсан пошли по течению Иртыша, то попали в районы, заселенные половцами. Это было на Иргизе, недалеко от Аральского моря. Монголы обнаружили в половцах своих противников, ибо они были друзьями меркитов.

Принявши меркитов, куманы стали воевать с монголами. А начав воевать с монголами, они стали их кровными врагами. И до тех пор пока монголы не победили половцев, они успокоиться не могли.

Дело в том, что в Азии отношение к войне совершенно иное, чем в Европе или Америке. Там считается, что война — это дело благородное, рыцарское, мужественное. Наполеон III, к примеру, освобождал Ломбардию для савойского короля Виктора Эммануила — и все было обставлено с пышной декларацией. Немцы в 1870 г. тоже ходили на Эльзас-Лотарингию с пышными декларациями. Французы повоевали, заключили мир, уступили часть своей территории, ну что в этом особенного?

А в Азии считается, что война — это когда убивают, причем смерть сама по себе вещь не страшная. Но когда убивают моего близкого, то мне жалко, и поэтому надо жить в мире и не убивать, а уж если кого-то из наших близких убили, то надо воевать до последнего, чтобы не осталось вообще никого из противников. Это этнопсихологическая разность двух больших суперэтносов: одни из войны сделали игрушку, другие превратили даже межплеменные распри в сверхсерьезные дела.

Половцы это знали, поэтому они монголам не сдавались, хотя те наступали на них чрезвычайно сильно. К 1250 г. монголы победили половцев и столкнулись с Русью, которая была, как ни странно, союзником половцев, а не противником их, несмотря на то что в учебниках написано совершенно обратное. Русских никто не трогал, связываться с ними монголы не собирались. Какие интересы могли быть у монголов на Руси? Делить-то было совершенно нечего. Но русские вступились за половцев, так же как половцы вступились за меркитов. Так возник поход Батыея — как рейд, имевший целью зайти половцам в тыл и вынудить оставшихся бежать далеко на запад.

Дальнейшее изложение всех этих перипетий завело бы нас слишком далеко, поэтому вернемся к Монголии, к тому периоду, когда она превратилась в сильную державу. Лучшее всего характеризовал монголов человек, который их прекрасно знал, — Марко Поло. Когда он сидел в генуэзской тюрьме и диктовал свои воспоминания соседу по камере, тот его спросил, почему у великого хана так много людей и сил. На это Марко Поло ответил: «Потому что во всех государствах, христианских и мусульманских, существует жуткий произвол и беспорядок, не

гарантирована жизнь, имущество, честь и вообще очень тяжело жить. А у великого хана строгий закон и порядок, и поэтому если ты не совершаешь преступлений, то можешь жить совершенно спокойно».

Как мог быть достигнут этот правопорядок, о котором говорит Марко Поло? «Люди длинной воли», которые своими саблями, своими копьями подняли престол Чингисхана, в 1206 г. избрали его ханом с этим титулом Чингис... Вот сейчас наши орфографы заставляют писать «Чингис-хан» вместе, в одно слово. Но это все равно что писать «академик Иванов» в одно слово вместе с именем и отчеством: например, ИвановИванпетрович. Ведь это же легко понять: Чингис — титул, а хан — это должность.

Должность «хан» у монголов — выборная. Выбирает хана войско и после этого беспрекословно подчиняется ему. Все законы, которые соблюдались неукоснительно, были записаны по-монгольски, и, к счастью, сохранился их персидский перевод. Законы сводились, разумеется, не только к тому, что нужно соблюдать дисциплину, твердую, жесткую, подчиняться начальникам. Но и к тому, что нужно не выдавать товарища в беде, оказывать помощь соратникам и соотечественникам. За неоказание помощи полагалось такое же наказание, как за нарушение дисциплины или государственную измену, — смертная казнь или высылка в глухую Сибирь. Где еще есть закон, карающий за неоказание помощи? Монголы сделали дисциплинированную армию с чувством взаимовыручки.

В бою монгол должен был чувствовать локоть своего товарища, и знать, что он не предаст ни в коем случае, а для этого и другой товарищ обязан был не предавать его ни под каким видом. Поэтому у монголов предательство считалось худшим из грехов и пороков, и основной бог их назывался Мезир — это монгольское произношение слова «Митра». А Митра — небесное божество, добрый бог, наказывающий обманщиков доверившегося. На войне для победы можешь идти на хитрость, обманывать, но нельзя обмануть доверившегося.

На принципе превращения всего народа в войско, имеющего жен и отпуска для того, чтобы побыть с ними дома, и была построена новая монгольская система, которая сломала и разгромила чжурчжэньскую империю. Война с этой империей началась в 1211 г., а закончилась в 1235 г. Это долго. Весь Хорезмийский султанат, включавший в свою территорию Среднюю Азию, Иран и Афганистан, был разгромлен за четыре года. Бегло, не заметив противника, прошла монгольская 30-тысячная рать через нашу Русскую землю, преследуя уходящих половцев, а затем через Польшу, Венгрию, Болгарию и вернулась домой.

Это был, по существу, один экспедиционный корпус, в котором шли люди, горевшие желанием совершать подвиги так, как они это понимали. Но главное, монголы не стремились к завоеваниям, а всеми силами старались заполучить надежную границу, откуда бы никто их не ударил в спину. А в ту эпоху, когда предательство и вероломство были лейтмотивом государственной политики, заключить мир, основанный на доверии, было очень трудно.

А теперь ответим на вопрос В.Я. Владимирцова. Очевидно, здесь имеет место закономерный процесс этнической истории — взрыв этногенеза, протекающий в общем единообразно во всех странах. За первую половину XIII в. погибло много людей, но искать виновных антинаучно. Это шла реакция внутри этногенного процесса, и не идти она не могла.

Накануне роковых мгновений

На Монгольский улус давила «сила вещей». Так называли Пушкин и его современники логику событий, когда предшествующие события определяют последующие. Это, конечно, исторический детерминизм, но решающим фактором он является только на высоких популяционных уровнях, выше не только персонального, но даже субэтнического. Зато на уровне этноса, а еще больше — суперэтноса причинные связи из случайных становятся закономерными.

Монголам, в особенности их хану Чингису, часто приписывается стремление покорить Вселенную. Однако при проверке хода исторических событий без предвзятости обнаруживается другое: невозможность заключить прочный мир ни на одной из своих границ, ибо этому мешала «сила вещей». Война с чжурчжэнями, начавшаяся в 1130 г., прервалась после взятия монголами Пекина в 1215 г. перемирием, по условиям которого монголам был уступлен Северный Китай, фактически ими уже занятый.

Однако уступленные по мирному договору земли отнюдь не были чжурчжэньскими. Император Цзинь и хан монголов равно хотели мира, но неукротимые полководцы Вахьян Хада и Ира-буха на вербовали в Китае головорезов, возобновили войну, которая затянулась до 1235 г. и кончилась истреблением чжурчжэньских войск. Население же Маньчжурии, не принявшее участия в авантюре полководцев, и было принято в состав монгольского войска, образовав отдельный тумен — корпус.

Спросим себя: имели ли монгольские военачальники моральное право уйти домой, утратив плоды победы, дать сильному и жестокому противнику перестроиться, перенести войну обратно в степь и отдать на убой своих жен и детей? А именно так и случилось сто лет спустя, когда восставшие китайцы в 1368 г. выгнали монгольские войска из Китая, восстановили национальную династию и стали вторгаться в Великую степь, не оставляя в живых застигнутых в их домах монголов.

Именно тогда, в 1405 г., китайцы захватили тангутский город Эцзинай... и тангутов больше нет! Восточных монголов спас ойратский вождь Эсень, разгромивший в 1449 г. китайскую армию и взявший в плен самого императора. После этого был заключен мир.

Но давайте разберемся. Признаем, что в данном вопросе важны и история, и география. Все войны, которые вел Чингисхан, а их было четыре, были спровоцированы его противниками, а все его территориальные приобретения лежали в ареале окраин Великой степи.

Проверим. Война с найманами началась в 1204 г. по инициативе найманского царевича Кучлука и закончилась с его гибелью в 1218 г., когда он был покинут своими подданными, перешедшими к Чингису.

О войне с чжурчжэнями уже говорилось.

Войну с Хорезмом развязал султан Мухаммед, напавший на монгольский отряд у реки Ирғиз в 1216 г. и затем казнивший монгольских послов в 1219 г. Чингис, разгромив войска Мухаммеда и его сына Джелял ад-Дина, оттянул свои силы за Амударью и оставил за собой только те земли, которые принадлежали кара-кидаям, подчинившимся ему добровольно. Ведь Самарканд и Бухара были незадолго перед этим захвачены султаном Мухаммедом (в 1210 г.) и восставали против жестокого гнета султанского режима, но были усмирены.

Четвертая война — покорение Тангута в 1227 г. — была ответом на невыполнение союзного договора, что Чингис расценивал как предательство. А поскольку земли Тангутского государства лежали в пределах Великой степи, то присоединение их к Монгольскому улусу нельзя считать внешним завоеванием.

И наконец, у Чингисхана есть алиби. Все грандиозные завоевания монголов были

совершены не при грозном Тэмуджине, а при его мягком, бесхарактерном сыне — пьянице Угэдэе, правившем в 1229–1241 гг., и при его преемнике Мунке-хане в 1251–1259 гг. А доброту, великодушие и терпимость Мунке особо отметил посланный из Европы Рубрук.

Разумеется, не личные качества ханов вызвали страшные и опустошительные войны XIII в. и не стремление монгольских пастухов к грабежу и убийству, что по меньшей мере является клеветой на народ. Историю толкала та самая «сила вещей», которая существует в истории помимо нашей воли и из которой складывается закономерный исторический процесс.

Продвинемся на запад

Разгромив султана Мухаммеда и взяв его «волчий город» Гургандж (по-персидский» гург» — волк), Чингис попытался закрепиться на рубеже реки Амударьи. Самарканд и Бухара открыли ему свои ворота, а они лежат до реки, в пределах тех земель, которые потом будут зваться Туркестан.

Граница по Аму могла быть вполне сносной, уравнивающей силы монголов с его противниками.

Однако в Иране сын погибшего Мухаммеда, Джелял ад-Дин, продолжал войну до 1231 г. Он сделал попытку объединить вокруг своих хорезмийских «ветеранов» сельджукских и аюбских эмиров Ирана и Сирии, то есть тех же туркмен и тюрок. Этим Джелял ад-Дин втянул их в войну с монголами, хотя они и отказали воинственному сыну султана в помощи. Преследуя разбитых хорезмийцев (части неугомонного Джелял ад-Дина), монголы вошли в соприкосновение с народами и государствами Ближнего Востока. А там ситуация была крайне сложной.

Большая часть населения стран Ближнего Востока была христианской. Антагонизм между мусульманами и христианами рос, ибо если арабы только «выжимали» из христиан долги, то туркмены-сельджуки стали их угнетать и обижать, а хорезмийцы — грабить и убивать. Джелял ад-Дин, потерпев поражение в Индии, куда он отступил, к 1225 г. пробрался в Иран и, собрав большое войско, напал на страны с христианским населением.

Монгольский нойон Чормаган разобрался в обстановке. К тому же он имел двух зятьев: несториан-христиан — и сам был склонен к христианской вере. В 1236 г. монголы вступили в Армению и заняли монастырь Оганеса, святого армянской церкви. И тут же позволили выкупить захваченного там теолога, сирийского христианина, и даже вернули монастырю драгоценную Библию, которую присвоил какой-то безграмотный воин ради наживы. После этого «армянские и грузинские мудрые князья узнали, что Господь даровал татарам силу и победу над... страной, потому они смирились и подчинились им» — так со ссылкой на Григора Акнерци цитирует мнение многих христиан Армении современный исследователь, историк Армении [137а), стр.71].

Ну а что делали князья христианского Востока? Пытались сопротивляться своим потенциальным союзникам, убивали послов Монголии и давали перебить свои семьи, ибо одного не прощали монголы — гостеубийства, считая предательство наследуемым признаком, истребляли не только предателей, но и их потомство. Наконец, атабек Грузии — правитель страны, отправился к хану Угэдэю и заключил с ним мир и союз. Хан принял его ласково, дал в жены ему татарку. За этим князем последовали другие. Так сложился монголо-армянско-грузинский христианский блок, вступивший в войну с мусульманами.

Сельджукский султан Рума, то есть всей сельджукской Малой Азии, собрал 180 тысяч воинов, в том числе 2 тысячи «латинов» — европейских рыцарей. И все это противостояло 30 тысячам монголов (больше не было), армян и грузин. Султан Рума был разбит наголову в 1243 г. После этого с монголами заключили союз Киликийское царство и Никейская империя. Блок монголов и христианских правителей Передней Азии рос. Продолжая войну с мусульманами, неостановимую даже после смерти Джелял ад-Дина, монголы в 1245 г. достигли предместий Дамаска, центра Сирии.

В истории сложилось так, что монголов в Армению, Сирию и даже в Иран привели хорезмийцы, то есть среднеазиатские турки, никак не связанные ни с земледельческим культурным, ни с городским с богатой культурой населением Хорасана и Азербайджана. Земледельцы пострадали больше всех, как страдало население всех стран средневековья, когда

через их территории прокатывалась война. Англичане так же свирепствовали во Франции во время Столетней войны, а шведы в Германии вели себя не лучше во время Тридцатилетней войны в XVII в.

Там, где действует «сила вещей», винить некого. Хорезмийцы надеялись одержать победу и не заключали мир с монголами. А монголы должны были отогнать врагов от своих установившихся границ, чтобы в случае продолжения войны с Китаем не получить удар в спину. Отогнанные из Ирана хорезмийцы вошли в Северную Месопотамию и добывали там пропитание саблех, что неизбежно портило отношения с местными жителями.

Поэтому Байджу-нойон, сменивший заболевшего Чормагана, легко вытеснил непокоренных хорезмийских воинов из Месопотамии. А те в 1244 г. отправились в Египет — к мамлюкам, таким же тюркским гулямам, как и они сами. По дороге хорезмийцы выбили христиан из Иерусалима, который в 1229 г. египетский султан уступил императору Фридриху II, заключив с ним мирный договор. Эх, не везло тому, кто владел Иерусалимом!

В Египте у власти находились мамлюки-бахриты, фактически повелевавшие бессильными султанами Аюбидами, потомками славного Саладина. Социально и политически египетские и хорезмийские гулямы были близки. Поэтому хорезмийцев в Египте приняли и нашли им применение: с их помощью египетские мамлюки разбили крестоносцев при Газе 18 октября 1244 г. А затем взяли и Дамаск, где правила другая ветвь Аюбидов. И тут опять сказалась «сила вещей»!

Египетские мамлюки-бахриты были кыпчаками, то есть половцами Причерноморских степей. Хорезмийские гулямы были канглы-печенеги. Если не отцы, то уж деды и прадеды их воевали друг с другом и на берегах Аральского моря, и в окрестностях Нижнего Дуная.

В острый момент счеты прежних времен были забыты, но после победы в Дамаске хорезмийцы поняли, что их в Египте не любят, а используют. Это было, во-первых, обидно, а во-вторых, бесперспективно. Что за жизнь, если начальство посылает тебя в заведомо опасные места, а потом, когда, победив, остаешься жив, не удостоивает награды? Хорезмийцы восстали... и были поголовно истреблены мамлюками-кыпчаками.

Утрата хорезмийцев как боевой мощи не ослабила мамлюков. Они занимали прочные позиции в Египте, и к тому же их численность росла. Монголы, ведя войну в Причерноморье с половцами, захватывали их в плен и продавали как рабов по дешевке. А кыпчаки-бахриты покупали их у посредников — итальянских работорговцев, и ставили в строй.

К 1250 г. мамлюки Египта усилились настолько, что разбили сильнейшее французское рыцарство, напавшее на устье Нила. В плен попал французский король Людовик IX Святой. И тогда же кыпчаки упразднили в Египте династию султанов Аюбидов и взяли власть в свои руки. Оставались монголы, которые продвигались навстречу им, и неизбежность столкновения была очевидной.

А теперь поставим уместный вопрос: кто с кем воевал? Канглы и кыпчаки, то есть хорезмийцы и мамлюки, которые были такими же степняками, как монголы. А земледельческое и городское население стран Ближнего Востока несло тяготы войны, страдало от войны. Но для него было равно неприятно, когда его грабили монголы-несториане или кыпчаки — новообращенные мусульмане. На войну они смотрели как на неизбежное зло, но две воюющие стороны были для коренного населения равно враждебными. Так где же здесь борьба кочевников с земледельцами и с Культурой? Похоже, что «борьба» Степи и Цивилизации — черная легенда.

И там было плохо! Избыток пассионарности не лучше, чем ее недостаток. В обоих случаях течет кровь людей неповинных, ибо в такие эпохи война как таковая становится целью жизни.

В конце IX в. Европа, под чутким руководством папского престола, отправила «лишних» дерущихся баронов отвоевывать Иерусалим с надеждой, что они там и застрянут. Ушли бароны, а вернулись рыцари. И стали они еще хуже: злее, хитрее, предусмотрительнее, корыстолюбивее. Захваты восточных городов казались большими удачами, но оказалось, что все эфемерно. Постоянная война на границе Иерусалимского королевства с мусульманами была безрезультатной и разочаровала искренних крестоносцев — а такие тоже были.

А неискренние не высказывались. Война кормила рыцарей-монахов двух орденов: иоаннитов и тамплиеров и ее нельзя было прекратить без того, чтобы не подвергнуться обвинению в ереси, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «А вот он не хочет продолжать воевать за цели, объявленные папой!» Поэтому на Востоке война постоянно тлела, а дома, на Западе, она пылала.

Гвельфы, разветвленные сторонники пап в Риме, и гибеллины, не менее мощный клан сторонников императоров Священной Римской империи германской нации, заставляли воевать друг с другом пап и императоров. Если на троне оказывался даже ревностный приверженец римской церкви, как, например, Оттон VI, то его немедленно «поворачивали» против папы. И наоборот, если на святом престоле появлялся гибеллин, например генуэзец Синибальди Фьески, друг Фридриха II, то, став папой под именем Иннокентия IV, он не жалел сил, чтобы погубить прежних друзей.

«Сила вещей», то есть направленный причинно-следственный процесс, несла людей, как ураган — сухие листья. И в результате к 1254 г. Германия была распылена, а Италия раздроблена. В Германии после династии Гогенштауфенов наступила эпоха «кулачного права», а Южную Италию, когда-то богатейшую страну, оспаривали между собой арагонцы Испании и анжуйцы Франции.

Слабой и незначительной была Англия при Генрихе III. Французы Плантагенеты долгое время обращались с Англией как с далекой и бедной провинцией, откуда можно лишь получать налоги. Но когда английский король Джон Безземельный утратил Нормандию, Пуату, Ла-Манш и суверенитет над провинцией Бретань, да еще стал вассалом папы, взимавшего с него деньги, англичане, жители этой зеленой страны, взбунтовались. В 1215 г. они заставили короля подписать Великую хартию вольностей и учредить парламент. Первая половина XIII в. прошла в этой стране в борьбе парламента с королем, а за это время кельты Валлиса (Уэльса) и Шотландии грабили англосаксов, соперничая в этом деле с наемниками короля.

В лучшем положении находилась Франция, одержавшая победу над графом Тулузы и завоевавшая Лангедок. Эта так называемая Альбигойская война, выигранная не французскими войсками, а крестоносцами, то есть пассионариями Севера страны, сразившимися с пассионариями Юга, принесла французской короне когда-то богатые, но сейчас дотла разоренные земли. Эта война дала много новых подданных королю, но таких, которые ненавидели своего короля, и принесла первую инквизицию, которой воспользовались еретики-катары, лицемерно принявшие католичество и сжигавшие по ложным делам искренних верующих католиков.

Французское рыцарство было самым сильным в Европе. Но оно потерпело два крупных поражения в двух крестовых походах: в Египте в 1250 г., где сам король попал в плен к мамлюкам, и в Тунисе в 1270 г., где французов разбили берберы, а сам король умер от чумы.

Надо признать, что в середине XIII в. блеска во Франции было много, но сил для ведения большой войны на Востоке было маловато. Ну а прочие государства были еще слабее.

И вот тогда по Европе прошел слух о монголах.

Мы подошли к теме великого монгольского похода на запад в 1236–1242 гг., который является прелюдией событий 1260 г. Что это был за поход и какое отношение он имел к появлению монголов на берегу Средиземного моря осенью 1259 г.?

Завоевание мира в задачу монгольскому корпусу, посланному на запад, поставлено не было. Цель похода была гораздо скромнее — разгромить надолго или навсегда половцев и избавить себя от внезапного ответного удара, ибо разгоревшаяся на большой территории степная война могла перенестись снова на землю собственно Монголии. Половцы, как и монголы, были степным народом. И если монголы смогли организовать набег с Онона на Дон и Дунай, то и половцы с равным успехом могли перебросить конную армию с Дона, Волги, Урала на Онон.

Потому-то монголы, используя мобильные конные части на очень широком фронте, брали половцев в клещи, вынуждая отступать как можно дальше на запад.

В 1239 г. венгерский король Бела IV принял и лично встретил 40-тысячную орду половецкого хана Котяна на границе и велел королевским чиновникам расселить всех половцев внутри Венгрии. Однако венгерские магнаты предательски убили Котяна и его сподвижников в Пеште, а половецкое войско, вслед за этим, сокрушая все на своем пути, ушло на Балканы. Многие из половцев добрались до Никеи, православного государства греков в Малой Азии; переправились через проливы и поступили на службу к греческому царю.

Предательство не спасло Венгрию от монгольского удара, так как венгры вероломно убили и монгольских послов. Они сделали то, чего монголы не прощали, — и Венгрия была разгромлена. Как же реагировали государи христианского мира на разгром и опустошение двух католических стран — Польши и Венгрии? В письмах императора Фридриха II к Беле IV венгерскому и Генриху III английскому есть любопытное признание. Упомянув разорение монголами Киева, император поносит папу Григория IX за то, что тот проповедует крестовый поход не против свирепых татар, а против него, Фридриха II, защитника церкви.

А папа Григорий послал венгерскому королю только благословение и предложил подождать с помощью ему до заключения победоносного мира папы с Фридрихом II, которого он иронически называл «именующий себя императором». Когда же выяснилось, что монголы на Германию не посягают (ведь половцев там не было), в июне 1241 г. войска Фридриха II двинулись на Рим.

В том же, 1241 г. все задачи, поставленные перед войском Батгя, отправившимся в западный поход, были выполнены. А дальше произошло непредвиденное: 11 ноября 1241 г. умер великий хан Угэдэй. Согласно монгольскому обычаю, все предприятия, кроме неотложных, должны были быть приостановлены до выбора нового хана. Батый со всей армией повернул назад, тем более что претендентом на престол становился его злейший враг, сын Угэдэя — Гуюк, за которого пока правила мать Туракина — ханша Дорэгэнэ-хатун.

Батый, как человек осторожный и умный, поставил свою ставку в низовьях Волги, у берега ее протока — Ахтубы. Ставка имела стратегические выгоды: она обеспечивала безопасность при внезапном нападении с запада — из Венгрии и Польши, и с севера — из великого княжества Владимирского. Княжество, вопреки предвзятому мнению специалистов, не изучавших международный аспект монгольской политики, сохранило свои города, деревни и войско, в котором было около 50 тысяч обученных воинов. Ведь именно с этими воинами Александр Ярославич Невский разбил немецких рыцарей на Чудском озере и отогнал литовцев от Москвы и Бежецка.

У самого Батгя, после того как он отпустил войска, мобилизованные специально для

похода, оставалось всего 4 тысячи всадников. Из них пришлось половину выделить братьям: старшему, Орде-Ичену, для Белой Орды на Иртыше, и младшему, Шейбану, для Синей Орды, кочевавшей на территории от нынешней Тюмени до Аральского моря.

Фактически у Батыея осталось две дивизии: конная — из племени мангут (так, кстати, калмыки до сих пор называют волжских татар), и артиллерийская — из чжурчжэней, которых русские авторы XII–XIII вв. называли их официальным именем — хины (от названия империи Кинь). Ни для католической, ни для православной Европы этот улус монголов на восточном берегу Волги никакой опасности не представлял. Тем более что между Русью и Ордой на Волге лежала не населенная в то время степь, по которой бродили «бродники», жившие ловлей зверей и птицы. Так что здесь надолго могла установиться отчетливая, фиксированная граница.

Когда монголы ушли, европейцы приободрились, и в 1243 г. папа созвал в Лионе собор, решивший начать новый крестовый поход, на этот раз против монголов. Поскольку за войну с монголами высказались гвельфы, то гибеллины стали думать о том, как заключить с монголами союз. Главами гибеллинов были Гогенштауфены, а союзниками их — Капетинги, то есть, в данном случае, король Франции Людовик IX Святой, стремившийся освободить от мусульман Гроб Господень, как это проделал его союзник Фридрих II. Но французам не повезло. В 1250 г. мамлюки разбили их войско и взяли в плен короля. По этому поводу жители города Марселя звонили в колокола и пели: «Te Deum laudamus» («Тебя, Бога, хвалим»), ибо французов провансальцы ненавидели куда больше, чем турок.

За это время и в Монгольском улусе произошла крупная перемена. Хан Гуюк, пытавшийся опереться на православных греков, грузин и русских, был в 1248 г. отравлен, и в 1251 г. на кошме воины подняли его врага и друга Батыея — Мункэ, мать которого была кераитская царевна Суюркук-тени-бики, очень набожная несторианка. Ориентация сместилась: теперь главными врагами Монгольского улуса стали мусульмане, а друзьями — армяне и сирийцы, стонавшие под игом арабов и сульджуков. Очень они были озлоблены против мусульман — будь то арабы, персы, туркмены, хорезмийцы, гурцы — и не очень обожали греков и грузин.

Не было единомыслия в самой ханской семье. Мункэ открыто говорил, что для него пять религий равны, как пять пальцев на руке. Хубилай, командовавший одной из армий в Китае, был склонен к христианству, но помалкивал. Хулагу был буддист, но в угоду жене — Докуз-хатун — и военачальнику — Кит-буге — демонстративно поддерживал христиан. Ариг-буга, младший брат и законный наследник, в присутствии Рубрука открыто произнес: «Мы, монголы, знаем, что мессия — Бог». А «черная вера», хотя и была государственным исповеданием, шла на убыль. Шаманов вытесняли даосы и ламы. Не было только исмаилитов, в те годы доминировавших в Иране.

Еще один партнер

Кроме мусульман и христиан на Ближнем Востоке жили исмаилиты, не имевшие собственной территории, но распространившиеся всюду и узнававшие друг друга по секретным знакам. Исмаилит был с суннитом — суннит, с шиитом — шиит, с христианином — христианин, с евреем — еврей. Но всюду он был верным учеником своего старца, сидевшего в неприступном Аламуте, замке в отрогах Эльбурса, и по его приказу убивал неугодных старцу людей — знатных и простых. Этот кошмар длился больше ста лет и казался вечным.

Основатель персидского исмаилитского ордена Хасан Саббах отнюдь не был религиозным фанатиком. В юности он просто хотел сделать себе карьеру не хуже, чем его два друга. Один из трех друзей стал везиром при сельджукском султани — Низам-уль-Мульк, другой — математиком и поэтом — Омар Хайям, а Хасан застрял на должности мелкого чиновника, устроенного везиром по знакомству. Хасан попробовал интриговать — его уволили. Тогда он стал исмаилитским эмиссаром — в 1090 г. обманом захватил Аламут и стал постепенно расправляться со своими врагами.

Хасан Саббах был гениальным злодеем. Он изобрел особую форму геноцида. Уничтожались только талантливые люди: храбрые эмиры, умные и образованные муллы, набожные отшельники, энергичные крестоносцы и халифы. В числе жертв исмаилитов были Низам-уль-Мульк, Конрад Монферратский, халиф Мустансир и многие другие. Зато трусы, дураки, люди, склонные к предательству, склочники и пьяницы чувствовали себя спокойно. Им было даже выгодно, что для них освобождались вакансии на служебной лестнице или устранялись соперники.

Повелители исмаилитов никого не опасались в своих горных замках, а исполнители шли на жертву, опьяненные гашишем, и давали себя казнить в ожидании блаженства в антимире, где все наоборот.

Мы уделили столько внимания исмаилитам не случайно. Исмаилиты боролись за упрощение системы и добились успеха, сделав свой этнос беззащитным. Они действовали, как раковая опухоль в организме, и погибли вместе с социальным организмом, когда в 1253 г. был задуман и затем осуществлен «желтый крестовый поход».

Всем известно, что монголы в XIII в. одержали много побед, захватили много земель, военной добычи, в том числе людей, которых они продали венецианским работорговцам. Те в свою очередь, пользуясь Босфором и Дарданеллами, принадлежавшими в 50-х годах XIII в. латинянам, отвезли рабов в Египет, чем весьма усилили мамлюкское войско, готовое бить любых христиан. Несториан — за то, что они их победили, католиков — за то, что те их везли в трюмах галер на продажу, армян — за то, что они дружили с монгольскими несторианами и франкскими католиками. Короче говоря, «сила вещей» 40 лет работала на возрождение мощи ислама, и результат получился хоть и неожиданный, но блестящий.

Хан Угэдэй, при котором, хотя и не благодаря ему, были совершены главные внешние завоевания, оставил страну в состоянии вынужденной мобилизации, отсутствие которой грозило гибелью. О Китае сказано выше, но и Персия представляла не меньшую опасность. В несчастном Иране не было и не могло возникнуть энергичное правительство, с которым монголам можно было бы заключить приемлемый мир. А если там появлялись талантливые политические деятели, то их жизнь пресекал отравленный кинжал исмаилита. А это означало, что через Иран свободно могли пройти и войска усилившегося багдадского халифа Мустасима, и наследники Великих сельджуков — туркмены Рума (Малой Азии), и преемники знаменитого Саладина — эмиры Сирии и Месопотамии, и даже египетские мамлюки. Поэтому границу было просто

необходимо отодвинуть до Нубии и Сахары. Так, по-нашему предположению, думал монгольский хан и, по документальным данным, лучший французский историк Востока Рене Груссе.

Как возник желтый крестовый поход?

Итак, на юге и востоке было крайне неблагоприятно. Только на севере монголам удалось заключить прочный мир. Александр Невский, дважды разбивший католических рыцарей и почти ежегодно отражавший литовские набеги, считал, что татары лучше немцев. Поскольку его отец, великий князь Ярослав, был отравлен в ставке Гуюка по доносу своего же боярина Федора Яруновича, Александр примкнул к врагу Гуюка, Батыю, и даже побратался с его сыном, несторианином Сартаком.

Как установлено, Федор Ярунович был агентом папы и оклеветал князя Ярослава, приписав ему контакт с Лионским собором и, следовательно, измену монголам, с которыми тот хотел заключить союз. Ханша Туракина была меркитка (монголы убивали своих врагов, но не женщин, на которых женились царевицы), а сибирские народы сами не лгут и поэтому верят чужим словам. Ханша поверила доносчику, отравила князя и тем обрекла на гибель своего сына, ибо дети погибшего, изрубив на куски доносчика, примкнули к врагам Гуюка. Но Андрей пошел дальше брата. Он заключил союз с немцами. Тогда Александр в 1252 г. привел на Русь татарский отряд и выгнал Андрея из Руси. Тот бежал в Швецию.

На беду Руси, Батый умер в 1256 г., Сартак был отравлен, а на престол Золотой Орды вступил мусульманин Берке, казнивший несториан и оплакивавший последнего багдадского халифа. Однако, как Чингисид, он должен был помогать своему кузену в Иране. Об этом речь впереди.

Александрю стало трудно, однако он и тут сумел найти выход и сохранил союз с Ордой. Этот союз спас в XIII в. Русь и погубил монгольскую империю, благодаря той самой «силе вещей», которая очень редко может быть нарушена усилиями людей. Посмотрим, как это произошло.

Отвлечемся на минуту от изложения хода событий и сделаем несколько замечаний о методике изложения. Нет, не зря мы предпослали строгую классификацию суперэтнических целостностей, а потом показали, как они перемешаны на самом деле. Для того чтобы разобраться в мешанине, необходимо знать исходные формы, определить исходные суперэтноссы.

Уровень суперэтносов самый устойчивый, ибо сменить его было очень трудно. Сменить политическое подданство в средние века было очень просто, как у нас сменить квартиру. Для этого достаточно было переехать в другое герцогство или другой эмират. Сменить этнос было труднее, но путем брака, во втором поколении, тоже несложно. А сменить суперэтнос, имевший конфессиональное оформление, было большое дело: надо было не только самому захотеть, но получить согласие тех, кто должен принять. Тут вступает в силу естественный принцип симпатии, не подлежащий контролю сознания.

Таким образом, суперэтноссы подобны айсбергам, лишь малая часть которых возвышается над водой. Но и этой части достаточно, чтобы отличить один суперэтнос от другого, ибо существует своего рода лакмусовая бумажка — государственная религиозная или атеистическая система. Ведь атеизмов в истории было столько же, сколько религий. Изучать те и другие в нашу задачу не входит, но воспользоваться ими как значками удобно, что облегчит дальнейшее повествование. Поэтому будем пользоваться старой терминологией, памятуя, что в названиях — православный, католик, суннит, шиит, несторианин, исмаилит — в XIII в. вкладывался определенный смысл, который прекрасно понимали современники.

Желтый крестовый поход был продуман и прекрасно подготовлен. Монгольские правители и дипломаты знали, что армяне — надежная поддержка для тех малочисленных войск, которые

они могли перебросить в Палестину, ибо главные силы монголов были связаны в Китае затянувшейся войной против империи Сун. Знали они и то, что самый сильный король христианского мира, Людовик Святой, добивается союза с ними и что князь Антиохии Боэмунд женат на армянской царевне из Киликии и потому их естественный союзник; и то, что Никейская империя связывает силы иконийских сельджуков; и то, что грузинским царям Улу Давиду (Длинному) и Давиду Нарину (Короткому) — выгодно отодвинуть от своих границ мусульманскую угрозу.

И противников своих они знали. Им было ведомо, что исмаилиты в горных крепостях — враги всем и никому не друзья; что багдадский халиф провозгласил против христиан священную войну и что египетский султанат упразднен собственными рабами и мамлюками. Опасен для монголов был только Египет, но перебросить конницу через Синайскую пустыню, не истомив коней и людей, можно было, только имея базы в прибрежных крепостях, которыми владели ревностные христиане, тамплиеры и иоанниты, неустанно боровшиеся за освобождение Гроба Господня.

Но они никак не могли вообразить, что папа и его верные рыцари станут врагами христианскому делу, что они, умные и доблестные, сами обрекут себя на жестокую гибель. Тут и наступит «роковое мгновение», нарушившее «силу вещей» и положившее конец крестовым походам.

Поход был подготовлен блестяще. Для того чтобы не утомлять коней и людей, по намеченному маршруту были устроены склады с провиантом и фуражом. На реках были наведены мосты. Из Китая вызвали тысячу специалистов по метательным машинам. Высшим командирам были даны инструкции по обращению с населением в зависимости от его веры. Категорически запрещалось убивать христиан и иудеев, не были тронуты умеренные шииты Южного Ирака. Суннитов убивать разрешалось, а исмаилитов — приказывалось. Все было продумано и осуществлено.

Первой жертвой монголов стал замок Аламут, где жил последний исмаилитский «старец» (пир) Хуршах, молодой человек, унаследовавший власть от своего отца. Это был любитель вина и женщин, поощрявший интриги при своем дворе. Он мог бы еще долго сидеть в своем замке, но у него сдали нервы. Узнав, что ему лично обещана жизнь, он явился в 1256 г. в ставку Хулагу. Тот отправил его в Монголию, но Мункэ терпеть не мог изменников и приказал убить Хуршаха в пути.

Другие крепости, как, например, Гирдекух, близ Дамгона, сопротивлялись долго, но в конце концов тоже сдались. Привычка к злодеяниям не воспитывает доблесть. Все исмаилиты, обнаруженные монголами, были убиты.

В январе 1258 г. монгольские войска подошли к Багдаду. Там было много людей, умевших носить оружие, и еще больше денег, чтобы нанять тюрков, бродивших по Ираку, но не было воли к сопротивлению и порядка. Сразу сложилась партия войны и партия мира. Первые вышли на встречу монголам и погибли в бою, вторые, в том числе халиф Мустасим, сдались... и были убиты как трусы 10 февраля 1258 г. Халифат пал. Пятьсот лет он вытягивал соки из всех подвластных ему стран, не обеспечив своим подданным ни мира, ни законности, ни славы.

Христиане Ближнего Востока ликовали. Хулагу подарил дворец халифа несторианскому патриарху. Мечети окропляли святой водой и превращали в церкви. Гетум I, царь Армении, и его зять Боэмунд VI, князь Антиохии, присоединились к монгольскому войску. Множество храбрых добровольцев — армян, сирийцев и айсоров — пополняли монгольские войска, которые теперь катились на Дамаск, Алеппо и Майяфарикин, которые пали, правда лишь в 1260 г., ибо защищались они геройски. Но на открытых пространствах Сирии и Палестины монгольская конница не имела себе равных, и весна 1259 г. застала монгольский авангард у стен Газы.

В Багдаде Хулагу прекратил грабеж и резню на пятый день, желая сохранить город от пожаров. Оставшихся суннитов никто не преследовал, ибо богатства халифа были столь огромны, что удовлетворили и хана, и его сподвижников. Дальнейший грабеж стал просто не нужен, но это не остановило стратегических операций, целью которых был Иерусалим.

Слава хана Хулагу дошла до Италии и Франции. Там его и его супругу сравнивали с Константином и Еленой. Европейцы надеялись, что наконец можно будет забыть о крестовом походе, о взимании на него денег, которые оседали неведомо в чьих карманах, и о бесконечной, давно надоевшей болтовне по этому поводу. Особенно радовались гибеллины, уже потерявшие большую часть своих позиций, — тому, что происходящее расстраивает папу.

И тут-то «сила вещей» сломалась. Наступило «роковое мгновение», которое длилось чуть больше года. Оно повернуло историю всего континента в новое русло, чего никто не мог предвидеть. 11 августа 1259 г. умер Мункэ-хан.

Поэт А.А. Блок писал: «Жизнь без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...» — и советовал ученому «веровать в начала и концы». Ему было легко. В гимназическом курсе история подавалась как цепь более или менее ярких событий, без причинно-следственной связи, причем инициаторами событий считались люди умные и реже глупые, храбрые и трусливые, хорошие и плохие. Вопрос о достоверности исторических данных ставился, но степень верности (верификация) определялась близостью к первоисточнику: считалось, что древний автор врать не будет и, следовательно, самый надежный источник — документ. А ведь они тоже врали, да еще как!

Собственно говоря, такая методика правомочна, но применима ограниченно. Ведь и микроскоп — инструмент полезный, если надо изучать кристалл или бактерию. Но рассматривать в микроскоп большой организм нецелесообразно. Надо найти другие приборы.

Монгольский улус создавался как усложняющаяся социальная система 60 лет. И вдруг лопнула одна, только одна связь... и система развалилась. Эпоха накопления сменилась эпохой распада, столь же необратимой и столь же нежелательной для участников событий, как и предыдущая. Ведь, надо думать, никто не хотел бросить дом и семью, чтобы умирать в китайских болотах или среднеазиатских пустынях, но люди шли на это. И теперь, когда возникла необходимость убивать своего брата или друга, вряд ли кто-нибудь этого хотел. Но гражданская война вспыхнула и спалила здание, сооруженное тремя поколениями героических предков, хотя никто из ханов, возглавлявших отдельные улусы, этого не хотел.

«Сила вещей» сменила свой знак, но продолжала работать. После смерти хана события развивались так: две армии, стоявшие в Китае, возглавил Хубилай. В его войсках было больше двух третей воинов, мобилизованных на Руси, Кавказе и в Иране. По существу, это был иностранный легион, вынужденный быть верным начальникам лишь потому, что попасть в лапы китайцев было еще хуже. Эти воины устроили курултай, наподобие монгольского, и провозгласили Хубилая великим ханом.

Как реагировал на это сам Хубилай — сказать трудно, но поскольку монгольские командиры со своими отрядами от него откололись, ему пришлось принять предлагаемый пост. Альтернативой была смерть.

Монголы в степи тоже собрали курултай и провозгласили своим ханом законного наследника — Ариг-бугу. Его поддержали внук Угэдэя — Хайду, и сын Джаготая — Алгуй. Однако Алгуй затем изменил и перешел на сторону Хубилая, чем обеспечил ему победу в 1264 г. Но война на этом не закончилась.

Глава Золотой Орды, Берке, воспользовался междуусобицей для того, чтобы добыть своей Орде независимость, которая выразилась в том, что он перестал высылать в Китай деньги, собираемые в покоренных областях. Фактически Золотая Орда и примкнувшее к ней великое княжество Владимирское превратились в независимое государство, двуединую империю, вроде Австро-Венгрии.

Но это было еще не все.

Мотивы поступков как отдельных персон, так и этносов (ведь и те и другие — системы, только разных порядков) часто бывают преследующими экономическую выгоду. Часто, но не всегда.

Берке был истинный монгол, Чингисид, патриот великого улуса, но он ненавидел своего двоюродного брата — Хулагу. Из каких-то побуждений Берке перешел в мусульманство. С точки зрения тогдашних монголов, это было его личное дело, но сама точка зрения была близорука.

Узнав о разгроме Багдада и гибели халифа, Берке воскликнул: «Мы возвели Мункэ-хана на престол, а чем он нам воздаёт за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей... и домогается владений халифа, моего союзника. В этом есть нечто гнусное!»

Надо полагать, что Берке выражал собственную, а не государственную позицию. Золотоордынские отряды служили в войске Хулагу, будучи посланы к нему при начале похода, то есть ещё Батыем. И Берке, став улусным ханом, не рискнул их отозвать. Зато он сделал это, как только узнал о смерти Мункэ. И тут же он подбил на восстание двух грузинских царей: Давида Нарина и Улу Давида. Восстание было не подготовлено и поэтому обречено, но тем не менее причинило Хулагу много неприятностей, ибо для его подавления пришлось снимать войска с фронта. И наконец, он отдал приказ своим воинам, сражавшимся в Палестине и не имевшим возможности вернуться на родину, перейти на сторону мамлюков, не без основания полагая, что земляки между собой договорятся. И за все неудачи монгольского оружия он винил Хулагу.

Но все эти передраги не имели бы значения, если бы они не сопрягались с процессами этногенеза. Аль Омари, арабский географ, в XIV в. писал о Золотой Орде: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто одного с ними рода».

Можно обвинить Аль Омари в географическом детерминизме, но одновременно придется признать его правоту. Ландшафт и этнос — части любой экосистемы, только этнос в ней является верхним звеном. Поэтому ассимиляция монголов в XIII в. среди половцев, а потом, в XIV в., среди русских — процесс естественный и не вызывающий удивления.

Помешать этому процессу могла бы только идеологическая, то есть религиозная, рознь, но мангуты и хины (чжурчжэни) происходили не из Восточной Монголии, где несторианство в начале XIII в. не было распространено. Оно пришло туда, но позже и быстро погибло, успев породить «желтую веру» (теистический буддизм) в Тибете. Но речь идет не об этом, а о том, что Берке сделал ставку на православие, на русских и грузин, а не на несториан, что и дало культурно-этническую базу для его ненависти к Хулагу.

Однако успех его не столько продуманной, сколько эмоциональной политики был связан с тем, что он следовал настроениям своего народа и «силе вещей», продолжавшей неуклонно действовать. Иначе не был бы Берке ханом.

Но как ни устойчива закономерность, названная нами «силой вещей», сломать можно и ее. Вопрос в том, надо ли это делать, каких жертв это будет стоить, и какие людские качества для этого нужны.

Ответим сперва декларативно. Без крайней нужды лучше не пытаться изменить историю, ибо это всегда будет стоить очень дорого, а предусмотреть результаты невозможно. Поэтому для выступления против естественного хода событий нужны два качества: глупость и безответственность. На это легко возразить: людей с такими свойствами не следует допускать до должности правителя, который решает политические вопросы, от кого зависит благополучие государства и жизнь подданных. Увы, в средние века феодалы и прелаты получали должность либо по праву наследия, либо по знакомству, а потому в эпоху феодализма иногда действовали дураки и мерзавцы, а поддерживали их подонки и подхалимы.

К счастью для народов и культур, такое безобразие бывало относительно редко, но всегда приносило огромный вред. Глупость делала то, чего не могли достичь ум и талант, — она искажала «силу вещей», логику событий, вслед за чем наступала расплата, что показал М. Дрюон в своей серии романов «Проклятые короли».

Он прав во всем, кроме одного — тамплиеры тоже были прокляты, и тоже за предательство доверившихся и за последствия своего поступка, которые были так ужасны, что даже историки старались их забыть и не упоминать. А жаль! Преступления в истории столь же поучительны, как и подвиги. Игнорирование их искажает ход событий, которые мы анализируем, чтобы понять не только «что» и «как», но и «что к чему».

Ведь ради ответа на этот вопрос мы предложили вниманию читателей сложную этнокультурную систематику, ввели понятие «суперэтнос» и описали явление природы, довлеющее над нашей психологией, — пассионарность — и показали различие культурных типов и их доминант, иногда совместимых, а иногда непримиримых. Мы уже убедились в том, что существование больших этнокультурных систем поддерживается не только внутренней взаимной симпатией субэтносов, но и соперничеством их, иногда борьбой друг с другом, но эта борьба качественно отлична от борьбы на суперэтническом уровне, как, например, борьба гвельфов с гибеллинами отличалась от борьбы Христианского мира с миром Ислама.

Чтобы нарушить «силу вещей», надо было совершить противоестественный поступок на суперэтническом уровне... И в 1260 г. он был совершен. Этот факт настолько значителен, что повышенное внимание к нему оправданно. Поэтому сменим «подзорную трубу» на «бинокулярную лупу» и взглянем на Палестину 1260 г., где произошло нарушение ритма истории.

Крестоносцы

В средние века люди воевали много и часто, но, как правило, они не знали за что, знали лишь, *против* чего воюют. Отрицательная доминанта действовала эффективнее положительной. И когда папа Урбан II произнес роковые слова: «Так хочет Бог!» — массы простых крестьян и рыцарей бросились в отчаянную битву с мусульманами и, потеряв девять десятых воинов, взяли Иерусалим в 1099 г. и создали там Иерусалимское королевство.

Королевство это довольно быстро стало терпеть поражения, терять города и просить защиты у европейских монархов. Второй и третий крестовые походы, имевшие целью выступить в поддержку своих земляков, были неудачны. Четвертый поход превратился в коммерческую операцию по приобретению колоний на Востоке под руководством венецианского дожа, слепого Дондоло.

Было быстро придумано, что «греки (православные) — такие еретики, что самого Бога тошнит». Константинополь был взят и разграблен, а в Греции воздвиглись замки, перемешанные с крепостями византийских властителей. Устояли укрепления Nikei, далекий Трапезунд и горный Эпир, которые к 1261 г. выгнали латинских захватчиков из Константинополя. Но все это время шла жестокая война, и крестоносцы-европейцы, сначала пришедшие на помощь греческим христианам, нашли в них врагов еще более страшных и неукротимых, чем мусульмане, арабы и туркмены-сельджуки.

Несколько удачнее держались крестоносцы на восточном берегу Средиземного моря, потому что их поддерживали местные христиане, монофелиты Сирии и Ливана. Будучи отлучены от церкви в V и VII вв., они чуждались греков, хотя причины религиозных споров были забыты и произнесенные анафемы исходили столь же от Рима, сколь и от Константинополя.

Вспомним, что этнические антипатии базируются не на «з а», а на «п р о т и в», в данном случае против греков и мусульман, значит — за крестоносцев. Так и приняли бывшие монофелиты католическое исповедание веры: их примеру последовали многие армяне, и благодаря этому крестоносцы получили кое-какую базу.

Однако злейшими врагами своему делу были они сами. Французские, лотарингские, провансальские и ломбардские феодалы перенесли на Восток свои обычаи и нравы, свои представления о святости договоров, гуманности, сохранении собственного достоинства, что они называли «честью». Арабский поэт и воин Усама ибн-Мункыз оставил потомкам «Книгу назидания» (переведенную на русский язык академиком И.Ю. Крачковским). В этой книге он описал свои битвы с львами, исмаилитами и франками. За последними он признает только одно хорошее качество — храбрость, а в остальном уподобляет их диким зверям, оговариваясь, что львы не менее храбры.

Именно грабежи и феодальный разбой ожесточили мусульман. Настолько, что они, забыв собственные дрязги, разбили войско крестоносцев и в 1187 г. взяли Иерусалим. После этого «Святая земля» стала называться «Заморской», что было и верно, и точно.

Различие между «Святой землей» и «землей Заморской» было принципиальное. Южные потомки крестоносцев, родившиеся в палестинских городах, воспитывались на узких улицах, многолюдных базарах и на выжженных южным солнцем холмах между Иорданом и Средиземным морем. Они дружили с армянскими и сирийскими сверстниками, общались с арабами и разговаривали на торговом жаргоне, называвшемся *Lingua franca*. За 130 лет (1099–1229) они оставили не только внуков, но и правнуков, не столько смешанных генетически, сколько приспособившихся к природе и климату захваченной ими страны.

Уже в середине XII в. они боялись больше христианских королей Франции и Германии,

нежели султанов Сирии и Египта. И тогда Нур эд-Дин взял и разорил Эдессу — форпост христиан на Востоке. Палестинские католики сумели отвести от себя опасную «помощь» — второй крестовый поход — и направить европейских рыцарей в Малую Азию, подсунув им вымысел, будто на берегу Тигра стоит с войском восточноазиатских христиан царь и пресвитер Иоанн, ожидавший западных единоверцев для того, чтобы раздавить мусульман. Это была ложь, но на нее клюнули два короля... и погубили своих рыцарей в пустынях Малой Азии. А палестинские рыцари-монахи, избавившись от присутствия сильных властителей, продолжали благоденствовать в своих замках и, как бы для развлечения, вести малую войну, занимаясь грабежом и захватом пленных. Легенда о пресвитере Иоанне исследована нами в особой монографии [48] и к ней мы возвращаться не будем.

Нам теперь важна и интересна «черная легенда», которая создавалась следующим образом.

Утрата Иерусалима не очень огорчила палестинских католиков. Скорее наоборот, она была им весьма полезна. В Европе была проведена мобилизация средств путем продажи индульгенций. Иначе говоря, был стимулирован рост преступности, ибо отпущение грехов можно было купить за часть денег, добытых преступным путем. Затем крестоносцы третьего похода отбили у мусульман прибрежную твердыню — Акру, превратили ее в христианскую цитадель — Сен-Жан д'Акр и, уходя, Ричард Львиное Сердце подарил эту важную крепость тамплиерам и иоаннитам, добавив еще Кипр, захваченный у византийцев. Они же настоятельно советовали ему не отвоевывать Иерусалим. Почему? Потому, что под предлогом войны за святой город они получали огромные средства от всех королей христианского мира.

Так они устроились весьма неплохо, но внезапно вмешались в игру немцы, которых большинство итальянцев терпеть не могли и называли «звероподобной расой». В 1228 г. на освобождение Гроба Господня двинулся король Сицилии и Германии, отлученный от церкви, и враг папского престола Фридрих II Гогенштауфен. Он вернул христианам Иерусалим, не выпустив ни единой стрелы — путем соглашения с египетским султаном, поставившим лишь одно условие — не укреплять стены святого города.

Но воевать немцам все же пришлось — с франко-итальянскими баронами и городами Палестины. Так перенеслась за море война гибеллинов с гвельфами. Последние победили и выгнали сторонников Фридриха II.

Обе стороны щеголяли цинизмом. Фридрих II сказал, что он приехал в Иерусалим, чтобы послушать ночной призыв муэдзина с минарета; Жан Ибелин, сир Бейрута, выгнав немцев с Кипра, объяснил юному королю Генриху Луизиньяну, креатуре Фридриха, что он выступил в защиту земли «сборной похлебки» (oil) против захватчиков, собравшихся со всех стран Европы; а папа отлучил от церкви Иерусалимскую патриархию, освобожденную вопреки его воле. Короче, все пороки феодальной Европы: аморальность, лживость, nepотизм (устройство родственников на важные церковные должности), симония (торговля этими должностями), произвол, корыстолюбие — все это нашло в Заморской земле применение, как позднее в европейских колониях Вест-Индии и Ост-Индии. И поэтому неудивительно, что в 1244 г., когда хорезмийцы, бежавшие от монголов, вошли в беззащитный Иерусалим, бароны и горожане феодальной республики Акры считали для себя более важным делом столкновения рыцарей Ибелина с имперцами, тамплиеров — с иоаннитами, венецианцев — с генуэзцами, а главное, они хотели выжить из Палестины рыцарей тевтонского ордена, ибо немцев нигде не любили.

И ведь выжили — на беду пруссам, латышам и эстам; да и Новгороду было бы плохо, если бы Александр Невский не сумел договориться с татарами. Ибо когда в 1269 г. немцы собрали на р. Нарове силы, достаточные для взятия Новгорода, туда явился ордынский отряд. «Немцы замиришася по всей воле новгородской, зело бояхуся и имени татарского», — пишет русский летописец-патриот.

Религия в делах Заморской земли окончательно уступила место политике. Рыцари Акры заключили военный союз против Египта, армия которого была усилена примкнувшими к ней хорезмийцами и угрожала равно Акре и Дамаску. Франки Палестины объединились с курдами и арабами Сирии против мамлюков Египта и были наголову разбиты при Газе 17 ноября 1244 г. В этой битве в последний раз отличились потомки восточных печенегов, ветераны, знавшие Кучлука и видевшие Джэбэ с саблей в руке. Потери христиан исчислялись неточно: от 5000 до 16 000 человек. Цифра по тем временам огромная. О каких-либо попытках освободить Иерусалим нечего было и мечтать.

Последний крестовый поход предпринял французский король Людовик IX в 1250 г. Еще одна полная катастрофа! А затем — анархия, взаимная резня на улицах Акры, война на море генуэзцев против венецианцев, на острове Тир — французов против венецианцев, и так до безумия — все против всех!

Подробное перечисление убийств и предательств увело бы нас в сторону от темы. Мы обнаружили то, что искали, — причину неуклонного упадка Заморской земли: ведь это первый крах колониального режима, первый неуспех европейской колониальной политики, первая расплата захватчиков за оскорбления, нанесенные союзникам — восточным христианам. Но это было не последнее преступление крестоносцев, и, особенно их ведущей организации — ордена тамплиеров.

Преступление потому так и называется, что его можно и не совершать. Если прежние неудачи можно было «свалить» на «силу вещей», то последующий факт — продукт собственной злой воли, преступление, и совершивший его несет личную ответственность.

Половцы на Ниле

Египет — страна беззащитная. Стоит лишь азиатам перейти Синайскую пустыню и достичь самого восточного из рукавов нильской дельты, покорение остальной страны — дело легкое. Поэтому в древности на этом рукаве была сооружена крепость Пелузиум, предназначенная для предотвращения вторжений противника в дельту. Но толку от крепости было мало. Поэтому египетские владыки средневековья предпочитали иметь мобильную армию, но о том, чтобы поднять на войну население своей страны, они даже не мечтали. Потомки героических воинов Тутмоса III и Рамзеса II покорно платили налоги, но категорически отказывались защищаться от любого врага. Поэтому фатимидские халифы и аюбские султаны покупали воинов: кыпчаков и черкесов, которые воевали так, что выдержать их натиск не могли даже храбрые французские рыцари.

Мамлюки составляли две дивизии, скомплектованные по этническому принципу. Кыпчаки и другие степняки, расположенные на острове ар-Рауда на Ниле (ал-Бахр), и черкесы, размещенные в цитадели Каира (ал-Бурж, т. е. бург, немецко-французское слово). Именно бахриты дважды разбили французских рыцарей и считали, что их мужество заслуживает награды. Но молодой султан Тураншах, обученный в багдадских медресе юриспруденции, диалектике, теологии и т. п., совсем не знал этнографии, т. е. не имел представления о тех людях, которые спасли его престол и изгнали наглых захватчиков. Он наградил чинами не их, а своих фаворитов. И однажды ночью, спяну, велел принести себе много светильников, начал тушить их, срубая огонь саблей и крича: «Вот как я расправлюсь с бахритами». Через несколько дней — 2 мая 1250 г. — бахриты напали на его шатер. Когда султан вышел, ему отрубили полруки, он бежал в лес, растущий по берегу Нила, и вошел в реку по горло. Тут его прикончили стрелами.

Очередной парадокс истории! Половцы или куманы, разгромленные, преданные и проданных в рабство, стали хозяевами мусульманской страны, где большую часть населения составляли угнетаемые христиане — феллахи и копты. Казалось, что Египет превратился в этническую химеру — сочетание несовместимых элементов, — но этого не случилось. Все эти элементы жили отдельно, в симбиозе, благодаря чему социальная структура оставалась крепкой. Однако мамлюки решили, что они должны не служить такой неполноценной стране, а заставить эту страну служить им. Они произвели переворот, убили султана Тураншаха и отдали престол султанше, вдове предшествовавшего султана, выдав ее замуж за мамлюкского эмира, туркмена Айбека.

Султанша полюбила своего мужа настолько, что пожертвовала всем из-за ревности. Узнав, что Айбек нашел ей соперницу, она дождалась, когда после конной игры в шары он пошел в баню, послала своих евнухов убить мужа, а престол предложила юному эмиру.

Бедная глупая женщина! Она не знала, что такое степная дружба. А мамлюки были степняки. Эмир отказался от престола. Евнухов-убийц распяли. Султаншу увели из дворца в Красную башню, и там юный раб забил ее насмерть каблуками, а труп бросили в тюремный подвал. Это случилось 2 мая 1257 г.

Игнорирование этнографии, как и фантазирование на эту тему, всегда ведет к трагичным последствиям. Люди не одинаковы, а тем более разнятся этносы. Те реакции, которые естественны у арабов, нелепы у французов, оскорбительны у тюрков и монголов и противоестественны для китайцев. Поэтому оптимальным вариантом этнического контакта является симбиоз, когда этносы живут рядом и порознь, сохраняя мирные отношения, но не вмешиваясь в дела друг друга. Такая система сложилась в Египте и дала отменные результаты.

Первое предательство — сидонская трагедия

Летом 1260 г. монгольский правитель Сирии Кит-буга нойон со своей крошечной армией (20 000, по Киракосу, и 10 000, по Гайтону) стоял у Баальбека, считая, что он и его войско в безопасности. С востока его охраняла пустыня, на западе высились замки христианских рыцарей. Увы, Кит-буга знал пустыню, но не ведал рыцарей.

Владелец Сидона, Жюльен, унаследовал город от деда и отца, сражавшихся — первый с мусульманами, а второй — с имперцами. Жюльен имел очень большие руки и ноги, был ширококостен и толст, считался храбрым рыцарем, но падшим морально. Игра и частые развлечения сделали его должником тамплиеров, и дошло до того, что ему пришлось заложить им свою сеньорию — Сидон. Р. Груссе называет его «тяжелый барон с легкой головой» и рассказывает, что он поправлял свои финансовые неудачи грабежом соседей. Так, он ограбил окрестности Тира, где правил его родной дядя. В отсутствие мамлюков он грабил Сирию, а после завоевания Сирии монголами снова напал на незащищенное население и вернулся в Сидон с добычей и пленными, позабыв, что Сирия уже год как принадлежит монголам.

Монголы были изумлены. Они полагали, что набеги можно и нужно делать на врагов, но не на союзников, а грабежом может заниматься разбойник, а не принц. Племянник Кит-буги с небольшим отрядом погнался за сидонскими рыцарями, чтобы выяснить недоразумение, освободить пленных и вернуть принадлежащее им имущество. Рыцари увидели, что монголов мало, повернули коней, окружили монгольский отряд... и всех убили.

Так совершилось первое предательство, нарушившее причинно-следственную связь событий актом произвола, имевшего в данном случае противоестественную доминанту.

Впрочем, произойди такое где-нибудь около Лиможа или Арраса, особых последствий не было бы. Родственники погибшего подали бы в королевский суд, где дело лежало бы долго, пока не ушло бы в архив. Может быть, брат или отец погибшего, прикончил при случае пару убийц, а потом все было бы предано забвению. Таковы преимущества цивилизации и блага культуры.

Но Кит-буга был не француз, а найман. Он знал, что за удаль в бою не судят, а за предательское убийство доверившегося не прощают. Не успели жители Сидона отпраздновать удачный набег, как у стен их города появились монгольские всадники. Сир Жюльен проявил франкскую храбрость. Он защищал стены, давая жителям Сидона возможность эвакуироваться на островок, куда монголы, не имея флота, попасть не могли. Потом он сам убежал туда на гегуэзской галере. Материковая часть города была разрушена полностью, а стены срыты.

Можно ли считать гибель Сидона проявлением «силы вещей»? Нет! Бандитизм не заложен в природе взаимоотношений людей между собой. Преступления противоестественны, а потому подлежат наказанию. Жаль Сидона, но еще больше жаль, что монголы не поймали Жюльена.

Иную позицию заняли тамплиеры, оправдывавшие разбой Жюльена и его самого. Они даже купили у него развалины Сидона, погашая тем самым долги сеньора, неудачливого и в игре, и в войне. И что самое странное, аналогичную попытку грабежа ничьих земель предприняли сир Бейрута, маршал Иерусалимского королевства и многие рыцари храма. Они напали на туркмен, раскинувших свои шатры в Галилее, где они спасались от ужасов войны.

Туркмены разбили крестоносцев-бандитов, взяли в плен их вождей и вернули их за большой выкуп. Отсюда видно, что феодалы и рыцари-монахи руководствовались совсем не религиозными и даже не патриотическими мотивами. Их можно было бы понять и даже оправдать, если бы они не лгали. А лгали они нагло, систематически и подло.

Делами Заморской земли, и особенно Иерусалима, интересовались во всей Европе. Там радовались успехам восточных христиан, сравнивали Хулагу и Докуз-хатун с Константином и

Еленой, водворившими христианство в Римской империи в 313 г., ждали окончательного освобождения Гроба Господня. Но одновременно с этими настроениями были другие, им противоположные. Папа получал информацию из Палестины от тамплиеров и иоаннитов, которые открыто заявляли, что «если придут монгольские черти, то они найдут слуг Христа готовыми к бою». Зачем? Ведь монголы шли им на выручку. Странная логика, если не сказать больше.

Когда рыцарей Акры спрашивали, почему они так плохо относятся к монголам, рыцари приводили как пример разрушение Сидона. Получалось, что если граф или барон убивает азиата, то он герой, а если тот защищается и дает сдачи — это чудовищно. Позиция эта явно хромала, хотя бы потому, что князь Антиохии Боэмунд VI был союзником монголов. Во избежание досадных недоразумений папа отлучил его от церкви.

Собственно, отсюда пошла гулять по Европе «черная легенда» о монголах, да и о византийцах, которые год спустя без выстрела вернули свою столицу и продолжали вытеснять «франков» из Латинской империи. Так же относились братья тевтонского ордена к литовцам и русским, не дававшим себя завоевать. И даже немецкий историк XIX в. А. Мюллер писал: «Бороться с турками — с такими союзниками-варварами — то же, что изгонять беса силою Вельзевула». А французский историк XX в. Р. Груссе, наоборот, считал позицию рыцарей изменой христианству и безумием, а их версию — подлой ложью. И мы с ним согласны.

Конная армия Кутуза быстро форсировала Синайскую пустыню, и, используя численное превосходство, легко опрокинула монгольский заслон в Газе, но монгольский нойон Байдар успел известить Кит-бугу о вторжении. Китбуга стоял у Баальбека. Узнав о внезапно начатой войне, он со всеми своими войсками двинулся на юг, к Назарету, чтобы остановить противника. Кит-буга правильно рассчитал, что кони мамлюков утомлены переходом и отдохнуть им негде; а в то время степень утомленности коней определяла исход сражения, как ныне наличие бензина для машин. Расчет Кит-буги был правильным, но он кое-чего не учел.

То, что сирийские мусульмане ждали Кутуза с таким же нетерпением, как христиане год назад Хулагу, было понятно. То, что в Дамаске загорелись церкви, как незадолго перед тем мечети — вытекало из хода событий и расстановки сил, — также было очевидно. То, что генуэзцы продолжали конкурировать с венецианцами, а банк тамплиеров — с банком иоаннитов, в то время когда враг подходил к стенам Акры, тоже можно было вообразить. Но то, что рыцарский совет Акры будет обсуждать вопрос о союзе с мамлюками против монголов, т. е. с мусульманами против христиан, — это лежало вне возможностей нормального воображения. Только магистр тевтонских рыцарей помешал заключению этого союза. Ограничились компромиссом: приняли мамлюков как гостей, снабдили их сеном и продуктами, позволили отдохнуть под стенами Акры и даже впускали мамлюкских вождей в крепость, чтобы хорошо угостить. Кутуз, видя такое легкомыслие, хотел было захватить Акру, но жители города стали по собственной инициативе выгонять мамлюкских воинов. Поэтому ввести в город достаточно воинов не удалось.

При всем этом безумном легкомыслии рыцари Акры заключили с мамлюками торговую сделку: мамлюки обязались продать им за низкую цену лошадей, которые будут захвачены у монголов. Но мамлюки не выполнили своих обязательств. Видимо, степнякам были слишком противны титулованные спекулянты.

Дав войску и коням хороший отдых, Кутуз прошел через франкские владения в Галилею, чтобы оттуда напасть на Дамаск. Кит-буга с монгольской конницей и вспомогательными отрядами армян и грузин встретил противника у Айн-Джалуда, недалеко от Назарета, 3 сентября 1260 г. Монгольские кони были утомлены форсированным маршем, но ведь монголы еще не терпели поражений. «Горящие рвением, они шли вперед, доверяя своей силе и храбрости», —

писал армянский историк Киракос. Надежда на победу не оставляла монголов до конца.

Кутуз, используя численное превосходство, укрыл фланги в глубоких лощинах, а против главных сил Кит-буги выставил авангард под командованием своего друга Бейбарса. Монголы пошли в атаку и снова скрестили сабли с половцами. Бейбарс устоял. Фланговые части вышли из лощин и окружили монголов. Кит-буга, спасая честь знамени, скакал по полю битвы, пока под ним не убили коня. Тогда мамлюки навалились на него и скрутили ему руки.

Разгром был полный. Беглецы с поля боя тоже не уцелели. Их усталые кони не могли уйти от свежих мамлюкских. Желтый крестовый поход кончился катастрофой. Связанного Кит-бугу привели к султану Кутузу. Пленный найман гордо заявил победившему куману, что Хулагу-хан поднимет новую конницу, которая, как море, зальет ворота Египта. И добавил, что он был верным слугой своего хана и никогда не был царевницей.

После этих слов Кутуз велел отрубить Кит-буге голову.

Надежды последнего паладина восточного христианства, найманского богатыря Кит-буги, не сбылись. Гражданская война в Монгольском улусе затянулась до 1301 г. и погасла лишь тогда, когда монгольские богатыри перебили друг друга. Перегрев пассионарности сжег Монгольский улус и степную традицию. Улусные ханы оказались не государями, а пленниками своих подданных, которые заставили их принять свою веру: на западе — ислам, в Китае — буддизм. Гибель Кит-буги и его ветеранов оказалась не случайной потерей, а поворотной датой истории, после которой «сила вещей» повлекла цепь событий по иному пути.

После того как монгольская армия отошла за Тигр, в Сирии и Месопотамии началось поголовное истребление христиан. То культурное наследство Византии, которое пощадили арабские правоверные халифы — Омейяды и Аббасиды, еретики Фатимиды, рыцарственные курды Аюбиды, было сметено мамлюкским натиском начисто. И нельзя сказать, что свирепствовали новообращенные половцы. Нет, они только разрешали мусульманам убивать христиан, а сами расширяли ареал, одерживая победу за победой. В 1268 г. пала Антиохия, в 1277 г. Бейбарс одержал свою последнюю победу над монголами при Альбистане, после чего его преемник султан Калаун взял в 1289 г. Триполи, а в 1291 г. Акру, Тир, Сидон и Бейрут. Дальше всех держалась Киликия, завоеванная мамлюками только в 1375 г. Ближний Восток из христианского превратился в мусульманский. С утратой традиции ушла культура и не заменилась другой. Разбитые «осколки» подобрал в 1516 г. османский султан, безжалостный Селим I. И тогда Ближний Восток, мудрый, доблестный и творческий, превратился в ту этнокультурную руину, которую описал М.Ю. Лермонтов в своем стихотворении «Спор», в котором ведут спор горы Казбек и Эльбрус о возможностях покорения природы человеком.

Не боюсь я Востока! —

Отвечал Казбек. —

Род людской там спит глубоко

Уж девятый век.

Посмотри, в тени чинары

Пену сладких вин

На узорные шальвары

Сонный льет грузин.

И, склонясь в дыму кальяна

На цветной диван,

У жемчужного фонтана

Дремлет Тегеран.

Вот у ног Ерусалима,

Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня.

М.Ю. Лермонтов прав только отчасти. Он описал самое тяжелое, самое неудачное для развития время на Ближнем Востоке — начало XIX в. Но времена меняются, и в них меняются люди. Время врачует самые тяжкие болезни этносов. И выздоровление наступает, когда происходит процесс вторичной интеграции или, вернее, регенерации.

До тех пор пока кочевники, покинувшие родную землю и оказавшиеся господами своих бывших хозяев-рабовладельцев, противопоставляли себя им и беззащитным народным массам, которых они только угнетали, но не считали даже нужным защищать, страны Среднего Востока слабели. Но внуки и правнуки куманов, карлуков, канглов и найманов, родившиеся в цветущих оазисах Хорасана, на просторах Междуречья Тигра и Евфрата, которое называлось Диарбекир — Месопотамия, — постепенно сливались с местным населением в новые этнические целостности.

Этот процесс, не замеченный великим поэтом, шел исподволь в XVI в. и, как всякий инкубационный период, мог быть замечен с большого расстояния. Народы-этносы, обновляясь на основе очень сложного генезиса, преодолели инерцию распада, и в настоящее время можно ждать появления обновленной культуры Передней Азии, Ирана и Северной Африки.

А тот тяжелый период, который породил 600-летний упадок, не был предначертан закономерностями истории. Он был результатом трагической случайности — победы султана Кутуза над Кит-бугой-нойоном в долине Айн-Джалуд.

Третье предательство — убийство друга

Кутуз, казнив Кит-бугу-нойона за дерзкие слова, совершил поступок, который в те времена считался нехорошим. Военнопленного, если он не был преступником, следовало отпустить за выкуп. Даже существовала определенная такса: сколько брать за простого воина, сколько — за барона, сколько — за принца крови и сколько — за короля. Если же пленник был беден и не мог сам выкупиться — его полагалось ставить на невольничий базар и продать, но не убивать. Средневековая война имела правила, которые обычно соблюдались.

Из этих правил исключались исмаилиты и рыцари-монахи: тамплиеры и иоанниты, так как их организации были основаны на тайне, а в те времена люди полагали, что где тайна, там — дьявол. С этим персонажем воины иметь дела не хотели, потому что с ним были обязательно связаны ложь и обман. А кому охота быть обманутым?

Но Кит-буга не был ни преступником, ни членом секты. Поэтому, казнив его, Кутуз совершил убийство: грех, за который он должен был понести наказание от Аллаха. И он его понес.

Почему монголы так долго — с 1208 по 1260 г. — и так упорно воевали с половцами? Да потому, что они хорошо их знали! Знали их отвагу, неукротимость, железную выдержку, блестящие способности. Единственным качеством, не дающим половцам возможности добиться успеха, была их «старость», т. е. снижение пассионарности системы до уровня гомеостаза. При этой фазе любой талантливый человек воспринимается соплеменниками как угроза основам общества, и общество делает все возможное, чтобы помешать талантливым людям осуществлять деяния, которые могли бы спасти народ.

Это кажется парадоксом: почему разумные люди не ценят человека, который за них решит насущные задачи, важные для общего дела, в котором заинтересован каждый? Потому, что личные сознательные решения тонут в общественной эмоции, протестующей против признания соседа лучше себя.

Вспомним одну из «Удивительных историй» П. Карякина, опубликованную в «Известиях» несколько лет тому назад, — «Выпендривающийся Жора», где увольняют хорошего продавца из магазина именно за то, что он хорошо продавал рыбу. Этот фельетон — предупреждение. Мы еще не старый этнос, прожили 600 лет, т. е. половину нормального срока. Поэтому такое отношение к таланту считаем безобразием и высмеиваем в печати. А половцы жили уже шестнадцатый век (с III в. до н. э. по XIII в. н. э.). Фактически они закончили свой цикл этногенеза и превратились в реликт, лишенный саморазвития, но не потерявший природных свойств: мужества, выносливости, физической силы.

Пассионарии среди них еще встречались, но как аномалии. Таким был мамлюк Бейбарс, похожий на других кыпчаков, примерно настолько, насколько Наполеон Бонапарт походил на остальных корсиканцев. Признак пассионарности имеет широкий спектр вариаций, но даже при случайных вспысках он не может существенно изменить закономерность этногенеза, как в период подъема, так и в эпоху угасания.

Именно поэтому кыпчаки (они же куманы или половцы), канглы (печенег), карлуки (отрасль тюркютов) и гузы обретали силу и находили себе применение лишь в сочетании с более пассионарными этносами. Так, в сочетании с русскими они сложились в этнос украинских казаков, в контакте с иранцами — в шиитскую Персию, а в Египте, находясь в изоляции от аборигенов, мамлюки продержались до 1798 г., т. е. до похода Наполеона.

«Но вернемся к нашим баранам».

Воинствующая посредственность всегда нетерпима и больше бьет по своим, чем по чужим.

Выше мы приводили наблюдение мусульманского автора, Фахр ад-Дина, что турки у себя дома не могут выдвинуться, т. е. проявить свои способности, зато за границей они легко делают карьеру. Здесь мы видим этому блестящее подтверждение. Кыпчаки победили монголов в Сирии и могли бы это сделать в Прикаспии, если бы монголы дали им время для этнической регенерации. Но монголы в 1208–1242 гг. крепко держали инициативу в своих руках. Вероятно, они бы и теперь победили, если бы не внезапный удар в спину, который нанесли им франки Акры.

Победа Кутуза больше всего огорчила его лучшего друга Бейбарса. Этот витязь считал себя обиженным судьбой, и не без оснований. Ведь это он, командуя буйными хорезмийцами, разбил при Газе франко-сирийское войско в 1244 г., принудил к капитуляции французского короля у стен Дамьеты в 1250 г. и тогда же убил Тураншаха и упразднил династию Аюбидов в Египте. И в эту войну именно он разбил монголов при Газе и, приняв на себя главный удар конницы Китбуги, выдержал натиск и обеспечил победу. И вот, несмотря на все это, кыпчаки отдали престол Кутузу, а не ему и восхваляют опять Кутуза, а не его. Очевидно, на своем островке на Ниле половцы вели себя так же, как на берегах Дона и Яика, — зажимали талантливых соплеменников, хотя сам Кутуз благоволил Бейбарсу. Однако тот уговорил трех своих товарищей убить султана. Как ему это удалось — неизвестно.

Кутуз возвращался в Египет и отправил вперед войско и султанский шатер. Бейбарс и другие заговорщики его сопровождали. По дороге Кутуз «поднял» зайца и галопом гнался за ним, как в своих родных степях. Заговорщики неслись за султаном, и, когда султан отделился от свиты и остановился, один из них подошел к нему и попросил милости для какого-то пленника. Султан согласился. Тогда мамлюк приблизился к нему, чтобы поцеловать руку в знак благодарности, крепко сжал протянутую правую руку султана и держал ее, а Бейбарс ударил Кутуза саблей. Другие заговорщики сбросили раненого Кутуза на землю и расстреляли из луков. Это произошло 24 октября 1260 г.

Приходится думать, что убийство было неожиданностью только для султана. Когда, несколько часов спустя, убийцы подъехали к султанскому шатру, эмир Актай, второе лицо в султанстве, спросил: «Кто из вас его убил?» «Я», — ответил Бейбарс. «Государь, соблаговолите сесть на место султана». Бейбарс сел и принял присягу.

История странная и грязная. Но время для расследования упущено, и теперь невозможно сказать, как произошел этот государственный переворот. Последствия его были тяжелыми. Новый режим больно ударил по христианским подданным Бейбарса. Их стали угнетать и обижать разными способами. Караваны паломников, которые доселе свободно ходили из Яффы в Иерусалим, стали подвергаться нападениям бедуинов, которым египетский султан не препятствовал. Была завоевана христианская Нубия, и ее население было обращено в ислам. Гордая Акра, пренебрегшая союзом с монгольскими христианами, была вынуждена сражаться с половецкими мусульманами, которые при преемнике Бейбарса — Калауне — взяли все христианские крепости Палестины. Из этих крепостей спаслись только «франки», которые успели подняться на борт итальянских галер и добраться до прекрасной Франции. Мамлюки крестоносцев в плен не брали. Захваченных рыцарей они толкали вниз с башен взятого города и ловили их на копья. Так закончились крестовые походы.

Крестоносцы заступались за убийцу и грабителя только потому, что он был им «свой». Все это хорошо знали юристы Болоньи и Сорбонны, недоумевая только, как будут оправдываться тамплиеры? А они выкинули неожиданный трюк: дали распространение «черной легенде» о татарах.

Самую большую силу имеет обыкновенная сплетня, анонимка. «Где-то рассказывали...», «Кто-то видел...», «Как же, все знают, что...» — и так можно нести любую околесицу в

придорожной таверне, на пиру у графа, когда все пьяны, или вечером в монастыре, где даже домино (монашеская игра) надоело. И вот по всей Европе шли рассказы, что монголы — это татары, а татары на самом деле тартары, т. е. исчадия ада: «Они мучают пленных, истребляют все живое, дома и поля с садами. Они нарочно испортили каналы в Средней Азии у мусульман, которые, конечно, враги христианства, но не цивилизации. Живут же мусульмане в Сицилии и Гранаде — что плохого. Все знают, что греки гораздо хуже мусульман. А русские... да что и говорить! Они держатся только благодаря помощи великого хана, а то бы их давно скрутили братья тевтонского ордена. Это верно! Сам патер Рубрук написал, а мне читал каноник церкви святого Дениса. Поверьте мне, друг мой, и тогда мы выпьем вместе анжуйского».

И вот шла подобная брехня через всю католическую Европу, через весь христианский мир, отравляя умы и ожесточая сердца. Это и была «черная легенда», принесшая не меньше зла, чем «черная смерть» — чума.

"Черная легенда" и борьба с ней

Человечество состоит не только из легковверных. Ученых, юристов, французских нотаблей на эту удочку нельзя было поймать. Посланников в Монгольский улус было много, но отчеты послов, как данные военной разведки, скрывались в архивах, а те во время Столетней войны сгорели. Однако у нас есть достаточно данных, чтобы восстановить ход событий и нарушение их логики. Мы, как и французские нотабли XIV в., понимаем, что в Сидоне не обязательно должен был править мерзавец. Ясно и без доказательств, что тамплиеры могли и не брать убийц под защиту ордена. Тут действовали не божественное предопределение Блаженного Августина, не механизм Вселенной Лапласа и не движение к абсолюту Г.В.Ф. Гегеля.

Что же их заставляло снабжать войско Кутуза? Плохой, обывательский расчет, надежда на наживу. Но расчет этот был неверен, и предательство Кит-буги не было оплачено. Свои тридцать сребреников феодалы Акры не получили.

Однако именно из-за них пошли на ветер 190 лет трудов, лишений, жертв, затрат и самообмана. Налоги с французских крестьян наполняли карманы тамплиеров, а головы французских воинов валялись в песках Палестины, обеспечивая коммерческие операции Акры и Кипра, Генуи и Венеции.

И если до 1260 г. была надежда на успех, то после битвы при Айн-Джалуде дальнейшая поддержка Заморской земли была преступлением, совершившимся в чужих интересах. Но тамплиеры поддерживали обогащавшую их войну и не боялись ответственности. Ведь улик против них не было. А демагогия велась на высшем уровне. Поди попробуй скажи, что крестовый поход уже не подвиг, а лавочка...

Наконец в 1307 г. французская корона ответила на наглый обман подлым ударом. В одну ночь все тамплиеры во Франции были арестованы и под пытками признали себя виновными в кощунстве и сатанизме. Большая часть обвинений не была доказана, но в 1314 г. великий магистр ордена, Жак де Молэ, и еще несколько тамплиеров были сожжены в Париже, а остальные сгнили в тюрьмах.

И тут началось! Все враги железного короля Филиппа IV Красивого стали защищать тамплиеров. Оправдывали их деяния, превозносили их образованность и широко пропагандировали их мнения, в том числе — черную легенду о татарах — исчадии ада.

Направленная ложь — оружие неотразимое. Важно только, чтобы обманываемый очень плохо знал предмет. Тогда, даже будучи неглупым, он не разберется, как там и что. Так как в XIV–XV вв. географию Восточной Азии знали очень плохо, а историю не знали вовсе, то можно было врать сколько угодно, без боязни быть уличенным. Так и зашагала «черная легенда» об адских злодеях татарах по Европе. Охаяны были не только тихие волжские татары, мордва, тунгусы, якуты, но и русские, входившие во время раздувания «черной легенды» в состав Золотой Орды.

За 500 лет «черная легенда» пустила глубокие корни и пышные ветви, на которых произросли европоцентризм, учение о народах «исторических» и «неисторических», расизм, тезисы об отсталости России, застое Китая и особой значимости Индии. Особенно гадко деление этносов на «диких», из вежливости называемых «примитивными», и «цивилизованными», под которыми понимаются европейцы и выходцы из Европы, живущие в колониях, кроме креолов и метисов — «чиканос». Но это уже другая «черная легенда».

Мы рассмотрели тысячелетний период истории Европейского континента. Что мы видели: подъемы и спады энергии живого вещества биосферы, беспорядочные вспышки уровня страстей (пассионарного напряжения), интеграции и развала системных целостностей разных порядков.

Все процессы этнической истории происходят по этой схеме, правда, с вариациями. Ни один из этногенезов не лучше и не хуже другого. Они бывают лишь моложе, значит, потентнее, или старее, значит, спокойнее. И то, что Европа в XVIII–XIX вв. накопила большой запас богатств и традиций, нежели внеевропейские этносы, означает только то, что они уже успели растратить первоначальный импульс пассионарности, либо еще не успели его накопить.

Так, Византия, славяне и готы были на 700 лет старше «христианского мира» — романо-германской Европы. И та, будучи «дикой» и «осталой», обладала нерастраченными силами, которые обеспечили ей на время (относительно короткое) гегемонию в мире. Россия, Турция и Абиссиния на 540 лет моложе Западной Европы. Следовательно, у них многое впереди. Разве это отсталость?

И наконец, наша работа не апология монголов XIII в. Да они в ней и не нуждаются. Конечно, среди монголов были добрые и злые, храбрые и трусливые, умные и глупые, как и среди французов, немцев и папуасов. Мы возражаем только против предвзятого отношения к тем или иным этносам, против подмены научного анализа изъявлением собственных вкусов, против навязывания их читателю и выдавания их за истину в последней инстанции, что просто обман. Спорить о том, какой этнос лучше, все равно как если бы нашлись физики, предпочитающие катионы анионам, или химики, защищающие щелочи против кислот. Мы изучаем закономерности этнической истории, существующей вне нас и помимо нас.

И еще одна задача, требующая решения. Читатель может подумать, что, отрицая предопределенность на уровне персон, мы утверждаем ее на уровне этносов, ибо признание наличия закономерности — «силы вещей» — это философский детерминизм. Да, это было бы так, если бы все человечество представляло единую систему, однако мир разнообразен. Антропосфера мозаична, и этносы были всегда и во все века сталкивались друг с другом.

Вот в этих контактах, имеющих зазоры, лежит «полоса свободы», когда не только человек, но и этнос может сделать выбор и понести за него ответственность, как человек, ибо этнос тоже система, только усложненная.

А свободный выбор рвет цепочки причинных связей, обрывает закономерности «силы вещей» и позволяет человеку чувствовать себя не куклой, игрой природы и социальных сил, а особой величиной, индивидуальностью, равным, соучастником процессов и явлений мироздания.

Вот поэтому сослагательное наклонение, рассматриваемое в естествознании как необходимый прием исследования, уместно и в истории. Мы хотим понять: была ли неизбежной та или иная катастрофа или ее можно было избежать? Или смягчить ее последствия? Или одержать победу там, где в действительности было поражение? В отличие от традиционной историографии мы считаем себя вправе поставить этот вопрос и предложить решение, правильность которого пусть оценит читатель.

А могло ли быть иначе?

Ради ответа на этот вопрос наша работа и была написана, но вопрос сформулирован некорректно. На него можно ответить только неопределенно: «Иногда, в некоторых случаях, может быть». Но разве такая расплывчатость удовлетворит читателя?

Он привык слышать «да» или «нет». Он хочет, чтобы ему ответили «просто», не заставляя думать над ответом. Увы, в мире все сложно, просто только в голове дурака.

А в самом деле такой вопрос по разным частным случаям ставился неоднократно. Ответ почему-то не получен. Половина наблюдений говорит за детерминизм, полный и безоговорочный, другая половина провозглашает победоносных полководцев героями, удачливых политиков — мудрецами, реформаторов — гениями и т. д. Иначе говоря, заслуга приписывается либо одному человеку, либо группе людей — социальному организму, либо этносу — природному коллективу, который К. Маркс называл *Gemeinwesen*, но не безличной судьбе, предопределению.

Кто же прав? Или оба не правы? Но тогда как быть? Попробуем поставить вопрос по-иному. То, что крестовые походы и монгольские завоевания были последствиями природных явлений — вспыхек этногенеза, — ясно и не вызывает сомнений. То, что детали каждого из этих грандиозных процессов определялись логикой причин и следствий, что мы называем «силой вещей», можно считать доказанным. А вот когда два и более процессов накладываются один на другой, когда они оба закономерны и равно могучи, что тогда? Видимо, результат непредсказуем, значение случайности вырастает и людская воля вмещивается в течение событий. В этих редких случаях может быть не одно последствие, а любой из нескольких вариантов, и каждый, будучи осуществлен, влечет за собой «силу вещей».

Итак, мы заменяем принципы причинности (казуальности) и произвольности принципом вероятности, принятым в естествознании, и ставим вопрос корректно: могло ли быть иначе, если бы в 1260 г. монголы победили мамлюков? И могли ли они их победить?

Хотя вопросы поставлены непростые, на них можно дать обоснованные ответы.

Искренние крестоносцы первого похода 1099 г. были фанатики и созидатели — они организовали Иерусалимское королевство и написали для него законы — ассизы. Их потомки через полтора столетия превратились в спекулянтов и грабителей, неспособных не только создавать, но даже сберечь полученное наследие. Здесь обобщен процесс упрощения системы, когда подвиги подменяются преступлениями.

Патологическое состояние франкской республики Акры могло длиться лишь потому, что Христианский мир и Монгольский улус были охвачены жестокими междуусобными войнами, как бы аннигиляцией импульсов противоположных знаков. Их силы погашались внутри их собственных систем. Поэтому, и только поэтому безобразия крестоносцев не были прекращены своевременно, чем и воспользовались мамлюки. Сам султан Кутуз сказал: «Если весть о смерти Мункэ-хана запоздает дойти до слуха Хулагу, то Каир разделит судьбу Багдада и Дамаска». Значит, он допускал возможность поражения, но как мужественный куман рискнул... и выиграл.

Ну а что было бы, если бы франки Акры повели себя нормально, т. е. не снабдили бы усталых мамлюков провиантом и не пропустили бы их через свои земли в тыл монголам, а, наоборот, потрепали бы войско Кутуза внезапными стычками и предупредили бы Кит-бугу о необходимости подтянуть подкрепления?

Армян и сирийцев было много. Битва отложилась бы до их прихода, и, даже если судьба обрекла Кит-бугу на смерть, он погиб бы в бою, который наверняка кончился бы разгромом мусульман. И если бы венецианцы, вместо того чтобы биться с генуэзцами, блокировали

Александрию на время, нужное монголо-армянам для вторжения в Египет, то судьба мира ислама была бы решена.

Тогда бы сохранилась старинная христианская культура в Верхнем Египте и Нубии. От Балха до Ассуана ширилась бы христианская империя с монгольской династией. Но ведь в те времена в Англии и Германии династии были французскими (Плантагенеты и Люксембурги), а в королевстве обеих Сицилий — немецкая (Гогенштауфены). Ильханы (ханы завоеванных земель) заключили бы с королевством палестинских франков мир — как с Никейской империей и Киликийским царством; и древняя культура Византии сохранилась бы во всем многообразии и творческом богатстве. Рядом с Византией сложилась бы вторая восточно-христианская империя, превосходившая первую доблестью, мудростью и богатством.

А кто проиграл бы? Берберские пираты Алжира, Туниса и Орана. Лишенные поддержки с востока, они были бы завоеваны французами или испанцами не в XIX, а в XIV–XV вв. Зато Средиземное море стало бы безопасным для торговых судов, а его берега — для рыбаков и виноградарей.

Но был возможен и другой вариант. Так как наследники Хулагу-хана выступали в полувековой гражданской войне в Монголии на стороне Хубилая, против монгольских несториан: Ариг-буги, Хайду и Наяна, то они, подобно великому хану, могли договориться с католиками и принять крещение из Рима. Это было столь же вероятно, как реальный вариант — обращение Газан-хана в ислам.

Тогда держава ильханов испытала бы судьбу Индии XVIII–XIX вв., только на месте Ост-Индской компании оказалась бы венецианская сеньория. Тогда восточных христиан давили бы не мусульмане, а католики, которые принесли бы из Италии культуру Возрождения. Монгольские ханы быстро стали бы марионетками флорентийских или сиенских банкиров, которые в XIV в. высосали бы из Сирии и Ирана все богатства, уцелевшие от войны XIII в.

Но вот чего не могло быть, так это возрождения Арабского халифата. Халифы совершили непростительную ошибку еще в IX в.: они передоверили защиту государства иноземцам — тюркским гулямам — и за 300 лет вне Аравийской пустыни арабов не стало. Хотя население говорило по-арабски, но чувствовало и мыслило по-тюркски или по-берберски, по-курдски или по-персидски. А эти даже не пострадали бы, потому что им нечего было терять и не к чему стремиться. В зоне этнического контакта они потеряли ощущение своей принадлежности как к староарабскому, так и к тюркскому этносу. Они превратились в блуждающие свободные атомы внутри огромной суперэтнической системы.

Пострадали бы исмаилиты (которых планомерно истребляли и мусульмане и христиане) и друзья исмаилитов — тамплиеры. Тех просто распустили бы после освобождения Иерусалима. Но, пожалуй, последним тамплиерам лучше было бы превратиться в простых феодалов, чем гореть на медленном огне французских костров, или заживо гнить в подвалах коронных замков.

Однако здесь уже вступила в новое русло «сила вещей». Предательство — преступление противоестественное, зло ради зла, и естественный ход событий его карает. Последний магистр ордена, Жак де Молэ, видимо, был осужден по ложному обвинению, но перед судом истории он был виновен. Он вступил в орден и приехал на Кипр в 1259 г., т. е. часть вины за гибель Кит-буги и многих тысяч восточных христиан лежала на нем. И «черную легенду» о монголах распространяли его рыцари и слуги. Он погиб не за то, в чем был действительно виновен, но дело его ордена отравило сознание европейских обывателей, и эта отравка, под другими названиями, действует до сих пор, распространяясь как нечто, не требующее доказательств. В Европе говорят: «Поскреби русского и найдешь татарина». Ну и, казалось бы, что — чем плохи татары?! Ничем!

Но тут вступает в силу «черная легенда», и русским надо об этом знать. Вот ради чего

написан этот историко-психологический этюд, который не потеряет значения до очередного рокового мгновения и торжества научной истины над ложью.

notes

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993., стр. 18

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993., стр.18

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993., стр.19

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966., стр.19

Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994, стр. 43

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927, стр. 5-6

Гумилев Л.Н. Записки последнего евразийца. — "Наше наследие", 1991, N3.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, стр.10, 27; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973, стр.26, 31, 98–99, 121, 154, 163, 165; Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории. — "Вопросы истории", 1974, N12.

Гумилев Лев Николаевич: Библиографический указатель/ Предисл. и составление А.Г.Каримуллина. — Казань, 1990.

Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана (По поводу книги Л.Н.Гумилева "Поиски вымышленного царства"). — "Вопросы истории", 1971, N3.

Чивилихин В.В. Память: Роман-эссе. — «Роман-газета», 1982, N16-17.